

© *Петербургское библиотечное общество, 2019*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 575 70 66
e-mail: pbo@pl.spb.ru

Регистрационный № П 1360 ФГУ
“Северо-Западное окружное
Межрегиональное ТУ МПТР России”
от 03 марта 1995 г.

При перепечатке материалов ссылка на
журнал “Петербургская библиотечная
школа” обязательна

Издательский отдел БАН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Отпечатано в ООП БАН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Тираж 100 экз. Зак. № 90.

Номер подписан в печать 26.08.2019 г.

**СОДЕРЖАНИЕ
№ 3 (68) 2019**

Научные исследования

- Искюль С.Н.** Наполеон — читатель
Макиавелли? 3
- Гальцин Д.Д.** Сборник Miscellanea
Astrologica из фондов Научно-
исследовательского отдела рукописей
Библиотеки Российской академии наук:
кодикологические и текстологические
аспекты рецепции средневековой магии
в эпоху Возрождения 10
- Возток А.И.** Развитие библиотечного
дела в Эстонии (1918–1940) 19
- Жуков А.Е.** К вопросу о научном методе
Н.К. Никольского 25
- Савченко М.Д.** От печатной книги к сети
Интернет: трансформация понятия
«норма» в информационную эпоху 36
- Кнорозова Е.Ю.** К вопросу об обеспечении
гуманитарных исследований Вьетнама 40
- Пономарева Н.В.** «Библиография изданий
Академии наук» как источник
информационного обеспечения истории
науки 48

Люди и книги

- Бахарева Г.В., Валуйская Е.Б.** Максим
Горький и библиотека Пушкинского Дома
(к 150-летию со дня рождения
писателя) 52
- Перекрест С.В.** Систематизаторы
Библиотеки Академии наук 1920-х годов:
Виталий Степанович Серебrenиков —
философ, богослов, психолог 59
- Виноградова Т.И.** Переписка
И.И. Яковкина и В.М. Алексеева 70
- Хотеев П.И.** Две надписи на трактате
по артиллерии из библиотеки
Я.В. Брюса 74

История библиотек и коллекций

- Зенкевич С.И.** О роли мемориальных
книжных собраний в истории фонда
сектора БАН при СПбФ ИИЕТ РАН 79
- Колмакова М.В.** Подсобная часть
Славянского фонда БАН: собрание
Ю.Д. Марголиса 85

Президент ПБО

Чалова З.В.

Редакционная коллегия

Андреева Н.С.

Савченко М.Д.

Басов С.А.

Колтакова Н.В.

Рудая З.А.

Холмогорова О.В.

Веб-райтер

Елкина Н.Н.

Технический редактор

Томшина М.В.

В оформлении обложки использован
рисунок *Кульматовой Т.В.*
«Тучков переулоч»

Красникова О.А. Русские печатные карты
XVIII в. в фонде Сектора картографии
Отдела фондов и обслуживания
БАН 94

Чернышенко Д.Ю. Выявление и первичное
описание газет из собрания П.А. Сырку
в фондах БАН 112

Балакина А.А., Бекжанова Н.В.
Библиотека Российской академии наук
(БАН). Хроника военных лет, январь–
апрель 1944 года 115

Стасевич В.А. Выставка вложений из книг
Отдела редкой книги БАН 134

Бубнов Н.Ю. «Слово на Покров Пресвя-
тая Богородицы» и гравированный портрет
старообрядца Ильи Ковылина 140

Обзоры, информация

Прохоренко А.В. Образ В.И. Ленина
в революционной сатире 1917 года:
по материалам фондов Библиотеки
Российской академии наук (БАН) 149

Хаздан С.Е., Фрейдина К.Б.
Академическая наука в год полного снятия
блокады: выставка ОИАН БАН
(краткий обзор) 157

Приложение к журналу 161

НАПОЛЕОН — ЧИТАТЕЛЬ МАКИАВЕЛЛИ?

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется содержание книги «Макиавелли, комментируемый Наполеоном». Раскрывается автор этого анонимного сочинения.

Ключевые слова: Макиавелли, Наполеон, библиофилия, культура чтения, библиотекарь и библиограф Барбье, Реставрация Бурбонов, аббат Эме Гийон.

На этот вопрос нельзя ответить иначе как утвердительно, но сначала кое-что из воспоминаний. Мне памятен тот день, когда, зная о моих интересах, коллеги сообщили мне, что в ленинградском обществе библиофилов состоится выступление Ефима Григорьевича Эткинды. Как называлась лекция, я не помню — вероятно, что-то вроде: «Редкая книга наполеоновских высказываний из моей библиотеки». Эткинды тогда я не знал вообще, и ведущий представил его как доктора филологических наук и профессора Ленинградского Педагогического института им. А.И. Герцена. Мне сразу понравился этот высокий худощавый человек и его манера живого повествования, сразу заинтересовавшая аудиторию. Рассказывал Эткинды о книге «Макиавелли, прокомментированный Наполеоном». Книгу эту профессор в свое время случайно купил у букинистов, ибо его интерес вызвало само сочетание двух великих имен на титульном листе.

Название книги и в самом деле вызывает интерес и желание ее прочесть: «Макиавелли, комментируемый Н-ом Бюонапарте (именно так, как в данном случае и следует, прочитал эту фамилию Эткинды. — *С.И.*). Рукопись, найденная в карете Бюонапарте после сражения при Мон-Сен-Жане, 18 июня 1815 г.» [1]. Эткинды рассказал о содержании книги, о том, что она представляет собой новый

по тому времени перевод «Государя», изданный в Париже в 1816 г., причем на полях воспроизведены отзывы Наполеона о том или ином пассаже Макиавелли. Ефим Григорьевич сказал и о том, что высказывания относятся к разному времени — когда Наполеон был всего лишь генералом, когда он стал Первым Консулом Французской республики, когда короновался императором французов, после чего подписывает первое отречение от престола в 1814 г. и, наконец, когда становится государем острова Эльба (после каждого высказывания значится сокращенное указание о времени его написания).

Главное в этом выступлении было изложение содержания книги. Эткинды читал отрывок из «Государя», высказывание, приведенное на полях, и кратко, часто одним — двумя словами комментировал прочитанное. Собственно, в этом и состояло выступление Е.Г. Эткинды.

И доклад, и книга меня заинтересовали, и коллеги из Публичной библиотеки предлагали познакомить меня с Эткиндой, но я все откладывал встречу на потом, когда вдруг мне стало известно, что по политическим мотивам Ефим Григорьевич был лишен советского гражданства в 1974 г. и выслан из СССР.

Впрочем, уже спустя много лет, когда Эткинды вернулся в Петербург, а мой друг

Владимир Ефимович Васильев (бывший сотрудник систематического каталога БАН) собирался к нему, в том числе и для того, чтобы подарить свою «Испанскую эпиграмму», я послал Ефиму Григорьевичу одну из своих книг с запиской, в которой напомнил ему о выступлении в обществе библиофилов. В ответ Эткинд отдал мне своей последней книгой с вклеенной в нее визитной карточкой и кратким письмом, где поблагодарил за подарок, но писал, что ничего не помнит о своем выступлении — так это было давно.

Вторая моя «встреча» с Макиавелли состоялась в 1987 г., когда Виктор Иванович Рутенбург, заведующий тогда еще Группой всеобщей истории Ленинградского отделения института истории СССР АН СССР, подарил мне второе издание книги Н. Макьявелли (sic!) «История Флоренции» — к тому времени я уже не раз участвовал в заседаниях группы, одно время профессор О.Л. Вайнштейн собирался взять меня к себе в аспирантуру, и я даже имел удовольствие участвовать в издании «Хроники Питти», которую издавал Виктор Иванович Рутенбург в серии «Литературные памятники».

В обширном и во всех отношениях образцовом послесловии В.И. Рутенбурга к изданию «История Флоренции» имеется указание: «Наполеон читал и комментировал “Государя”» [2, с. 382], и при этом автор делает ссылку на сочинение, о котором рассказывал Эткинд. Та же ссылка значилась и в первом издании перевода «Истории Флоренции».

Эта история заинтересовала меня. Правда, сразу возникли разного рода сомнения и вопросы. Например, зачем Наполеону понадобился французский перевод «Государя»? Ему не составляло труда прочесть Макиавелли по-итальянски и не обязательно по изданиям XVII или XVIII вв. [3]. Он как корсиканец свободно говорил на этом языке, так же как и его отец Карло Буонапарте, адвокат верховного совета Корсики, и его матушка Летиция Рамолино, с большим трудом

говорившая по-французски и постоянно вставлявшая в свою речь итальянские слова, и все их родственники, флорентийские дворяне, достоинство которых, правда, иногда приходилось доказывать. Итак, зачем Наполеону понадобился французский перевод итальянца Макиавелли?

Далее, зачем Наполеону понадобился новый перевод? К тому времени существовало несколько переводов «Государя» на французский [4], и Наполеон мог приобрести «Государя» по-французски у парижских букинистов и в книжных лавках других городов, где ему приходилось бывать. Когда же Наполеон стал всевластен, он мог распорядиться переиздать перевод, например, Амело де Ла Уссея. Кроме того, такой перевод мог оказаться в библиотеке любого императорского дворца — будь то Тюильри, Сен-Клу, Мальмезон, Рамбуйе, Компьен или Лёкен. Помимо этого, существовала библиотека Института, который Наполеон воссоздал после революционного хаоса и деятельность которого всячески поддерживал, будучи сам членом Института. Наконец, едва ли Наполеон был таким знатоком-лингвистом, что прежние переводы его настолько не удовлетворяли, что он заказал себе новый перевод. Кроме того, чтение рукописи в карете, по-видимому, сопряжено с неудобствами, разве что речь идет о рукописи переплетенной.

Но приведем несколько характерных примеров из Макиавелли и маргиналий, сопровождающих эти примеры:

«Государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки, ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может переложить на другого». — На полях следует приписка: «Говорят, будто я собираюсь взяться за перо, дабы приняться за свои *Воспоминания*. Я? писать? Неужто меня принимают за полное ничтожество? Это все равно, что сравнивать меня с братцем Люсьеном, кропающим свои вирши!

Забавляться подобными пустяками, значит отказываться от власти». Э[льба] [1, р. 137].

Или такое высказывание:

«Государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением по мере надобности». — Помета на полях: «Выразить сие можно как угодно, главное — удержать власть и поддерживать в государстве добрый порядок». К[онсульское] п[равление] [1, р. 146].

Или далее:

«Государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же — воздерживаться по мере сил, но не более». — К сему пассажи относится такое примечание — «Совет моралиста». И[мператорское] п[равление] [1, р. 148].

Вслед за этим:

«Может возникнуть вопрос, что лучше, чтобы государя любили или чтобы его боялись». — На это следует ответ: «Для меня это вообще не вопрос». К[онсульское] п[равление] [1, р. 161].

Далее:

«...Если начать жить хищничеством, то всегда найдется предлог для присвоения чужой собственности, тогда как оснований для лишения кого-либо жизни гораздо меньше и повод для сего приискать труднее». — На полях следует приписка: «Легкость, с которой всегда находятся предлоги, — одно из преимущественных сторон моего могущества». К[онсульское] п[равление] [1, р. 164].

И далее:

«Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса — волков; следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы обойти капканы, и льву, чтобы отпугивать волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капканов». — С чем содействует такое суждение: «Прекрасный, однако же, пример для подражания». Г[енерал] [1, р. 171].

Или, наконец, такое высказывание:

«Пусть тем, кто видит государя и слышит, он предстает как само милосердие, верность, прямодушие, человечность и благочестие, особенно благочестие... Всякий знает, каков ты по наружности, но немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оппорить мнение большинства, за спиною которого стоит государство». — Слева на свободном поле значится: «Вот на что я рассчитываю». И[мператорское] п[равление] [1, р. 178].

Читая эти и другие пометы, не раз ловишь себя на мысли, не слишком ли саморазоблачительно звучат эти высказывания?

Помет в книге много, по несколько на странице. Заметим в связи с этим, что, как известно, после 1804 г. император практически перестал писать — он только подписывал разного рода акты и договоры, делая исключения только для писем жене, крайне немногословных.

Теперь попутно, что касается Наполеона и его отношения к книге и библиотекам вообще. Сразу надо сказать, что он был прилежным читателем, всегда читал много, весьма быстро и столь же быстро запоминал прочитанное, но, что интересно, редко прочитывал интересовавшую его книгу целиком. Он был, что называется, ищущим читателем; и, по-видимому, когда интерес к сюжету у него ослабевал, он искал удачные выражения, перлы авторской мысли и блестящие остроумия. Многие случаи, о которых повествуют мемуаристы, свидетельствуют о том, что Наполеон читал и перечитывал те или иные сочинения, как смотрел и по несколько раз «пересматривал» некоторые театральные пьесы [5, Appendix B.].

Более того, следует сказать, что и библиотека, и книга были для Наполеона тем, без чего он просто не мыслил своего существования. Известно, что в библиотеке его отца были исторические сочинения, и некоторые Наполеон привез с собой во Францию, когда собирался учиться в Бриенне и Париже. Известно, что его часто видели в училищных библиотеках

за чтением и выписками. Но он был читателем требовательным.

Во время пребывания в 1808 г. в Байонне, когда решалась судьба династии испанских Бурбонов, в течение тех нескольких дней, которые были насыщены официальными встречами и переговорами, Наполеон поручил графу Клоду-Франсуа Менавалю, своему личному секретарю, написать письмо Антуану-Александрю Барбье, назначенному библиотекарем императора французов в 1807 г.

До этого А.-А. Барбье (1765–1825) служил в комитете Национального конвента, ведавшем делами народного просвещения, занимался разбором и систематизацией книг и рукописей, скопившихся в разного рода бывших королевских учреждениях и монастырях, и подбором их для библиотек новых правительственных учреждений. В 1798 г. Барбье был назначен библиотекарем книжного собрания, которое формировалось для правительства Директории, а после переворота 18 брюмера оно было передано Государственному совету, и Барбье стал его библиотекарем. Несколько случаев личного общения было для Наполеона достаточно, чтобы по достоинству оценить профессиональные качества этого человека, и назначение Барбье личным библиотекарем императора состоялось. Одним из доводов в пользу назначения Барбье был, надо полагать, выход в свет первого тома словаря анонимных изданий на французском языке [6]. Но должность личного библиотекаря не была покойной кабинетной должностью. Помимо чисто библиотечных функций, Барбье должен был лично докладывать Наполеону обо всех книжных новинках, заслуживающих внимания, — он должен был готовить для него подробные аннотации о вновь вышедших книгах и биографические сведения об авторах. Кроме этого, в их общении нередко возникали непростые вопросы, когда императору, например, требовались сведения об актах, регулировавших отношения императоров и римских пап.

Итак, письмо от 17 июля 1808 г., написанное секретарем Наполеона и подписанное «Менаваль, по повелению Императора». Из письма следует, что Барбье поручается создать новую, «портативную», библиотеку для личного пользования Наполеона. Библиотека должна была состоять из тысячи томов в 12-ю долю листа и без полей с тем, чтобы уместить все тексты в предположенный объем каждой книги — 500–600 страниц, и переплеты надо было заказывать как можно более тонкие. Наполеон предполагал, что в такой библиотеке 40 томов должно быть отведено текстам религиозного содержания, 40 — эпической литературе, 40 — произведениям драматургии, 60 — поэзии, 100 — романам и 60 — историческим сочинениям. Каждому из разделов в письме отводился абзац, где указывались отдельные авторы и названия их произведений, которые император хотел видеть включенными в общий корпус портативной библиотеки; в некоторых случаях следует указать Наполеона о том, что данного автора можно включить, если позволит место. Названы, к примеру, помимо Библии важнейшие сочинения Отцов Церкви, среди эпических сочинений — обе поэмы Гомера и Т. Тассо, в разделе театральных пьес помещены «Братья-враги» Ж. Расина и «Радамист» К.-П. де Кребийона, из романов — «Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо и сказки Вольтера, из исторических сочинений в соответствующем абзаце значатся только «речи» Макиавелли о Тите Ливии и «Величие римлян», в чем угадывается известное произведение Монтескье. Таким образом, «Государя» в этот перечень Наполеон не включил.

В заключении Менаваль писал о том, что император желает иметь в пользовании каталог такой библиотеки, чем собственно и должен был заняться Барбье в ближайшем будущем [7, № 14207 (р. 399–400)].

Возвращаясь к Наполеону как читателю, отметим, кроме всего прочего, что

он был, например, изрядно раздосадован и пребывал в дурном настроении, из которого его трудно было вывести, когда в продолжение победоносной войны в 1809 г., обосновавшись в императорском дворце Шёнбрун, он не смог в библиотеке этой своей венской резиденции найти тех книг, которые ему настоятельно требовались. Именно этот случай укрепил его в мысли о том, что личная библиотека, поместившись в карете, была бы для него жизненно необходима. Проект не был осуществлен, но Барбье регулярно посылал Наполеону нужные ему книги по эстафете и делал это даже после его первого отречения, посылая книги на остров Эльба. Перед этим, когда Наполеон находился в Фонтенбло, его заставляли за чтением своих излюбленных авторов — Светония, Виргилия, Тасо, Саллюстия.

Третья «встреча» с Макиавелли состоялась после того, как я приобрел у букинистов на Большом проспекте Васильевского острова книгу «Максимы и мысли узника Святой Елены» [8]. В этом собрании наполеоновских высказываний, которые записывал О.-Д. де Лас-Каз, один из членов свиты Наполеона, Макиавелли уделено немало внимания.

Например, «Я перечитываю Макиавелли всякий раз, когда позволяют мои болезни и занятия, и все более убеждаюсь, что он — профан» [8, № XIV]. Важное указание: «Государь» был в библиотеке императора на острове Св. Елены!

Или: «Союзники ценят Макиавелли: они внимательнейшим образом и подолгу изучали его «Государя», но времена-то сейчас иные, не шестнадцатое столетие» [8, № CLXXV].

Или: «Макиавелли учит, как успешно вести войны. Мне же известно лишь одно средство для сего — быть сильнейшим. Этот флорентийский секретарь — не более как профан в политике» [8, № CCCLXIV].

Или, наконец, такое высказывание, записанное Лас-Казом: «Фридрих взял на себя труд опровергать Макиавелли еще до того, как стал королем: полагаю,

было бы лучше, если б уже после восшествия на престол он написал о нем так, как следовало. Ведь этот Макиавелли писал свои сочинения разве что для мелодраматических тиранов» [8, № CCCIII].

Итак, находясь на Св. Елене в вынужденном бездействии, Наполеон убедился в том, что был прав, когда перестал читать «Государя» еще до того, как взял бразды правления, но заботился о том, чтобы под рукой всегда были другие сочинения флорентийца. Кстати сказать, еще в молодые годы он читал и даже делал выписки из «Истории Флоренции». Эти выписки в свое время были опубликованы выдающимся наполеонистом Фр. Массоном [9, р. 499–503].

В заключении остается добавить, что авторство книги, о которой рассказывал профессор Эткин и о которой упомянуто в послесловии к «Истории Флоренции», было раскрыто еще в позапрошлом веке все тем же Антуаном-Александром Барбье. Великий библиотекарь и библиограф поместил во второе издание своего словаря анонимных сочинений, вышедших по-французски, указание на автора перевода «Государя» и маргиналий по тексту. Это указание помещено по алфавиту и в третий том третьего издания словаря французских анонимных сочинений [10, III, 4]. Там приведены полное название книги — «Machiavel commenté par N-on Buonaparte. Manuscrit trouvé dans la carrosse de Buonaparte, après la bataille de Mont-cent-Jean, le 18 juin 1815», название парижского издательства, год издания и формат (In-8).

Поясним, что сражение при Мон-Сен-Жане — топоним, встречающийся в названии интересующей нас книги, — ничто иное, как Ватерлоо (французы еще некоторое время после 1815 г. называли место сражения именно так). Все объясняется тем, что близ Ватерлоо находится еще несколько деревень, так же как, впрочем, и при Грюнвальде или Бородино.

Вслед за названием Барбье указал, что автором, который составил (composé) эту

книгу, был аббат Эме Гийон. В дополнение к этой заметке Барбье указано, что книга была переведена на испанский и издана в парижском издательстве ROSA в 1827 в двух томах в 12-ю долю листа.

Кто же такой аббат Эме Гийон? Он родился 21 марта 1758 г. в Лионе и умер 12 февраля 1842 г., служил хранителем библиотеки Мазарини в Париже и в разное время выступал автором ряда сочинений роялистско-легитимистского свойства, которые особенно ценились в эпоху Реставрации [11]. Его перевод «Государя» был готов задолго до конца империи, но увидел свет в 1816 г., после Второй Реставрации, поскольку автор был занят сочинением маргиналий «Бюонапарте», придумав авантюрную историю для своей книги.

Какую же мораль можно вынести из всего того, что стало предметом этих заметок? Разумеется, вывод напрашивается сам собой: стремление опорочить и очернить правление Наполеона носило в эпоху Реставрации Бурбонов самое разнообразное обличье. С легкой руки Ф.-Р. Шатобриана, автора первого антинаполеоновского памфлета [12], роялисты называли Наполеона «иноземцем», ненавидевшим все французское, приверженцем макиавеллистской политики, распространяя клеветнические измышления и откровенную ложь. Об этом подробно пишет патриарх французской историографии Жан Тюлар в одной из своих последних книг [13, р. 145–146 и далее]. Таким образом, книга «Макиавелли, комментируемый Наполеоном» служила именно этой цели, для чего использован прямой вымысел.

Но, помимо всего прочего, мораль, вероятно, заключается еще в том, что никогда не следует пренебрегать тем воистину кладезем бесценных знаний, которые оставили после себя предшественники, в данном случае библиотекари и библиографы. Рациональное зерно сомнений нередко дает возможность избежать ошибок, которые особенно досадны, когда совершаются похода в серьезных исторических трудах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Machavel commenté par N-on Buonaparte. Manuscrit trouvé dans la carrosse de Buonaparte, après la bataille de Montcent-Jean, le 18 juin 1815. Paris: Nicolle, 1816.

2. Рутенбург В.И. Жизнь и творчество Никколо Макьявелли // Макьявелли Н. История Флоренции / пер. Н.Я. Рыковой; общ. ред., послесл. и коммент. В.И. Рутенбурга. Изд. 2. Москва: Наука, 1987.

3. Machiavelli N. il Principe. Italia, 1802.

4. Les Oeuvres de Machiavel, nouvellement traduites ... d'italien [par le sieur de Briencourt]. Rouen et Paris: par la Compagnie des libraires du Palais. 1664; Machiavel N. Le Prince. 3e éd. [par Amelot de La Houssaye]. Amsterdam: H. Wetstein, 1694; Oeuvres de Machiavel [Traduites par Fr. Testard]. Nouvelle éd., augmentée de l'Anti-Machiavel... et les autres pièces. La Haie: ex dépens de la compagnie, 1743.

5. Healey F.G. The literary culture of Napoleon. Genève: Librairie E. Droz; Paris: Librairie Minard, 1959.

6. Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes, composés, traduits ou publiés en français, avec les noms des auteurs, traducteurs et éditeurs, accompagnés de notes historiques et critiques. Paris: imprimerie Bibliographiques, 1806. T. I (A–D).

7. Correspondance de Napoléon Ier publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris: H. Plon / J. Dumaine, 1864. T. 17.

8. Las-Cases Au.-D. de. Maximes et pensées du prisonnier de Sainte-Hélène. Manuscrit trouvé dans les papiers de Las Casas, traduit de l'anglais. Paris. Chez L'Huillier. Libraire, rue Serpente, 1820.

9. Napoléon. Manuscrits inédits 1786–1791. Publiés d'après les originaux autographes par Frédéric Masson et Guido Biagi. Paris: Société d'éditions littéraires et artistiques, 1912.

10. Dictionnaire des ouvrages anonymes par Ant.-Alex. Barbier. Troisième édition, revue et augmentée par MM. Olivier

Научные исследования

Barbier, René et Paul Billard de la Bibliothèque Nationale. Suite de la seconde édition des supercherries littéraires dévoilées par J.-M. Quérard publiée par MM. Gustave Brunet et Pierre Jannet. T. VI. Avec une table générale des noms réels des écrivains anonymes et pseudonymes cités dans les deux ouvrages. Paris: Paul Daffis, Libraire-éditeur, rue Génégaud, 7 ci-devant 9, rue des Beaux-arts. 1875. T. III.

11. *Sciara G.* L'abat, il Principe e l'Usurpatore: Aimé Guillon e i finti commentari di Napoleone a Machiavelli tra

legittimismo et gallicanesimo // Politics. Rivista di Studi Politici. n. 7, 1/ 2017. P. 77–90.

12. *Шатобриан Ф.-Р.* О Бонапарте, Бурбонах и о необходимости обратиться к нашим законным Государям, для счастья Франции и Европы / пер. с фр. А.Г. Огинский. Санкт-Петербург: Печ. у Плюшара с товарищи, 1814. С. 8 и далее.

13. *Tulard J.* L'anti-Napoléon. La légende noire de l'Empereur. Edition revue et augmentée. Paris: Gallimard, 2013.

**СБОРНИК MISCELLANEA ASTROLOGICA
ИЗ ФОНДОВ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ОТДЕЛА
РУКОПИСЕЙ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК:
кодикологические и текстологические аспекты рецепции
средневековой магии в эпоху Возрождения**

АННОТАЦИЯ

Рукописный сборник из фондов НИОР БАН *Miscellanea Astrologica* (1589) представляет интерес как уникальное собрание трактатов по средневековой астрологической «магии образов», которое отражает развитие рукописной традиции «магии образов» на протяжении XIII–XV вв. и особенности ее восприятия в эпоху Возрождения. Настоящий материал посвящен рассмотрению сборника БАН в контексте средневековой и возрожденческой традиции магических рукописей.

Ключевые слова: история философии, рукописная традиция, астрология, магия, эпоха Возрождения.

В настоящей статье речь пойдет о рукописном сборнике из 12 трактатов, созданном в Германии в конце XVI в. В 6 томе «Описания Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР» сборник был описан И.Н. Лебедевой под заглавием *Miscellanea Astrologica* [4, с. 105–108], однако он содержит сочинения, которые не относятся к астрологии как предсказательной дисциплине или к астрономии. Это собрание текстов астрологической магии, точнее, той ее разновидности, которая у исследователей получила название «магия образов» — «*image magic*» (попытка передачи средневекового термина «*magisterium imaginum*» [17, р. 26–27]). Магия образов была тесно связана с процессом рецепции арабской учености в XII–XIII вв. в Европе, и ее расцвет приходится на высокое Средневековье [26, р. 66–98, 214–228]. Сборник *Miscellanea Astrologica* поэтому представляет собой довольно редкий случай полноценной коллекции литературы «магии образов», созданной в XVI в., когда исследователями наблюдается спад популярности подобных документов [15, р. 43].

Астрология как часть комплекса «ученого» знания тесно связана с историей книжной культуры. В основополагающем каталоге астрономической и астрологической латинской литературы средневековья Ф. Кармоди (1956) отмечается перелом в западноевропейском восприятии астрологии, совершившийся в XII–XIII вв. вместе с рецепцией ближневосточной книжной культуры латинской западной традицией: теперь астрология становится специализированным знанием, зафиксированным в значительном по объему корпусе литературы, которая, в силу подозрения, вызываемого астрологией как у церкви, так и у светской власти, распространяется полулегально [7]. Именно в это время начинает складываться канон литературы, который, с одной стороны, станет источником для позднейшего развития астрологии и связанной с ней астральной магии в контексте эзотеризма Нового времени, с другой — ляжет в основу развития астрономии как науки. Исследования первоисточников по астрологии и культурным практикам, непосредственно

связанным с ней (талисманическая магия, предсказательная астрология, спекулятивная астрология, «астрологическое богословие»), являются одними из магистральных направлений изучения ренессансной культуры [25; 1; 2; 28; 19; 18; 23; 5; 11; 3].

«Магия образов», о которой идет речь в данном очерке, в средневековье представляла собой спорную, но в целом респектабельную в интеллектуальном отношении сферу ученых интересов и книжной культуры. В контексте средневекового аристотелианства велись споры об уместности подобной магии в обществе, ее совместимости с христианством и о различии между запретной и разрешенной магией. Наиболее значимой оказалась полемика между Альбертом Великим, допускавшим ограниченное использование планетарных образов и символов для вызывания определенных физических эффектов в мире, и Фомой Аквинским, допускавшим в этих целях лишь использование естественных объектов — минералов, растений, частей животных [27, р. 113–121]. И критики магии, и ее апологеты придерживались одной и той же теории, связанной с платонизирующим влиянием арабской философии. П. Замбелли сформулировала ее следующим образом: «Вселенная представляет собой механизм, управляемый воображением в контексте симпатии между небесными телами и телами подлунного мира, где небесным двигателям приписывается совершенно автоматическая сила. Здесь нет ничего похожего на антропоморфизм небесных тел и не отводится никакой роли человеческой воле. Планеты — чистые разумы, ни ангелы, ни демоны» [30, р. 6]. Вместе с тем, как отмечает другой исследователь магической литературы О. Дэвис: «...на протяжении Средних веков постепенно складывалась традиция теоретического различения между натуральной магией, с одной стороны, и демонической магией, или некромантией, — с другой. Натуральная магия основывалась на предпосылке о том, что в мире

Божьем действуют тайные, «окультиные» природные силы и скрытые взаимосвязи, и что эти силы и связи человек может изучить и использовать. Так, например, было известно, что растения, животные и драгоценные камни содержат соединения и вещества, обладающие теми или иными целебными и защитными свойствами, которым издавна находилось практическое применение... В случае, если магию невозможно было охарактеризовать как натуральную, ее оставалось классифицировать либо как мошеннические иллюзии и фокусы, либо как результат вмешательства демонических сил. В Средние века обращение за помощью к демоническим силам стало называться некромантией» [9, р. 22–23]. А точнее, в средневековой терминологии — «нигромантией»: именно этот вид магии, связанный с прямым церемониальным обращением к духам (как правило, определявшимися как демоны), развивается в Европе с XIV в., превосходит в популярности более раннюю натуральную магию и вместе с ней оказывает решающее влияние на натурфилософию Возрождения.

Итак, обратимся к нашему сборнику *Miscellanea Astrologica*. Это рукописный кодекс формата in quarto (шифр БАН НИОР, Q № 537), в кожаном переплете на картоне с тиснением на крышках переплета и гравированным обрезом. Объем сборника 179 листов, 170 листов пронумерованы от руки переписчиком, текст содержит 12 трактатов на латинском языке. Переплет сборника датирован 1589 г. Многие трактаты в эксплицитах датированы 1512 г., наиболее информативный последний эксплицит содержит дату 14 ноября 1589 г. Сборник находился в библиотеке замка Барут (*Gersdorfsche Bibliothek zu Baruth*), о чем свидетельствует характерный гравированный экслибрис на форзаце. Рукопись создавалась в Германии, как отмечает И.Н. Лебедева, исходя из характера шрифта («гуманистический курсив с ярко выраженным неоготическим влиянием» [4, с. 105]) и заголовка оглавления на немецком

(«Was vor [sic] Phil[osopho]s und Magos in diesem Buche zu findenn» [20, л. [I]]). На происхождение текстов из Германии указывает также характерное использование пары имен «Peter» и «Bertha» в примерах магических операций, нацеленных на аффицирование мужчины и женщины, «германизирующее» написание латинского глагола «aufferre» [20, л. 13, 77]. Трактаты сборника приписываются Геберу, Тебиту Бенкорату (то есть Сабиту ибн-Курра, 836–901), Птолемею (Клавдий Птолемей, 100–170), Несбару, Гермесу, Балену (Аполлонию Тианскому, I–II вв.), Бехенсатру, Бейелу (Апулею, р. 124), Арнольду из Виллановы (ум. 1311).

Содержание трактатов довольно стереотипно для литературы подобного рода: все они представляют собой сборник магических рецептов для достижения определенного технического результата. Каждый трактат предваряется риторическим предисловием, в котором заявляется важность знания астрологии (которая нередко называется астрономией), утверждается, что человечеству знания о ней передал сам Бог, даются предостережения от использования магических операций во зло и описывается небесный мир, каким его представляло себе средневековое (в картине этого мира фигурируют семь планет и двенадцать знаков зодиака, реже упоминаются некие силы — духи или ангелы, связанные с планетами и звездами). Рецепты, которые даются под повторяющимися заглавиями, предполагают различные манипуляции с металлами, в частности изготовление магических фигурок или пластин — собственно, то, что и называется «образ» (*imago*). На этих фигурках или пластинах предписывается начертание определенных знаков, которым приписывается магическая сила (магические квадраты или особые, лишённые формализуемого смысла знаки — сигиллы, *characteres*), и иногда оговариваются определенные ритуальные действия (окуривание, закапывание, заворачивание в ткань и т.д.). Зачастую словом *imago* обозначаются как раз

сами знаки, наносимые на предметы. Все без исключения процедуры, описанные в трактатах, должны совершаться в соответствии с определенными астрологическими конъектурами (асцендент планеты, ее «благоприятный» или «неблагоприятный» аспект, ее нахождение в том или ином небесном доме и т.д.). Заглавия рецептов говорят сами за себя: «Чтобы женщина родила безопасно» («*Ut mulier sine periculo pariat*» [20, л. 2]), «Образ, чтобы уберечь дом от грабителя или вора, чтобы никто не мог войти [в него] с умыслом украсть что-то, либо навредить [иначе]» («*Imago ad arcendum furem siue latronem a domo tua, ut animo furandi aliquid aut malefaciendi nequeant ingredi*» [20, л. 39]), «Чтобы возбудить между людьми ненависть» («*Ad odium inter homines ponendum*» [20, л. 8]), «Чтобы обрести любовь властителей» («*Ad amorem Principum provocandum*»), «Чтобы воину не было удачи» («*Ad infortunandum militem*» [20, л. 9 об.]), «Чтобы навести бесплодие» («*Ad sterilitatem ponendum*» [20, л. 9 об.]), «Образ, чтобы отогнать скорпионов, откуда пожелаешь» («*Imago ad fugandum scorpions de quocunq[ue] loco volueris*» [20, л. 25 об.]) и т.д. Некоторые рецепты напоминают медицинские: «Остановить кровь» («*Restringere sanguinem*» [20, л. 10 об.]), «Чтобы вызвать месячные истечения» («*Ad provocandum menstrua*» [20, л. 10 об.]), «Чтобы исцелить меланхолические заболевания» («*Ad sanandum infirmitates melancholicas*» [20, л. 86]). Встречаются и более курьезные рецепты — например, «Образ, чтобы девы или женщины, проходя по нему, были принуждены остановиться, обнажить голову и чесать себе волосы» («*Imago ut mulieres et virgines transeuntes super eam cogantur subsistere, caput denudare et pilos pectinare*» [20, л. 39 об.]).

С нашим сборником работал Давид Юсте (Баварская академия наук), составлявший базу данных корпуса сочинений Птолемея (*Ptolemaeus Arabus et Latinus*). Он охарактеризовал сборник БАН как состоящий из «редких или

неидентифицированных текстов» [24]. Юсте определяет в качестве наиболее близких к *Miscellanea Astrologica* варианты соответствующих трактатов, содержащиеся в двух рукописях из континентальных собраний. Одна, находящаяся в частной коллекции графов де Сарцана (*Conte de Sarzana*), содержит 5 трактатов нашего сборника и датируется 1510 г. [8], другая — сборник Гентской университетской библиотеки (кон. XV — нач. XVI в.) — содержит 11 из них [10]. Юсте не вполне корректно датировал рукопись БАН 1512 г., и датировка И.Н. Лебедевой (то есть 1589 г.) остается справедливой.

Сборник открывает трактат Гебера «Об удивительном действии фигур семи планет» («*De operatione figurarum admirabili septem planetarum*» [20, л. 1–24]). По разным оценкам, насчитывается от трех тысяч до нескольких сотен сочинений, которые в средневековье приписывались йеменскому ученому VIII–IX вв. Джабиру ибн-Хайяну, и этот трактат можно считать частью корпуса псевдо-Гебера. Впрочем, с равной степенью вероятности, здесь мог иметься в виду другой Гебер, который также в латинском средневековье удостоился авторства во многих псевдоэпиграфах, — севильский астроном XII в. Джабир ибн-Афлах [7, р. 163–165]. Инципит трактата представляет собой сокращенную версию инципитов рукописей Гентской библиотеки и *Conte de Sarzana*; начало трактата полностью совпадает с этими версиями (они идентичны в обоих списках). Этот трактат известен Иоганну Тритемию, который в своем списке книг по магии «*Antipalus maleficorum*» (1508) в точности приводит начало, идентичное в трех наших рукописях [30, р. 108]. В инципите рукописи собрания *Conte de Sarzana* говорится, что трактат Гебера переведен Иоанном Испанским (Ioannes Hispalensis), то есть Иоанном Севильским [8]. Трактат посвящен использованию так называемых «магических квадратов» в контексте магии образов. Эти числовые

последовательности, семь из которых традиционно отождествлялись с семью классическими планетами, рекомендуется наносить на металлические пластины или другие носители, часто в сопровождении других магических знаков (в основном, последовательность греческих букв) и в сочетании с простыми ритуальными действиями (окуривание, закапывание, навязывание на тело).

Второй трактат сборника представляет собой вариант одного из самых древних средневековых сочинений по магии образов — «Книги знамений» (*Liber praestigium*) Сабита ибн-Курра (836–901), иначе «Об образах» (*De imaginibus*) или «О составлении образов» (*De compositione imaginum*). Трактат был переведен Иоанном Севильским во второй половине XII в. Он упоминается в самом первом известном перечне книг по магии в Европе — в 11 главе написанного в XIII в. трактата «*Speculum Astronomiae*» (*Speculum Astronomiae*, 11: 129–131 [29, р. 248]). Кармоди насчитывает 4 основных вариантов текста [7, р. 124–127]; наш вариант нельзя отождествить ни с одним из них. В нем полностью отсутствуют отсылки к Аристотелю, которые открывают перевод Иоанна Севильского, но в целом содержание следует трактату Сабита ибн-Курра (*Thebit Benchorat*) — это небольшое сочинение, посвященное изготовлению эмблематических изображений для операций (фигурки скорпиона для защиты местности или дома от скорпионов, человеческих фигурок для воздействия на людей и т.д.) в соответствии с той или иной астрологической конъектурой. В тексте также содержится своего рода «магический нарратив» — «О некоем мудреце, который уничтожил область [страны] с помощью образа» («*De sapiente quodam qui destruxit unam Regionem per Imaginem*» [20, л. 27 об.–28]). В нем повествуется о некоем Фадире или Фадиме, который при помощи магического образа нанес продолжительный ущерб (его характер не уточняется) какой-то местности,

правитель которой просил его уничтожить образ, чтобы прекратить бедствие, обещая не карать мага за колдовство. Как только Фадир на глазах правителя уничтожил магический образ и чрезвычайная ситуация тут же прекратилась, правитель мгновенно приказал схватить мага и убить его, нарушив свое обещание.

Третий и десятый трактаты принадлежат псевдо-птолемеевскому корпусу — это книги «О составлении образов» (*De compositione imaginum* [20, л. 38 об.—55]) и «О запечатлении образов» (*De impressionibus imaginum* [20, л. 120–127 об.]). Эти версии сочинения псевдо-Птолемея специально исследовались Давидом Юсте. Оба трактата также упоминаются в «*Antipalus maleficorum*» Тритемия [30, р. 108, 109]. По сравнению с версиями этих трактатов в рукописи Гентской библиотеки, в сборнике БАН они сохранились наиболее полно. Д. Юсте отмечает текстуальное сходство птолемеевых трактатов с сочинениями, приписывавшимися в позднее средневековье Эноху, Гермесу и Арнольду из Виллановы [12, 13]. Примечательно, что один из переписчиков текста в 1512 г. оставил в эксплиците первого трактата собственные сомнения по поводу их авторства: «Здесь конец книжки об образах, которую я склонен считать принадлежащей не Птолемею, но скорее Будасару, мужу учейшему в магии, который, как мне помнится из самого старого экземпляра этого трактата, писал, обращаясь к некоему Птолемею» («*Adest finis libelli Imaginum que[m] ego no[n] Ptolemaei, sed poti[us] Budasari, viri in Magicis doctiss. crediderim, ad Ptolemaeu[m] quempiam, ita enim in vetustiss[im]o. exemplari legere me memini*» [20, л. 55]). Мне пока не удалось выяснить подробности о загадочной фигуре Будасара. Первый птолемеевский трактат посвящен той же простой магии образов, что и трактаты Сабита ибн-Курра и Несбара, но второй представляет собой более изощренный вид магии — изготовление магических

колец с нанесением на них сложных символических изображений.

Четвертый трактат сборника — отрывок из «Книги знамений» (*Liber praestigiorum*), которая приписывается Несбару, «опытнейшему магу» [20, л. 56–57 об.]. Это фрагмент трактата, который упоминается Тритемием с точным воспроизведением зачина нашего текста [30, р. 108]. Фигуру Несбара не удалось идентифицировать по другим источникам. Содержание трактата, возможно, свидетельствует о том, что здесь мы имеем дело с оригинальным сочинением на латинском языке, составленным в подражание более известной «Книге знамений» Сабита ибн-Курра. В тексте содержится отсылка к 50 главе *liber maleficorum Milonis* — «книге колдунов Милона», которую тоже пока не удастся идентифицировать.

Пятый и двенадцатый трактаты сборника приписываются Гермесу, то есть относятся к категории литературы так называемой «технической средневековой герметики». Это довольно хорошо известные трактаты «Об образах и часах» (*De imaginibus et horis*) и «Об образах дня и ночи» (*De imaginibus diei et noctis*) [20, л. 58–65; 136 об.—152; 153–169 об.]. В этих книгах куда большую роль, чем классические фигурки магии образов, начинают играть особые магические знаки, *characteres*, связываемые с определенными планетами и знаками зодиака. Текст нашего списка, по-видимому, довольно стереотипен, но имеет характерное отличие, которое также встречается в гентском сборнике: в эксплиците второй книги двенадцатого трактата (который завершает весь сборник в целом) личность Гермеса комментируется следующим образом: «Завершается тайна магии Гермеса философа, который был иудеем по роду и звался Саломон, а жил во времена императора Карла Великого в Испании» («*Explicit secretum Magiae Hermetis Ph[ilosoph]i, qui fuit Judaeus genere, et vocabat[ur] Salomon, vixit[ue] temporib. Caroli Magni Imperatoris in Hispania*»

[20, л. 169]). В инципите этого трактата в гентском списке также содержится указание на иудейское происхождение «Гермеса» и его второе имя «Са[ло?]мон» («Hermes iste fuit de genere et secta Iudeorum, qui et Samonum vocatur» [10]). Переписчик 1589 г. добавляет свой комментарий: «Примечание: Что Гермес из рода иудейского жил в Африке, потом в Испании во времена императора Карла Великого, и звался Саломон, и был в магии и никромантии опытейшим в свое время, и за то был прозван Гермесом: написал много» («Nota: Quod Hermes de genere Judaeorum vixit in Aphrica, postea in Hispania, temporibus Caroli Magni Imperatoris, et vocabatur Salomon, eratque in Magicis et Nicromanticis omnium sui temporis expertissimus, et ob id Hermes cognominatus: scripsit multa» [20, л. 169 об.]).

Шестой и седьмой трактаты приписаны Балению (Balenius, арабизация имени Аполлония Тианского) — «О составлении семи образов семи планет» (De compositione imaginum septem planetarum [20, л. 66–84]) и «О сигиллах планет» (De sigillis planetarum [20, л. 85–106 об.]). Эти тексты также входят в категорию технической герметики: в аналогичных списках, зафиксированных Кармоди [7, р. 52–53], в тексте, наряду с Аполлонием, фигурирует Гермес, а их техника в целом находится в русле планетарной магии предыдущих трактатов. Впрочем, характер магического знака здесь становится более сложным — вместо набора символов, которые пишутся в строчку, появляются планетарные печати или сигиллы, в которых аналогичные символы могут быть расположены в определенном порядке (концентрическими кругами) и объясняются как имена «духов-управителей» тех или иных планет и часов. Здесь магия образов делает еще один шаг навстречу демонической магии.

Восьмой трактат приписывается «королю Индии» Бехенсатру (Behensatri): «О сигиллах планет» (De sigillis planetarum [20, л. 107 об.–111 об.]). Этот

трактат, помимо рукописи гентской библиотеки [10], также известен по более поздней версии XVII в. на немецком языке, хранящейся в Саксонской земельной библиотеке [21] и по «Antipalus maleficorum» Тритемия [30, р. 109]. Девятый трактат, «О кольцах планет» (De annulis planetarum [20, л. 112 об.–119]), приписывается Бейелу (Bevelus, арабизация имени Апулея) и посвящен довольно сложной магической технике изготовления гемм из полудрагоценных камней и магических колец, которая включает в себя также молитвы планетарным духам и только время от времени встречающуюся в других трактатах по магии образов процедуру их окулирования. «Планетарные образы», которые рекомендуется вырезать на геммах, напоминают образы «Пикатрикса» [22] — знаменитого сборника по астральной магии XIII в., оказавшего большое влияние на прочие сочинения подобной литературы, которые впоследствии создавались в Европе. В предисловии дается довольно сложная классификация магических процедур. Примечательно, что в гентском сборнике трактаты Баления, Бехенсатра и Бейела идут в том же порядке, что и в сборнике БАН, составляя некое композиционное единство. Очевидно, Аполлоний Тианский считался в средневековье главным мастером магии поздней античности, а некий «король Индии» (видимо, получивший в арабском мире имя Бехенсатра) и хорошо известный на латинском Западе Апулей выступали его учениками. Эти трактаты также относятся к категории практической герметики [7, р. 63]. Наконец, десятый трактат — сочинение, приписанное Арнольду из Виллановы, «Сигиллы двенадцати знаков» [20, л. 128 об.–135 об.] — представляет собой позднюю переработку переводной арабской магической литературы в соответствии со вкусами XIV–XV вв.: здесь появляются еврейские Имена Бога и апелляция к парацерковным практикам — явное наследие церемониальной магии позднего средневековья [14, р. 159–161].

Что содержание и структура сборника, его физический облик могут нам сказать о прагматике его создания, о его использовании и бытовании?

Наш сборник не мог быть составлен прежде 1543 г., когда выходит трактат Джироламо Кардано «Об исправлении времени движения блуждающих небесных тел» (*De temporum et motuum erraticarum restitutione libellus*) [6]. Об этом свидетельствует помета в оглавлении (напротив трактата Сабита ибн-Курра, где эта книга упоминается) («*S. filius Chorae, cuius Hieron. Cardanus meminit lib. de temp. et mot. errat. rest. cap. 1*»), выполненная тем же почерком и чернилами, что и текст трактата. В сочинении Кардано Сабит действительно упоминается в первых двух главах, притом автор с ним полемизирует [6, р. 51–54]. Таким образом, датировке 1589 г. в последнем эксплиците следует верить. Также, как замечает И.Н. Лебедева, филигранные и «характер письма» тоже свидетельствуют в пользу поздней датировки [4, с. 108].

В отличие от двух сборников, с которыми *Miscellanea Astrologica* сопоставляет Юсте, сборник БАН, судя по всему, представлял собой не авторскую компиляцию из отдельных трактатов, а копию некоего протографа, составленного в октябре — ноябре 1512 г.: эта копия была закончена в 1589 г. Видимо, тогда же рукопись получила свой переплет, о чем свидетельствуют клеймо на верхней крышке переплета («1589») и полустертая рукописная дата, поставленная там же. Переписчик *Miscellanea Astrologica*, следуя своему протографу и даже выписывая последовательные даты в эксплицитах, проставленные своим предшественником, тем не менее, позволял себе отдельные глоссы — мы точно можем говорить, что примечание к оглавлению и помета о Гермесе как иудее-современнике Карла Великого уникальны для нашего кодекса.

Гравированный обрез кодекса, аккуратно выполненный текст, очень хорошая сохранность сборника подсказывают

мысль, что он мог быть выполнен по заказу коллекционера рукописей, не имевшего практического интереса к содержанию трактатов, но заинтересованного в том, чтобы иметь в своей коллекции магическую книгу. Этим же, возможно, объясняется и непопулярное для XVI в. содержание кодекса: магия образов в эпоху Возрождения значительно устарела, и в это столетие классическая средневековая рукописная традиция астральной магии переживает упадок [16, р. 178–179; 17, *passim*]. В то же время видно, что переписчик знал, о чем писал: он читал Кардана и был знаком с текстами похожей тематики за пределами того, который копировал. Вероятно, уникальность сборника может объясняться редактурой, которой в нем подвергались тексты. Также рассматривать данный кодекс как простой «сувенир» не позволяет нарушение закономерности, давно замеченной исследователями магической литературы: иногда, чтобы стать магической книгой, книге достаточно выглядеть как магическая книга [Davies 2009, 3]. Аккуратный сборник *in quarto*, с его школьным курсивом и неброским переплетом, никак не подходит на роль загадочного фолианта. Апологетическая фраза, вынесенная на верхнюю крышку переплета: «*Ars non habet osorem, nisi ignorantiam*» («У искусства нет насмешника, кроме невежества») — призвана скорее оградить сборник от возможной критики или осуждения, чем репрезентировать его контркультурный характер. С этим же, на мой взгляд, уже в протографе, связано особое расположение трактатов — от наименее подозрительных в начале, где отсутствуют диаграммы и загадочные знаки, до более предосудительных, генетически связанных с демонической магией «Пикатрикса» в середине и конце кодекса. Такая композиция отсутствует в гентском кодексе, наиболее близком к нашему по содержанию. Можно сказать, что маскировка удалась: на корешке кодекса мы встречаем рукописное

заглавие «Geberi» (явно более позднее, чем переплет), по имени (предполагаемого) автора первого трактата собрания. Гебер был относительно неопасной фигурой, и корешок с таким именем не мог привлечь подозрений. В то же время, если мы знаем, что гентский кодекс, созданный в XV или раннем XVI в., выполнен Корнелием Бринтием [10], то переписчик *Miscellanea Astrologica* пожелал остаться неизвестным. Конец XVI в. — это время ведовских процессов и религиозных конфликтов, когда натуральная магия в интеллектуальном и чисто практическом своем измерении все более подвергалась цензуре. Как отмечает Ф. Клаассен, «большинство коллекционеров текстов магии образов... видимо, собирали этот материал по причине интереса к естественной философии и миру природы» [15, 16]. Вероятнее всего, и наш сборник мог использоваться как часть библиотеки по *curiosa* и *mirabilia* и предназначался для рекреационного чтения. *Miscellanea Astrologica*, таким образом, хронологически относится к завершающему этапу рукописной традиции средневековой магии образов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Йейтс А.Ф.* Джордано Бруно и герметическая традиция / пер. Г. Дашевский. Москва: НЛО, 2000. 529 с.
2. *Койре А.* Мистики, алхимики, спиритуалисты Германии XVI века. Долгопрудный: Аллегро-пресс, 1994. 170 с.
3. *Кулиану Й.П.* Эрос и магия в эпоху Возрождения / пер. с фр. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2017. 592 с.
4. *Лебедева И.Н.* Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 6. Рукописи латинского алфавита XVI–XVII вв. Ленинград: Наука, 1979. 287 с.
5. *Azzolini M.* The Duke and the Stars: Astrology and Politics in Renaissance. Cambridge: Harvard University Press, 2013. 392 p.
6. *Cardano G.* Hieronymi Cardani medici Mediolanensis, libelli duo. Unus, de Supplemento Almanach. Alter, de Restitutione temporum & motuum coelestium. Item Geniturae LXVII. Insignes casibus & fortuna, cum expositione. Norimbergae: Io. Petreius, 1543. 192 p.
7. *Carmody F.J.* Arabic Astronomical and Astrological Sciences in Latin Translation: A Bibliography. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1956. 193 p.
8. Conte de Sarzana [private library], no shelfmark // URL: <https://ptolemaeus.badw.de/ms/240> (дата обращения: 01.03.2019).
9. *Davies O.* Grimoires: A History of Magic Books. New York: Oxford University Press, 2009. 368 p.
10. Ghent, Universiteitsbibliotheek, 1021A // URL: <https://ptolemaeus.badw.de/ms/368> (дата обращения: 01.03.2019).
11. *Granada M.A., Mosley A.* Christoph Rothmann's Discourse on the Comet of 1585. Leiden et al.: Brill, 2014. 376 p.
12. *Juste D.* Pseudo-Ptolemy, «Libellus de compositione imaginum ad operationem mirabilium effectum» (update: 21.03.2017), Ptolemaeus Arabus et Latinus. Works // URL: <https://ptolemaeus.badw.de/work/154> (дата обращения: 04.03.2019).
13. *Juste D.* Pseudo-Ptolemy, «Liber de impressionibus imaginum, anullorum et sigillorum secundum facies duodecim signorum zodiaci» (update: 11.05.2017), Ptolemaeus Arabus et Latinus. Works // URL: <http://ptolemaeus.badw.de/work/64> (дата обращения: 04.03.2019).
14. *Kieckhefer R.* Magic in the Middle Ages. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1990. 219 p.
15. *Klaassen F.* Religion, Science and the Transformations of Magic 1300–1600. (PhD. diss). Toronto: University of Toronto, 1999. 281 p.
16. *Klaassen F.* The Transformations of Magic: Illicit Learned Magic in the Later Middle Ages and Renaissance. University Park: The Pennsylvania State University, 2013. 280 p.

17. *Lang B.* Unlocked Books: Manuscripts of Learned Magic in the Medieval Libraries of Central Europe. University Park: Pennsylvania State University, 2008. 334 p.
18. Lodovico Lazzarelli (1447–1500): The Hermetic writings and related documents / ed. Hanegraaff W.J., Bouthoorn R.M. Tempe: Arizona center for Medieval and Renaissance studies, 2005. 356 p.
19. *Lucas D.S.* Astrology and Numerology in Medieval and Early Modern Catalonia: The «Tractat De Prenostication De La Vida Natural Dels Homens». Leiden et al.: Brill, 2003. 207 p.
20. *Miscellanea Astrologica, 1589* / НИОР БАН, Q 537. 170, [9] л.
21. Mscr. Drsd. N. 105 / Sächsische Landesbibliothek – Staats- und Universitätsbibliothek Dresden // URL: <https://katalogbeta.slub-dresden.de/id/0021233371/#detail> (дата обращения: 01.03.2019).
22. *Picatrix: The Latin Version of the Ghayat-al-Hakim* / ed. D. Pingree. London: The Warburg Institute, 1986. 326 p.
23. *Ryan M.A.* A Kingdom of Stargazers: Astrology and Authority in the Late Medieval Crown of Aragon. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 232 p.
24. St Petersburg, Biblioteka Akademii Nauk, Q. 537 // URL: <https://ptolemaeus.badw.de/ms/238> (дата обращения: 01.03.2019).
25. *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic: Studies in popular beliefs in sixteenth and seventeenth century England. New York: Scribner, 1971. 716 p.
26. *Thorndike L.* A History of Magic and Experimental Science during the First Thirteen Centuries of our Era. Vol. 2. New York, London: Columbia University Press, 1923. 1036 p.
27. *Thorndike L.* Some medieval conceptions of magic // The Monist, Vol. 25, № 1. 1915. P. 107–139.
28. *Veenstra J.R.* Magic and Divination at the Courts of Burgundy and France: Text and Context of Laurens Pignon's «Contre Les Devineurs». Leiden: Brill, 1998. 433 p.
29. *Zambelli P.* Speculum Astronomiae and Its Enigma: Astrology, Theology and Science in Albertus Magnus and his Contemporaries. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers, 1992. 352 p.
30. *Zambelli P.* White Magic, Black Magic in the European Renaissance. Leiden: Brill, 2007. 282 p.

РАЗВИТИЕ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В ЭСТОНИИ (1918–1940)

АННОТАЦИЯ

Рассматривается история развития библиотечного дела Эстонской республики. За 22 года были достигнуты определенные успехи в библиотечном деле, создана Государственная Парламентская библиотека, проходили общегосударственные библиотечные съезды, открыты курсы повышения квалификации для библиотекарей, налажены связи с соседними странами. Русская диаспора создавала частные библиотеки, поддерживающие русскую культуру и литературу в Эстонии.

Ключевые слова: Эстонская республика, Государственная Парламентская библиотека Эстонской республики, Общество эстонских библиотекарей, Русская публичная библиотека в Юрьеве, Нарвская бесплатная библиотека-читальня.

24 февраля 1918 г. была провозглашена Эстонская республика (ЭР). Впервые за долгие века своего существования Эстония, до этого включенная в состав Российской Империи и других государств, становится суверенным государством. Главная цель, которую устанавливает новое правительство — восстановление национальной идентичности, утраченной за годы господства других стран. Государственным языком объявлен эстонский, развивается и крепнет эстонское печатное слово, издательства выпускают все больше печатной продукции, которая, в свою очередь, способствует формированию национального фонда государственных библиотек.

Вместе с молодой республикой 21 декабря 1918 г. была основана Государственная Парламентская библиотека ЭР, задача которой была обозначена как «сбор литературы, необходимой правительству и парламенту для творческой законодательной и исполнительной деятельности» [1, лк. 2]. Основой Государственной библиотеки стал фонд нескольких крупных библиотек: библиотеки Эстляндского губернского правления (около 2000 томов), библиотеки

общества эстонских студентов (около 10 000 томов), архивной библиотеки Эстонского народного музея и др. [2, лк. 107]. При открытии фонд библиотеки составлял около 40 000 экземпляров. Комплектование библиотеки поддерживалось в том числе благодаря межгосударственному обмену книгами со странами Европы и Америки [3, лк. 98].

В Эстонии, имеющей давние традиции библиотечного дела, важной задачей рассматриваемого периода было восстановление и модернизирование работы уже существующих библиотек (к 1915 г. в Эстонии действовала 531 библиотека) [4, лк. 25] и объединение их в систему. Созданная в 1907 г. Городская публичная библиотека в Таллине была переименована в Таллинскую центральную библиотеку. Директором назначен Александр Сибул, который ранее был заведующим библиотекой кружка любителей чтения в Вильянди [5]. Была восстановлена библиотека Государственного штаба, основана национальная архивная библиотека Эстонского народного музея, создано Эстонское библиографическое учреждение для библиографирования статей периодической печати, образован

архивный фонд редких эстонских книг при Таллинской центральной библиотеке [2, лк. 109].

В 1919 г. вышел Закон об обязательном экземпляре. Книгоиздатели были обязаны предоставлять государственной библиотеке 2 экземпляра изданий, которые по усмотрению дирекции Государственной библиотеки (ГБ) направлялись в профильные библиотеки (художественная литература в Таллинскую центральную библиотеку, научная — в библиотеку Тартуского или Таллинского университетов, издания по социальным наукам и праву оставались в ГБ) [6, лк. 119].

В 1923 г. состоялся первый общегосударственный съезд эстонских библиотекарей, на котором были приняты решения о принципах и организационных вопросах библиотечного дела и национальной библиографии. После съезда создано Общество эстонских библиотекарей [7, лк. 45]. Председателем общества избран Александр Сибул, который с энтузиазмом занимался решением вопросов формирования и развития библиотечного дела Эстонии.

Общество эстонских библиотекарей заложило основы библиотечной работы. Были зафиксированы профессиональные требования к библиотекарям и признаки типов библиотек (Ф. Пуксоо), разработаны и опубликованы правила каталогизации (Ф. Пуксоо, Л. Пломпуу, Р. Антик), трехступенчатая десятичная система, методика классификации, предметный указатель (Х. Мугасто-Йохани), разработана техника книговыдачи и формы учета книг (А. Сибул), основы работы с читателем, исследование библиопсихологии и трактовка интересов читателей (Х. Мугасто-Йохани), термины библиотечного дела и библиографии (Р. Антик, Л. Пломпуу, Ф. Пуксоо, Й. Вески), централизованная обработка книг, применение открытого доступа и МБА, а также были опубликованы печатные каталоги библиотек (А. Сибул) [2, лк. 109].

На основании решений съезда был издан закон о публичных библиотеках,

который вступил в силу в 1925 г. Правительство декларировало создание полной сети массовых библиотек и их содержание. Закон обязал местные власти к созданию новых библиотек и принятию ранее созданной сети библиотек различных обществ на свое попечение. И вскоре 268 библиотек Эстонии стали получать государственные субсидии. Однако экономическое состояние Эстонии было нестабильным. В конце 1920-х гг. разразился кризис, который не позволял некоторое время содержать библиотеки. Основной опорой оставались по-прежнему библиотеки просветительских и других обществ, финансирование которых производилось благодаря проведению в библиотеках различных благотворительных вечеров, лотерей и т.д. [2, лк. 107]. В середине 1930-х гг. субсидии для библиотек возобновились. Результатом государственного финансирования деятельности библиотек стал заметный рост книгообеспеченности: если в 1920-е гг. на 100 жителей приходилось 35 книг, то к 1938/39 гг. — 79 [8, лк. 552–553].

Библиотеки с фондом на русском языке перестали финансироваться государством, но не прекратили свое существование благодаря энтузиазму представителей русской диаспоры (численность которой в этот период составляла 8,2% от населения страны) [9, с. 375]. Русская публичная библиотека в Тарту, библиотека Общества русских студентов при Тартуском университете, Нарвская бесплатная библиотека-читальня и многие другие библиотеки продолжали развиваться. Деятельность их обеспечивали благотворительные пожертвования представителей русской диаспоры. Среди них были поэт Игорь Северянин; поэт, журналист и переводчик Борис Тагго-Новосадов; писатель и переводчик Борис Правдин; поэт и писатель Юрий Шумаков; поэт и публицист Владимир Гущик; поэт Борис Нарциссов; поэт Карл Гершельман; поэт и писатель Юрий (Удо) Иваск и другие.

Многочисленные русские библиотеки создавались при различных русских

обществах и объединениях (Ревельский русский литературный кружок, Русская школа в Эстонии, Черновское просветительское общество, общество «Единение» и др.).

С 1923 г. все русские организации объединял Союз русских просветительных и благотворительных обществ [10]. В 1925 г. вышел закон о самоуправлении меньшинств, тем самым государство предоставило русским общинам право на свободное развитие в Эстонии [11, с. 52].

В 1926–1927 гг. при Союзе русских просветительных и благотворительных обществ был создан библиотечный отдел, который занимался поддержанием работы русских библиотек в деревнях и селах, а также библиотек организаций, состоящих в Союзе. Поддержка заключалась в обеспечении библиотек новыми поступлениями, в создании рекомендательных списков литературы, а также в научном просвещении работников.

В 1930-е гг. в Союзе русских просветительных и благотворительных обществ состояло около ста различных русских объединений и организаций. При самом Союзе была открыта библиотека, в фонде которой содержались книги на русском языке — классическая, современная художественная и отраслевая литература. Отдельно при Союзе существовали Театральная и Нотная библиотеки. В Театральной библиотеке хранился богатый фонд пьес, театральной периодики, книг по истории искусств и т.д. [12, с. 46].

Профессиональная поддержка библиотекарей на государственном уровне обсуждалась на съезде эстонских библиотекарей. За период с 1924 по 1940 г. Общество эстонских библиотекарей организовало в общей сложности 36 курсов для работников библиотек. При поступлении на курсы библиотекари не получали материальных пособий на учебу. В течение ряда лет в этих курсах приняло участие около тысячи человек. В 1927 г. Ф. Пуксоо стал проводить лекции и семинары по библиотечному делу и библиографии

в Тартуском университете. Экзамены по названным предметам сдавали около 50 человек [2, лк. 109].

Государство в некоторой степени влияло на состав собраний эстонских библиотек. В 1930 г. Министерство образования приняло решение составлять рекомендательные списки и указатели для библиотек образовательных учреждений (в основном, школ и средних образовательных учреждений). Списки были опубликованы в декабре 1933 г. (в периодическом издании «Haridusministeeriumi Teataja»). В начале 30-х годов в руководящих учреждениях приступили к составлению рекомендательных указателей литературы для публичных библиотек. С 1934 г. разрешалось за счет государства приобретать только лишь ту литературу, которая числилась в этих указателях [5].

Активно развивались издательства эстонской литературы. К 1930-м гг. издания на эстонском языке составляли $\frac{4}{5}$ из всего книжного богатства публичных библиотек. Подобный состав библиотечных фондов был обусловлен в том числе и составом читателей, которые владели, как правило, эстонским языком. В конце периода независимости эстоноязычные книги составляли в городах $\frac{3}{4}$, а в деревне — $\frac{9}{10}$ из общего количества использованной литературы. Это обусловлено большим количеством наименований (2500 названий) изданной за этот период литературы на эстонском языке [5, с. 67–74].

Эстония самостоятельно налаживала работу во всех областях политической, общественной и культурной жизни. При этом не обошлось без заимствования зарубежного опыта. Географическое положение Эстонии позволяло осуществлять тесное сотрудничество с развитыми странами Скандинавии, Прибалтики и Западной Европы, где организация и развитие библиотечного дела находились на высоком уровне. В конце рассматриваемого периода стали формироваться связи эстонского библиотечного дела

с библиотековедением в Советском Союзе.

При комплектовании фонда Государственной библиотеки эстонские библиотекари следовали по большей части шведской и финской моделям существования парламентских библиотек, фонд которых содержал преимущественно литературу по социальным наукам [6, лк. 100]. Директор Государственной библиотеки часто посещал библиотеки ближних стран для ознакомления с принципами комплектования и организации труда (например, в 1922 г. он посещает парламентскую библиотеку Эдускунта в Финляндии). После этого в 1922–1924 гг. перераспределяется фонд Государственной библиотеки: его комплектование становится более профильным, а книги, не относящиеся к специфике библиотеки, распределяются в другие фонды. В Парламентской библиотеке остаются документы, необходимые для работы правительства, а также книги по праву, социальным наукам и экономике. Книги по истории, искусству, а также редкие книги и карты были переданы библиотеке Тартуского университета. Художественная литература и научно-популярные книги направляются в Таллинскую центральную библиотеку [3, лк. 99].

Однако в этом правление библиотеки допускает серьезную ошибку. Углубляясь в специфику Парламентской библиотеки, Эстония не создает национальной библиотеки, доступной широкому кругу населения и обеспечивающей их потребности.

На втором государственном съезде библиотекарей в 1929 г. обсуждался вопрос об отсутствии в Эстонии национальной библиотеки [3, лк. 102]. Также говорилось о том, что столица Эстонской республики, которая исторически имела традиции торгового и промышленного центра, не смогла стать центром национальной культуры, эта функция по-прежнему оставалась за городом Тарту. Все ценные книги хранились в тартуских

библиотеках (библиотеке Тартуского университета и городских библиотеках).

На съезде Фридрих Пуксоо предложил объединить книги на русском и эстонском языках, которые были напечатаны в Эстонии и про Эстонию и хранились в Обществе эстонских библиотекарей, Таллинской центральной библиотеке, Государственной библиотеке и библиотеке Генерального штаба [13, лк. 49]. Ставился вопрос по составлению единого сводного каталога, следуя примеру Скандинавских стран, где сводный каталог был введен еще с начала XX в. По мнению Ф. Пуксоо составлением сводного каталога должна была заниматься комиссия Государственной библиотеки, где велся учет литературы с 1925 г. [14, лк. 132]. С середины 1930-х гг. началась работа по составлению сводного каталога, которая так не была закончена.

В 1935 и 1936 гг. состоялись Международные Конгрессы, в которых приняли участие библиотекари Эстонии, Латвии, Литвы, Финляндии и Швеции. Решались вопросы по поводу единого учета текущей литературы. Страны перенимали скандинавский опыт библиографирования.

К середине 1930-х гг. принципы комплектования фонда Государственной библиотеки и обслуживание читателей нуждались в изменениях. Библиотека комплектовала фонд новейшей научной литературой, издаваемой в том числе в Европе и Америке. Преимущество в обслуживании предоставлялось работникам парламента и узкому кругу эстонской интеллигенции. Было нецелесообразно игнорировать требования общества и хранить информацию, необходимую для него, за закрытыми дверями. С 1936 г. руководство библиотеки начало готовить закон для ГБ, расширяющий ее функции. В приоритете должны были оставаться социальные науки, а также фонд должен был комплектоваться основными научными трудами по истории, философии и науке о земле. Также с 1936 г. был заложен фундамент

архива Государственной библиотеки — книги об Эстонии (хотя ранее этим занималась библиотека Тартуского университета и более полно архив Эстонского народного музея) [15, lk. 94].

В 1938 г. был создан Совет научных библиотек, в котором состояли: Государственная библиотека, библиотека Таллинского технического университета, библиотека Государственного штаба, Библиотека Эстонского литературного общества, библиотека Тартуского университета, Архивная библиотека Эстонского литературного музея и Библиотека Общества натуралистов в Тарту. Первым решением Совета было изменение закона о печати и коллективного издания научных трудов. Под вопросом — основание нового здания для Государственной библиотеки, которое учитывало бы функциональные изменения. В плане было объединение Государственной и Таллинской центральной библиотек. Из-за начала Второй мировой войны большинству планов не суждено было осуществиться [6, lk. 105].

В Эстонии развитие национального библиотечного дела сопровождалось непоследовательностью, колебаниями, ограничением в финансовых, кадровых и научных средствах. Развитие русского библиотечного дела поддерживалось представителями русской диаспоры. Наряду с предоставленной свободой для всех организаций и объединений диаспоры, государство не финансировало их деятельность. В задачи республики входило восстановление и налаживание национального библиотечного дела. За 22 года была проделана работа такого объема, для выполнения которой соседним народам история отвела значительно больше времени. В 1930-е гг., годы экономического благополучия и культурного подъема, библиотечное дело молодой республики вступило в новую многообещающую фазу развития. Была выработана программа, реализация которой позволила бы в ближайшие годы эстонскому библиотечному делу достичь уровня демократичности

и организованности, сравнимого с уровнем наиболее развитых соседних стран [15, lk. 117]. Но, как известно, события истории направили развитие не только библиотечного дела, но и всей страны совершенно в другое русло.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. National Library of Estonia: [guide] / eessõna autor I. Eenmaa; koost. T. Soone; tõlk. U. Roosmaa. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda, 1996. 16 lk.

2. Eesti raamat ja raamatukogu / koost. Fr.R. Kreutzwald. Tallinn: Eesti NSV Kultuuriministeerium, 1981. 130 lk.

3. Lotman P. Teaduslike raamatukogude arengujooni Eesti Vabariigis 1918–1940 / P. Lotman // Eesti Rahvusraamatukogu Toimetised. Tallinn, 1997. Lk. 94–114.

4. Veskimärgi K. Lühiülevaade raamatukogude ajaloost Eestis. Tallinn: Tallinna Pedagoogiline Instituut, 1983. 28 lk.

5. Pyumcoo P. Основные черты развития публичных библиотек в контексте эстонской культуры за 1920–1940 гг. // Книга, читатель и библиотека в Эстонии / сост. О. Калью. Таллин: Гос. библ. ЭССР им. Фр.Р. Крейцвальда, 1986.

6. Raamatukogu Eesti Vabariigi kultuurikntekstis 1918–1940 / koost. P. Lotman. Tallinn, 1997. 152 lk.

7. Läli L. Eesti Raamatukoguhoidjate Ühing / Nõukogude Eesti raamatukogundus. Tallinn: Eesti NSV Kultuuriministeerium, 1985. Lk. 45–65.

8. Tuisk A. Avalikud raamatukogud 1928/29 / A. Tuisk // Eesti Statistika, 1930. № 107 (10). Lk. 551–557.

9. Хроника литературной жизни Русского зарубежья: Эстония (1918–1924) / сост.: С. Исаков, Т. Шор, Р. Аби-согомьян, Е. Шувалова // Литературоведческий журнал. Москва, 2004. № 18. С. 370–418.

10. Янсон А.К. Союз русских просветительных и благотворительных обществ Эстонии / А.К. Янсон // Последние известия. 1923. № 42. С. 3.

Научные исследования

11. *Сухов И.А.* Русские в современной Эстонии: 1991–2000 гг.: проблемы адаптации: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Москва, 2003. 231 с.
12. *Исаков С.Г.* Союз русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии в истории культуры Русского зарубежья 1920–30-х гг. Tallinn: [б.и.], 1998. 94 с.
13. *Puksoo F.* Ühisettevõiteteist bibliograafia alati Balti riikides / F. Puksoo // Raamatukogu. 1936. № 2. Lk. 49–53.
14. *Puksoo F.* Teaduslikud raamatukogud / F. Puksoo // ERK. 1937. № 5/6. Lk. 130–137.
15. *Lotman P.* Parlamendiraamatukogust rahvusraamatukoguks, I. Eesti Vabariigi Riigiraamatukogu 1918–1940. Tallinn: Valgus, 1988. 117 lk.

К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ МЕТОДЕ Н.К. НИКОЛЬСКОГО

АННОТАЦИЯ

В научной литературе, посвященной одному из наиболее видных славистов первой половины XX в. акад. Н.К. Никольскому (1863–1936) был детально рассмотрен жизненный путь исследователя и дан обзор его трудов. Меньшее внимание биографы Н.К. Никольского уделяли генезису его научного метода. В настоящей статье автор обращается к факторам, оказавшим влияние на исследовательский подход академика.

Ключевые слова: Николай Константинович Никольский, предсоборное присутствие, церковная археология, христианство, Императорская Академия наук.

Научной деятельности Н.К. Никольского, одного из наиболее видных славистов первой половины XX в., посвящена обширная историография. Прежде всего в научной литературе рассматривалось содержание его трудов и новизна выводов, к которым пришел исследователь. Однако вне поля зрения исследователей оказался научный метод Н.К. Никольского. Для понимания наследия ученого данная проблема является ключевой. К ней мы и обратимся ниже. В настоящей статье мы попытаемся не просто дать характеристику методики Н.К. Никольского, но показать сам процесс ее формирования, а также обозначить факторы, которые повлияли на нее.

Представляется, что истоки научного подхода ученого следует искать в его семье. Исследователь родился в семье протоиерея К.Т. Никольского, видного специалиста по истории русской церкви и одного из основоположников русской церковно-археологической науки. В 1856 г. К.Т. Никольский опубликовал брошюру «Краткое обозрение богослужбных книг православной Российской церкви» [1]. Через два года вышла расширенная и доработанная версия данного труда «Обозрение богослужбных книг Православной Российской церкви» [2], а еще несколькими годами позже свет

увидел фундаментальный труд «Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви» [3]. К.Т. Никольский был одним из первых исследователей, который для изучения литургической практики стал активно привлекать древнерусские рукописи. Возможно, влияние на Н.К. Никольского оказало также творчество его деда по материнской линии — протоиерея, философа и богослова Д.С. Вершинского (1798–1858), автора многочисленных трудов по истории церкви. В НИОР БАН хранится рукопись его неопубликованного труда «О таинстве евхаристии», в котором исследован обряд причащения в православной и латинской церквях. Д.С. Вершинский, проанализировав огромный массив исторических свидетельств о практике евхаристии, начиная с первых веков христианства, пришел к выводу, что православная версия обряда в большей степени согласуется с текстом священного писания и является первоначальной, в то время как латинская евхаристия проводится с нарушениями, которые проникают в богослужение не ранее VIII в. [4]. Дочь Д.С. Вершинского София была замужем за церковным историком И.В. Чельцовым [5].

Родственники Н.К. Никольского не просто занимались изучением церковной истории. Они были представителями

белого духовенства. Поэтому их интерес к прошлому христианской церкви был обусловлен необходимостью решения вполне определенных практических задач. Так, К.Т. Никольский, работая над «Пособием к изучению Устава богослужения православной церкви», создавал своего рода учебник по богослужению, о чем сам же писал в предисловии к труду: «При практическом изучении церковного устава всегда бывает полезен и необходим руководитель. Посему, нельзя отвергать пользы книги, имеющей в виду руководствовать к изучению устава, тем более, что не всегда и не везде можно иметь сведущего руководителя» [6]. Практическими задачами при подготовке исследования о евхаристии руководствовался и Д.С. Вершинский. Их деятельность хорошо вписывалась в контекст процессов, развернувшихся в русской церкви в середине XIX в. Остановимся на них, поскольку без понимания природы событий, происходивших в духовной жизни общества в то время, невозможно в полной мере понять особенности научного пути Н.К. Никольского.

Эпоха Александра I характеризовалась относительной либерализацией духовной жизни. Данная политика дала свои результаты. За это время выросло целое поколение религиозных мыслителей. Среди них следует особо выделить славянофилов А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Ю.Ф. Самарина и др. За долгие полтора столетия это был первый опыт сближения и контакта церкви и общества. Однако у подобной духовной «либерализации» была и обратная сторона. Первая половина XIX в. стала эпохой становления и расцвета русского масонства. Участники масонских кружков приняли деятельное участие в организации Восстания декабристов. После подавления мятежа власти взяли охранительный курс в духовной политике. В соответствии с новой стратегией Синод должен был бороться с масонством, оккультизмом, ересями и сектами. Парадокс заключался, однако, в том, что в 1833 г. обер-прокурором был

назначен С.Д. Нечаев, презрительно и враждебно относившийся к духовенству и сразу начавший войну против иерархов. По мнению прот. Владислава Цыпина, «он инспирировал ложные доносы на архиереев, в которых те обвинялись в политической неблагонадежности, а чтобы придать доносам видимость правдоподобия, подталкивал членов Синода выражать недовольство жандармским давлением на церковь» [7]. Новый курс поддержали митрополиты Серафим Петербургский и Евгений (Болховитинов). Московский митрополит Филарет был обеспокоен ходом события, однако в своих действиях проявлял предельную осторожность [8]. Борьба с сектами, ересями и масонами быстро переросла в борьбу с богословской мыслью. В частности, выступая против оккультизма, реакционеры стали с недоверием относиться и к аскетическому мистицизму. Под вопросом оказались творения Макария Великого и Исаака Сирина. Были прекращены работы над подготовкой русского перевода Библии. Усилился обер-прокурорский надзор над ходом церковных дел [9]. Политику Нечаева продолжил Н.А. Протасов, который, в частности, поставил вопрос об исправлении «Катехизиса» митрополита Филарета (Гумилевского). В последнем он усмотрел «протестантский» оттенок [10]. Однако чем более жесткие формы приобретала реакция, тем громче звучали обвинения «лжи церковной» и требования свободы. В эпоху великих реформ всеобщий характер приобрела потребность в духовной гласности. Характерным симптомом этих процессов было развитие русской церковной журналистики. Появились также многочисленные академические журналы [11]. Параллельно пробуждается живое историческое чувство, желание узнать и понять собственное прошлое.

Во второй половине XIX в. история начинает преобладать в системе русского богословия. Одним из первых церковных историков был московский митрополит Филарет (Гумилевский). Наиболее

значительный свой труд по истории русской церкви он опубликовал еще в 1847 г. [12]. Однако впоследствии из-под его пера вышло множество работ, посвященных церковно-исторической тематике [13]. Своими трудами Филарет заложил мощную традицию изучения истории русской церкви и церковной книжности, которую продолжили его ученики и единомышленники.

Одним из них был А.В. Горский (1812–1875). Выдающиеся навыки археографа сочетались в этом исследователе с широчайшей богословской эрудицией. Если Филарет был историком, предпринимал попытки обобщить имеющийся материал, то А.В. Горский по своему складу был скорее археологом в том смысле, который в середине XIX в. вкладывали в данное понятие, т.е. знатоком древностей. Его описание рукописей Синодального собрания является настоящей энциклопедией древнерусской книжности [14]. А.В. Горский был первопроходцем, который не просто описал манускрипты Синодального собрания, но выстроил их в определенную систему.

Пожалуй, наиболее обширный труд по истории русской церкви был составлен митрополитом Макарием (Булгаковым) [15]. Не претендуя на какое-либо обобщение и не пытаясь концептуализировать исторический процесс, он собрал и привел в порядок огромный массив фактов. Хотя некоторые сюжеты нуждались в более тщательной источниковедческой разработке, а ряда вопросов митрополит Макарий коснулся вскользь, в его работе был заложен крепкий фундамент для дальнейших исследований в области истории русской церкви.

Таким образом, во второй половине XIX в. были заложены традиции русской церковной истории, археологии и богословия. Выходец из духовной среды, Н.К. Никольский воспринял эти традиции с детства и реализовал впоследствии в своей научной деятельности. Первые труды ученого посвящены истории русских монастырей и монастырского быта.

Опубликовав свое исследование по истории Кирилло-Белозерского монастыря, он стал в известном смысле первопроходцем в изучении хозяйственной деятельности русских монастырей. Историю Кирилло-Белозерского монастыря и древнерусской книжности Н.К. Никольский изучал параллельно. Более того, эти два направления работы были связаны у него органически. Первый его труд по истории древнерусской книжности посвящен литературной и богословской деятельности митрополита Климента Смолятича [16]. Из всех трудов этого книжника сохранился лишь один — «Послание, написано Климентом митрополитом русским, Фоме, прозвиту, истолковано Афанасием Мнихом». Один из списков данного произведения хранился в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря, где его и обнаружил Н.К. Никольский. Именно среди кирилловских рукописей исследователь выявил библиографическое описание XV в. Эта находка стала одним из наиболее выдающихся открытий в области русской средневековой библиографии [17]. Окончательный поворот к изучению истории древнерусской книжности произошел на рубеже XIX–XX вв. и был связан, прежде всего, с теми задачами, которые поставила перед исследователем Императорская Академия наук.

В 1899 г. на заседании ОРЯС академики А.А. Шахматов и М.И. Сухомлинов выступили с инициативой издания памятников древнерусской письменности. Данный замысел вполне вписывался в общий контекст развития исторической науки, тем более что академии наук в других странах уже долгое время вели работу над публикацией подобных серий (1). Однако осуществить задумку было невозможно без предварительных библиографических работ. Необходимо было создать каталог, отражающий наличный состав памятников древней письменности. Задание по его составлению было поручено Н.К. Никольскому. В 1901 г. исследователь предпринял

экспедицию по собраниям рукописной книги вместе с Ф.И. Покровским. Результатом данной командировки стало издание «Материалов для повременного списка русских писателей и их сочинений» (1906 г.). В ходе экспедиции была также заложена основа Картотеки по библиографии древнерусской письменности, которую исследователь пополнял новыми материалами до конца жизни. Следует остановиться на характеристике данного каталога, который, хотя и не был завершен, в системе научного наследия Н.К. Никольского занимает наиболее важное место. Картотека представляет собой огромный комплекс материалов по библиографии древнерусской книжности, в котором зафиксированы сведения о местах хранения рукописных книг, памятниках, в них содержащихся, авторах произведений древнерусской письменности, писцах, вкладчиках, справщиках и т.д. Работая над ней, Н.К. Никольский не просто собирал сведения о памятниках древнерусской письменности, но встраивал их в определенную систему, которая позволяла, во-первых, проследить историю каждой конкретной книги, а во-вторых, установить связи между рукописью, произведением, автором, переписчиком и владельцем. На протяжении нескольких лет замысел Н.К. Никольского претерпевал изменения. Однако к моменту издания «Рукописной книжности древнерусских библиотек» (1912 г.) работа велась по строго определенному плану. Ученик и ближайший сподвижник Н.К. Никольского Н.Н. Зарубин отмечал, что план этот никогда не замыкался рамками намеченных мероприятий. Формирование отделов картотеки вытекало из общего хода разработки ее основных частей [18]. Таким образом, структура библиографического комплекса формировалась на протяжении последнего десятилетия XIX в. — первого десятилетия XX в. Согласно замыслу Н.К. Никольского, картотека должна была стать основой для колоссальной по своим масштабам энциклопедии древнерусской письменности,

которая так и осталась не завершенной. Ученый успел опубликовать по ее материалам лишь несколько справочников [19]. Однако собранный материал настолько велик, что исследователи до настоящего времени обращаются к данному комплексу и выявляют с его помощью новые памятники древнерусской книжности.

Картотека является практическим воплощением замыслов Н.К. Никольского, теоретическое же обоснование своей программы изучения древнерусской книжности ученый дал в труде «Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности». В этой работе исследователь проводил границу между богословской книжностью и древнерусской литературой, рассуждая, прежде всего, о перспективах изучения последней. Исследователь констатирует, что большая часть рукописей сохранилась в собраниях монастырских библиотек. Подобного рода коллекции обычно формировались из книг богослужебного характера, которые, по мнению Н.К. Никольского, не имеют прямого отношения к литературе и должны изучаться совершенно другими методами [20]. Чтобы перейти к изучению истории древнерусской литературы, исследователь предлагал восстановить ее репертуар по крупницам, с максимальной степенью обстоятельности обследовав существующие рукописные собрания. От современных коллекций предполагалось перейти к древнерусским собраниям рукописей и изучить историю их формирования. Особое значение исследователь придавал описям древнерусских библиотек, а также самим манускриптам, содержащим записи и пометы, позволяющие проследить историю их бытования. По мнению Н.К. Никольского, для изучения истории допетровской литературы необходимо привести в известность «все списки каждого сочинения русского пера» [21].

Во вступлении к справочному изданию «Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI–XVII вв.)» [22]. Н.К. Никольский повторил тезисы,

изложенные в статье 1902 г. Ученый отметил также, что «только совместно с судьбой книжной среды возможно правильно понять и восстанавливать церковно-национальную идеологию древнерусского сочинителя, ее изгибы и уклонения в разные эпохи и в разных местностях, равно как и преобладавшие литературные вкусы и обычаи» [23]. Исследователь пишет, что сохранилось не менее 75 тыс. древнерусских рукописей, причем значительная часть этого наследия не была тронута. Затруднения усиливаются также в связи тем, что в последние два века книги переходят из разряда церковно-богослужебных и нравоучительных средств в разряд археографических памятников [24]. С другой стороны, крупные пробелы заметны в систематизации древнерусского книжного наследия. Н.К. Никольский выделяет два отдела источников: 1) сами рукописи и 2) описи и инвентари монастырских библиотек. Оба отдела исследованы в равной степени слабо. Однако без их изучения невозможно построить историю древнерусской литературы. В заключении Н.К. Никольский пишет: «Применительно к этому настоящий опыт расчленен на несколько отделов, в которых сгруппированы факты, относящиеся а) к внешней истории древнерусской книжности; б) к обзору ее состава (или содержания) и в) к наблюдениям над историей книжно-литературного движения в Древней Руси <...>. В частности, в первом отделе настоящего издания собраны сведения о а) владельцах рукописей, писцах, переводчиках, справщиках и книгохранителях (по алфавиту их имен); б) о местонахождении рукописей (географический указатель библиотек, как прежних, так и современных, в которых хранились или хранятся славяно-русские рукописи XI–XVII вв.) и в) о датированных рукописях (хронологический список известных автору славяно-русских рукописей от X — до начала XVIII века), а г) в виде дополнения — список сохранившихся пергаменных рукописей, как памятников древнейшего периода

русской книжности. Второй отдел будет содержать алфавитный список а) авторов и б) их произведений, как переводных, так и оригинальных, встречающихся в до-Петровской книжности. Наконец, в третьем отделе будет представлен опыт изложения истории древнерусской книжности и литературы» [25].

В «Ближайших задачах» Н.К. Никольский в общих чертах изложил свой метод изучения древнерусской литературы. Однако в данной статье не поясняется, какие цели исследователь ставил перед историей древнерусской литературы как дисциплиной. Иными словами, пояснив, как изучать книжные традиции допетровской Руси, Н.К. Никольский не пояснил, зачем их изучать? Вместе с тем у исследователя было особое мнение о задачах истории древнерусской литературы. В данном отношении представляют интерес лекции Н.К. Никольского по истории русской гомилетики. В лекциях, читанных в 1898–1899 гг., исследователь комментирует особенности национальной проповеди. Он отмечает, что каждая нация усваивает христианство по-разному, «сообразно с историко-этнографическими условиями своей жизни и темперамента» [26]. Н.К. Никольский отвечает: «Германия и лютеранство, Англия и англиканство, славяне и православие — это не случайные факты. Национальный элемент налагает свою печать на одно и то же религиозное верование — христианство» [27]. Без понимания духа той или иной национальности, ее внутренней сущности, нечего и думать, что проповедь проникнет в сердца людей. Н.К. Никольский определяет также ту основу, в которой отразилось народное сознание. Таким фундаментом национального духа исследователь признает язык. «В языке звучит характер народной жизни, весь его духовный склад, сложившийся под влиянием истории» [28]. Вместе с тем в лекциях по гомилетике 1898 г. Н.К. Никольский отмечает, что христианство попало на Русь именно из Византии. Новая вера была введена

на Руси сверху, решением великого князя киевского Владимира Святославича [29]. Культура устной проповеди, как таковая, на Руси не прижилась. Ее заменили уставные чтения, произносившиеся на богослужениях и записанные в специальных книгах — паремейниках. В связи с этим Н.К. Никольский пишет: «Как ни странным может показаться афоризм, но древняя Русь, эта отсталая Русь, не знавшая истинного религиозного просвещения, была обязана светом христианского религиозного мировоззрения, которое доселе не испарилось из народа, не живому устному слову, но книге» [30]. Именно рукописи, по мнению исследователя, стали основным элементом распространения христианской веры. На основании изложенного исследователь делает вывод, что на протяжении первых пяти веков освоение христианства на Руси было достоянием лишь немногих книжников. Лишь они «впитали в себя соки византийской мысли». Лишь они могли выступать в качестве проповедников [31]. Из этих рассуждений вытекает тезис о высоком значении рукописной книги для изучения русской религиозной идеологии.

Однако наиболее ярко представления Н.К. Никольского о задачах изучения древнерусской книжности проявились в докладе «О древнерусском христианстве», прочитанном в 1912 г. в Санкт-Петербургском Религиозно-философском обществе. Остановимся подробнее на содержании данной работы. Н.К. Никольский начинает повествование с характеристики исторического значения христианства: «Православие есть та религиозная идеология, под влиянием которой складывается и, вероятно, долго еще будет складываться строй жизни не одного десятка миллионов людей. Это — один из главнейших устоев морали, на правилах которой воспитывается будущая Россия — школьное юношество. Это — одна из тех жизненных норм, с которой даже помимо желания вынуждены считаться законодатели, общественные

организации и отдельные лица. Это — то знамя, под руководством которого русское славянство накапливало свои силы для исторической борьбы. Это, наконец, — та исходная точка, с которой начинались личные религиозные переживания почти каждого из нас» [32]. Однако, когда речь заходит о том, какой смысл каждый человек вкладывает в православие, возникает ряд вопросов. Н.К. Никольский пишет: «Ни для кого не секрет, что для одних православие — это символ мракобесия, для других — это та духовная атмосфера, без которой не возможна дальнейшая жизнь русского человека. Всем также известно, что православие покойного митрополита Антония не было православием Антония Волынского, православие Антония Волынского не есть православие епископа Антонина, православие епископа Антонина не есть православие епископов Сергия и Феофана» [33]. Указанные представления Н.К. Никольского вполне сходны с чаяниями других участников Религиозно-философского общества. Он также жаждет перемен в духовной жизни. Однако ищет эти перемены Н.К. Никольский не в сфере мистики или философии. Ниже он отмечает, что в России исторически сложилось два православия — школьно-богословское и народно-церковное. Это два разных подхода к христианству, согласовать которые крайне непросто. Н.К. Никольский предлагает способ решения: «Такой способ, как мне представляется, не может обойтись без русского исторического богословия до-петровской эпохи, т.е. тех столетий, в которые еще не было налицо позднейшей дифференциации в религиозном мировоззрении общественных групп» [34]. Фактически, предложение ученого заключается в том, чтобы проследить исторический опыт русского православия. По мнению исследователя, с определенного момента общество достигло достаточно высокой степени имущественного и социального расслоения, что оказало влияние и на мировоззрение. Общество раскололось в духовном плане на две категории,

взаимопонимание между которыми осложнялось самыми разными факторами. Духовенство и светские интеллектуалы усвоили понимание христианства, основанное, прежде всего, на букве священного писания, и возвели религию едва ли не в разряд науки. Простой народ, для которого такой взгляд на Христову веру был не доступен, казался им простецами. Между двумя указанными категориями формировался барьер, который с течением времени становился непреодолимым. Это была стена, мешавшая живому движению религиозных переживаний. Для преодоления разногласий Н.К. Никольский и предлагает обратиться к истории. Здесь проявляется исторический подход к христианству и богословию, который был воспринят исследователем едва ли не как часть семейной традиции. При этом ученый отмечает, что материал для решения задачи исторического обозрения древнерусского христианства сохранился в достаточном количестве: «Старинные монастырские и церковные библиотеки сохранили не один десяток тысяч рукописей с многочисленными произведениями древнерусской духовной литературы, по которым можно ознакомиться с судьбой русской религиозной идеологии. При помощи статистики списков сочинений мы можем даже определить, какие из них имели общецерковное употребление, какие не получили распространения» [35]. С одной стороны, Н.К. Никольский значительно опережал свое время, говоря о ведении статистики рукописей, изучении их бытования и вытекающей отсюда задачи исследования истории библиотек. С другой — очевидно, что изучение древнерусской книжности для Н.К. Никольского имело вполне определенное практическое значение. Рукописи позволяли проследить историю «русской религиозной идеологии», а это, в понимании Н.К. Никольского, было необходимо для обновления духовной жизни.

Отмечая, что современное христианство, покрытое «каким-то мрачным налетом, соединено с антикультурным и

безрадостным настроением», ученый в то же время констатирует, что оно существенно отличается от веры, принятой в Корсуне Владимиром, которая и в летописи, и в житиях, и в былинах рисуется как «вера, свободная от аскетического ригоризма» [36]. В Повести временных лет отмечается, что в бытность свою язычником, Владимир не был склонен к воздержанию, имел множество жен и до 300 наложниц. Принять ислам он отказался, согласно летописи, потому что данная религия не допускала употребления винных напитков, в то время как «Руси есть веселие пити». Для себя и своего народа он подыскивал религию, которая была бы жизнерадостной. Данному критерию вполне соответствовало восточное христианство с его блестящими ритуалами и пышной обрядностью. Н.К. Никольский отмечает, указывая при этом на митрополита Иллариона, что в первое столетие христианство на Руси получило самобытное и яркое развитие. В сочинениях XI в. христианское вероучение изображается исключительно в жизнерадостных тонах. В это время идеалом христианского совершенства было *хриstopодобие* и *апостолоподобие* — уподобление Христу и апостолам. Особое внимание при таком подходе уделялось нищелюбию и милостыне. Подобный окрас вполне естественен. Русская земля освободилась от языческого прошлого, а вместе с ним — от бесов. Царство закона было сменено царством благодати, и народ встал на путь спасения [37].

Однако уже в XI в. христианство на Руси начинает меняться. Распространение этой новой веры связано, прежде всего, с Киево-Печерским монастырем. По мнению Н.К. Никольского, «религия киево-печерского иночества настолько отличалась от христианства Владимирова, насколько человек может отличаться от бесплотного существа» [38]. На смену идеалам милостыни и нищелюбия пришли идеалы аскезы и самоумерщвления. Умерщвление плоти практиковалось с целью приблизиться к бестелесным

ангелам. Желание подражать бесплотным существам ставилось выше подражания Богочеловеку-Христу. Данную перемену в древнерусском христианстве Н.К. Никольский связывает с проникновением на Русь богомильских идей, отмечая при этом: «Как известно, богомилы, пытаясь объяснить происхождение зла в мире, преувеличивали значение злого начала и сообразно с этим регулировали поведение человека, предлагая ему самые крайности аскезы» [39]. Исследователь обращает внимание на целый ряд памятников русской книжности, в которых богомильская идея предстает в развернутом виде. Прежде всего, он обращает внимание на речь философа из Повести временных лет. Упоминает исследователь также Толковую Палею, Слово Кирилла о небесных силах и другие произведения. Известно, что *богомилы* гнушались женщин, считая их сосудом греха. Подобные мотивы Н.К. Никольский находит в рассказе о Моисее Угрине. Причем киевские монахи не стеснялись разрушать семейную жизнь. В Патерике присутствует рассказ, в котором сообщается, что сын боярина Иван был завлечен в монахи вопреки желанию жены, отца, матери и даже князя [40]. Такое видение христианства осуждалось церковью, однако печерские монахи считали, что спастись можно только через монастырь. Говоря об особенностях киево-печерской религиозности, Н.К. Никольский отмечает истинно богомильскую нетерпимость постриженников. В частности, в Киево-Печерском патерике умение говорить на иностранных языках расценивается как признак бесноватости. Чтение книг и изучение Ветхого завета также осуждается.

Завершая свои рассуждения, Н.К. Никольский пишет, что рассмотренные им точки зрения на христианство не были единственными в древнерусской книге. Дробность и многообразие идеологии особенно заметна в сборниках, употреблявшихся для учительного чтения. Подобные сборники нередко состояли из произведений самого различного

содержания. Иногда заложенные в них концепции прямо противоречили друг другу. Тем не менее исследователь считает, что именно в религиозной идеологии старого времени кроется разгадка многих верований и настроений позднейших столетий. «Почему при попытках вернуться к до-петровскому образу жизни наши реакционеры-церковники устремляются к московскому быту, ознаменовавшему себя (как выяснилось на соборах времени патриарха Никона) материализацией спиритуалистических воззрений, и не мечтают о времени равноапостольного князя?» — резюмирует Н.К. Никольский.

Здесь мы подходим к пониманию, какие надежды возлагал Н.К. Никольский на изучение древнерусской литературы. Он считал ее ключом к пониманию особенностей древнерусского христианства, которое было необходимо, чтобы грамотно провести преобразования в церкви. В начале XX в. стала очевидна необходимость церковной реформы. В докладе «О древнерусском христианстве» Н.К. Никольский подходит к мысли, что подобные преобразования возможны только при понимании изменений русской религиозности. При этом исследователь отмечает, что «учение древнейшей русской церковной литературы допускает критицизм, простор и свободный индивидуализм при усвоении веры» [41]. Параллельно, как один из лейтмотивов, в докладе звучит критика киево-печерского монашества. Эти взгляды вполне согласуются с воззрениями, сформулированными Н.К. Никольским в нескольких публицистических работах, опубликованных в годы работы Предсоборного присутствия — органа, который должен был подготовить созыв нового церковного собора. В 1905 г. группа петербургских священников опубликовала в еженедельнике «Церковный вестник» статью «О необходимости перемен в русском церковном управлении» («Записка 32-х») [42]. На данную заметку Н.К. Никольский откликнулся статьей

«Почему 32?» в газете «Новое время» [43]. В своей публикации он акцентировал внимание на том, что в обсуждении церковной реформы должны принимать участие широкие круги населения — клир, миряне, профессора духовных академий. По мнению Н.К. Никольского, если реформа будет проводиться исключительно «представителями иночества», пользы от нее не будет. В 1906 г. исследователь публикует статью «Собор или съезд?», в которой размышляет над вопросом, должен ли предстоящий собор состоять из одних лишь епископов или на нем должны также прозвучать позиции клира и мирян. По мнению Н.К. Никольского, следует избегать радикальных действий. Если на соборе все решения будут приниматься исключительно епископским чином, то широкие общественные круги могут просто не воспринять его постановления. В то же время не следует приравнивать клир и мирян к высшему духовенству [44]. Далее исследователь пишет: «Ближайшая задача настоящего времени и должна бы в виду этого направляться к восстановлению нарушенной гармонии в жизни церковного организма. Следовало ожидать, что основною проблемою предстоящего собора будет восстановление живой связи между членами этого организма, что собор прежде всего будет подготавливаться для того, чтобы водворить в русской Церкви единение духа в союзе мира» [45]. Поскольку задачи предстоящего собора выходили за рамки учреждения патриаршества и расширились до намерения упорядочить русскую религиозную и церковную жизнь, участие клира и мирян в обсуждении было необходимо. В то же время никакой необходимости в том, чтобы совместное совещание епископов, мирян и клира носило название поместного собора, Н.К. Никольский не усматривает. Исследователь считает, что предварительно надо собрать подготовительный съезд, на котором состоится диалог различных церковных течений. В целом Н.К. Никольский

в своих представлениях о задачах реформирования русской церкви придерживался демократических принципов. К реформированию церкви должны быть причастны не только епископы и черное духовенство, но также клир и миряне. Иначе реформы будут носить поверхностный характер, окажутся оторванными от общественных реалий и не приживутся. Для решения задачи диалога внутри церкви исследователь предлагал тщательно изучить русское церковное предание, т.е. историю русской церкви, церковной идеологии. Надежным инструментом для достижения данной цели должна была стать древнерусская книжность, которая содержала все необходимые сведения по данной проблеме, о чем Н.К. Никольский упоминал в докладе «О древнерусском христианстве».

Подведем итоги настоящего исследования. Очевидно, что научный подход Н.К. Никольского стал формироваться еще в семье. Именно влиянием родных следует объяснять выбор специализации — история русской церкви и древнерусской книжности. Приступая к работе по заданию Академии наук, исследователь уже имел определенный план изучения древнерусской книжности. В 1902 г. в труде «Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности» он представил уже законченную, научно-обоснованную методику. По своей сути подход, предложенный Н.К. Никольским, с известной долей условности можно назвать «археологическим». Чтобы понять особенности русского литературного процесса, исследователь предлагает проследить историю рукописных собраний, причем двигаться от современных коллекций к реконструкции древних, снимая один исторический слой за другим. При этом научный подход Н.К. Никольского формировался в тесном взаимодействии с процессами современности. В частности, историю древнерусской литературы исследователь рассматривал в контексте русской религиозной идеологии, без понимания которой невозможно провести

уже давно назревшие преобразования в русской православной церкви. Эти суждения тесно коррелируют с мыслями, высказанными Н.К. Никольским в публицистических статьях, написанных в годы полемики по поводу Предсоборного присутствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К началу XX в. в России существовало лишь одно продолжающееся издание памятников древнерусской письменности — «Полное собрание русских летописей». Других серий подобного характера не было. Не издавались памятники переводной письменности, богословия и собственно древнерусской литературы. В целом, следует согласиться с мнением В.М. Истрина, которое он высказывал в своем письме А.А. Шахматову от 20 января 1895 г.: «Дело издания памятников у нас стоит еще очень невысоко. Не мешало бы Академии обратить свой взор на это и подождать, например, так роскошно издавать немецкие стихи с переводом Ломоносова, которые уж, конечно, менее найдут читателей, чем даже, например, Палея» (*Шахматов А.А. Избранная переписка: в 3 т. Т. 1. Переписка с Ф.Ф. Фортунатовым, В.Н. Перетцем, В.М. Истриным / авт.-сост.: В.Г. Вовина-Лебедева, Е.Н. Груздева, А.Е. Жуков. Санкт-Петербург, 2018. С. 747–748*).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Никольский К.Т.* Краткое обозрение богослужбных книг православной Российской церкви. Санкт-Петербург, 1856.
2. *Никольский К.Т.* Обозрение богослужбных книг Православной Российской церкви. Санкт-Петербург, 1858.
3. *Никольский К.Т.* Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. Санкт-Петербург, 1862.
4. НИОР БАН, собр. Н.К. Никольского, № 340. Л. 18 об.–19.
5. *Бовкало А.А.* Генеалогия Никольских // Материалы и сообщения по

фондам Отдела рукописей БАН. Вып. 7. Санкт-Петербург, 2019. С. 13–19.

6. *Никольский К.Т.* Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. Санкт-Петербург, 1888. С. V.

7. *Цытин В., прот.* История русской православной церкви. Синодальный период. Новейший период. Москва, 2004. С. 152.

8. *Цытин В., прот.* История русской православной церкви. Синодальный период. Новейший период. Москва, 2004. С. 151.

9. *Цытин В., прот.* История русской православной церкви. Синодальный период. Новейший период. Москва, 2004. С. 151.

10. *Цытин В., прот.* История русской православной церкви. Синодальный период. Новейший период. Москва, 2004. С. 152–153.

11. *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 335.

12. *Филарет (Гумилевский), митр.* История русской церкви. Периоды 1–5. Москва; Рига, 1847–1848.

13. *Филарет (Гумилевский), митр.* 1) Историко-статистическое описание Харьковской епархии. М., 1852–1859; 2) Исследование о смерти царевича Димитрия. Москва, 1858; 3) Историческое учение об отцах церкви. Ч. 1–3. Санкт-Петербург, 1859; 4) Обзор русской духовной литературы, 862–1720. Санкт-Петербург, 1857; 5) Русские святые, чтимые всей Церковью или местно: опыт описания жизни их. Чернигов, 1861–1864 и др.

14. *Горский А.В., Невоструев К.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. 1–3. Москва, 1855–1917.

15. *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. Санкт-Петербург, 1883. Т. 1–12.

16. *Никольский Н.К.* О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. Санкт-Петербург, 1892.

17. *Никольский Н.К.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря,

составленное в конце XV века. Санкт-Петербург, 1897.

18. НИОР БАН. Ф. 84. № 16. Зарубин Н.Н. Картотека Н.К. Никольского и ее историческое значение. С. 2.

19. *Никольский Н.К.* 1) Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). Корректурное издание. Санкт-Петербург, 1906; 2) Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI–XVII вв.). Вып. I. А–Б. Санкт-Петербург, 1914.

20. *Никольский Н.К.* Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. Санкт-Петербург, 1902. С. 23.

21. *Никольский Н.К.* Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. Санкт-Петербург, 1902. С. 28.

22. *Никольский Н.К.* Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI–XVII вв.) // Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. Вып. I. А–Б [1914]. С. I–IX.

23. *Никольский Н.К.* Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI–XVII вв.). С. V.

24. *Никольский Н.К.* Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI–XVII вв.). С. VII.

25. *Никольский Н.К.* Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI–XVII вв.). С. IX.

26. *Никольский Н.К.* Лекции по гомилетике, читанные Н.К. Никольским студентам Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1898–1899 ак.г. (литография). С. 7.

27. *Никольский Н.К.* Лекции по гомилетике, читанные Н.К. Никольским студентам Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1898–1899 ак.г. С. 7.

28. *Никольский Н.К.* Лекции по гомилетике, читанные Н.К. Никольским студентам Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1898–1899 ак.г. С. 8.

29. *Никольский Н.К.* Лекции по гомилетике, читанные Н.К. Никольским студентам Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1898–1899 ак.г. С. 11.

30. *Никольский Н.К.* Лекции по гомилетике, читанные Н.К. Никольским студентам Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1898–1899 ак.г. С. 12.

31. *Никольский Н.К.* Лекции по гомилетике, читанные Н.К. Никольским студентам Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1898–1899 ак.г. С. 14.

32. *Никольский Н.К.* О древне-русском христианстве // Русская мысль. 1913. Кн. VI. С. 1.

33. *Никольский Н.К.* О древне-русском христианстве. С. 3.

34. *Никольский Н.К.* О древне-русском христианстве. С. 5.

35. *Никольский Н.К.* О древне-русском христианстве. С. 7.

36. *Никольский Н.К.* О древне-русском христианстве. С. 11.

37. *Никольский Н.К.* О древне-русском христианстве. С. 12–14.

38. *Никольский Н.К.* О древне-русском христианстве. С. 15.

39. *Никольский Н.К.* О древне-русском христианстве. С. 17.

40. *Никольский Н.К.* О древне-русском христианстве. С. 20.

41. *Никольский Н.К.* О древне-русском христианстве. С. 22.

42. О необходимости перемен в русском церковном управлении. Мнение группы столичных священников // Церковный вестник. 17 марта 1905. № 11. Стб. 321–325.

43. *Никольский Н.К.* Почему 32? // Новое время. 28 марта (10 апреля) 1905. № 10439. С. 4.

44. *Никольский Н.К.* Собор или съезд? // Церковный вестник. 1906. С. 3.

45. *Никольский Н.К.* Собор или съезд? С. 4.

ОТ ПЕЧАТНОЙ КНИГИ К СЕТИ ИНТЕРНЕТ: трансформация понятия «норма» в информационную эпоху

АННОТАЦИЯ

Изменение принципов обработки, хранения и передачи информации влечет за собой неизбежные трансформации в социокультурном поле и человеческом сознании. Данная статья ставит своей целью проанализировать, как распространение Интернета в качестве основного пространства для высказывания повлияло на человеческие представления о норме.

Ключевые слова: информатизация, Интернет, печатная книга, норма, нормализация, дисциплинарная система.

Преференция того или иного медиума передачи информации конструирует наше сознание и нашу повседневность: этому феномену М. Маклюэн посвящает «Галактику Гутенберга» [7], его же продолжает исследовать М. Кастельс в «Галактике Интернета» [4]. Возникновение осмысленной речи, письменности, изобретение печати и, наконец, новый глобальный поворот — появление Интернета. Информатизация повседневности и социокультурного пространства затрагивает принципы устройства человеческого сознания и конструирует иную по отношению к былым эпохам ситуацию обмена информацией. Подобные метаморфозы провоцируют изменения в самых разных сферах общественной жизни: трансформируются наши представления о браке, гендере, педагогических процессах, приемлемом поведении и внешнем виде. Меняются представления о «нормальном» и «ненормальном», понятие «человек» существенно расширяется. Более того, происходит это наряду с процессами изменения в самом понятии «нормы» — и во многом за счет этих процессов.

Предполагал ли сам Гутенберг, что его изобретение будет обладать столь колоссальным влиянием на мир? Книга определенным образом конструирует как наше мышление, так и социальное

пространство. Книга возрождает культуру авторства опираясь на авторитет, индивидуальность, личное творчество, формирует представление о стандартах и эталонах. Чтобы проследить провоцируемые распространением печати трансформации социокультурного пространства, не нужно уходить в глубь веков — достаточно обратиться к XVIII–XIX вв., периоду совершенствования печатных механизмов, стандартизации печатной продукции, распространению книги и газеты в качестве основных средств хранения и передачи информации [6]. Обозначенные временные рамки также связаны со становлением в европейских странах нового общественного типа — дисциплинарного [11]. Подобные системы функционируют по принципу четких категорий, иерархии и собрания закрытых институтов-«механизмов» (семья, школа, больница, тюрьма, завод, армия и т.д.). В основе их — табличность, стандарт и нормализаторские практики, распространяющиеся и на людскую повседневность. Эталон покидает пределы печатной страницы и начинает формировать человеческий быт — рассмотреть это можно на примере предписаний участника педагогического процесса того периода. Школа, как и другие обозначенные институты, функционирует по тюремному принципу

паноптикума. Власть и дисциплина насаждаются за счет взгляда учителя-«надсмотрщика», строго отмечающего соответствие или несоответствие установленному стандарту. Очевидный пример здесь — школьный костюм (и в принципе форма как таковая). Форменная одежда служит в той же мере инструментом унификации, в какой — инструментом индивидуализации [2, 11]. Строгий дресс-код подчиняет физическое тело, формирует определенную манеру движений и поведения, служит косвенным напоминанием о необходимости соблюдать дисциплину. В то же самое время нарушение или, напротив, неукоснительное соблюдение требований к норме костюма являются маркером индивидуальности. Дисциплинарные системы формируют пространство иерархии, вертикальных отношений, четких категорий, бинарных оппозиций. Учитель—ученик, автор—читатель, родитель—ребенок, мужчина—женщина и т.д. Репрезентативна относительно данной черты гендерная диспозиция в обществах дисциплины: несмотря на институционализацию женского образования, в XVIII, XIX и даже начале XX века, оно носит сильный гендеризированный характер, и от женщины прежде всего ожидается следование роли матери, жены, хранительницы очага [5, 9, 10].

Принципиально иной является ситуация, устанавливающаяся в конце XX — начале XXI в. Хотя человечество все еще сильно ориентировано на книжную культуру, основным средством информационного обмена теперь выступает Интернет. Согласно статистике ITC на 2017 г. [12], пользователями интернета выступает порядка 76% населения Российской Федерации; в США — около 75%; в отдельных европейских странах показатели превышают 90%. Сегодня человек в поисках информации в первую очередь не пойдет в библиотеку, но обратится к ее электронному эквиваленту с оцифрованными текстами, открытым базам данных, поисковым системам, социальным сетям и другим

ресурсам, доступ к которым обусловлен лишь наличием соответствующего устройства (планшета, смартфона, ПК) и стабильным интернет-соединением. Данная ситуация носит амбивалентный характер и содержит в себе столько же достоинств, сколько существенных недостатков. Если книга (как и радио, как и телевидение) навязывает нам иерархию (хотя бы в оппозиции автор — читатель), представляет из себя закрытое, окончательно сформированное пространство авторитета [7], куда читателей может лишь украдкой ворваться заметками на полях, то Интернет предстает открытой площадкой горизонтального взаимодействия [4], где нет четкого разграничения между потребителем и производителем смыслов, где возникает возможность для относительно свободного высказывания, непосредственного взаимодействия с автором, а иногда и самостоятельной правки контента. Хотя в таких обстоятельствах все еще сохраняется элемент экономического неравенства (все же для доступа в Сеть необходимо материальное обеспечение), право голоса теперь получают индивиды, ранее страдающие от социального исключения. До середины XX в. автор — член общества, до определенной степени, вписывающийся в общественные представления о приемлемом образе «мужского», говорящий за себя и за других, отсчитывающий понимание «человечности» от собственной фигуры и опыта, абсолютизирующий, воспроизводящий и закрепляющий патриархальную культуру. Интернет коренным образом меняет обстоятельства социального взаимодействия: право и возможность для высказывания перестает быть прерогативой узкой прослойки населения. Персоны, ранее подверженные маргинализации, исключению, замалчиванию, теперь получают возможность говорить о собственных проблемах, нуждах, желаниях. Человеческие истории в меньшей степени цензируются и унифицируются: возникает

ситуация разнообразия, а вместе с ней приходит осознание тщетности попыток абсолютизации опыта. Сейчас можно наблюдать возникновение альтернативных нормативным социокультурных практик (квир как оппозиция дихотомии «гетеросексуальность-гомосексуальность» и «мужчина-женщина», одиночество или полиаморные союзы как альтернатива нуклеарной семье, фриланс и проектная работа вместо «традиционных» форм занятости, экспериментальные подходы в педагогике и т.д.). Норма приобретает характер множественности [1] — что стирает ее как таковую. Маркером этой трансформации служит кризис сохранившихся и по сей день институтов дисциплинарной системы: традиционной школы, нуклеарной семьи, ориентированной на наказание тюрьмы [3]. Старые принципы организации становятся нежизнеспособными в качественно новых обстоятельствах. Интернет как площадка для высказывания в сравнении с книгой имеет большую долю свободы — доступ к пространству для творчества теперь появляется у любого владельца устройства с выходом в Сеть. С одной стороны, уменьшение степени цензурированности контента помещает индивида в ситуацию, когда к проверке достоверности информации следует подходить с особым вниманием, с другой — расцвет культуры дилетантизма провоцирует широту репрезентации различных форм человеческого существования, а соответственно служит шагом на пути к решению проблем с различными формами социальной дискриминации. Не скованный корпоративными оковами автор-любитель или независимый профессионал получает возможность строить произведение преимущественно в соответствии с логикой собственного творческого замысла — что неизменно влечет за собой разнообразие представленных характеров и взаимодействий. Вместе с тем данные тенденции выходят и за сферу художественной культуры: различные социальные сети, форумы

и другие площадки для генерации контента позволяют взглянуть на проблемы представителей определенных социальных групп с их позиции. Конечно, это затрагивает и сферу наших повседневных межличностных взаимодействий. К примеру, упрощение доступа к информации трансформирует оппозицию «взрослый, как обучающий — ребенок, как обучающийся»: следуя классификации культур М. Мид [8], теперь мы скорее говорим о префигуративном типе культуры. Это и другие трансформации социокультурного пространства современности влекут за собой необходимость переосмысления определенных принципов социальной организации: устройства образовательных учреждений, брачного законодательства, тюремной системы и пр. Точно так же обстоятельства, в которые ставит нас распространение Интернета, требуют изучения его влияния на человеческую психику, ориентации индивидов на «информационную гигиену» и критическое мышление.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Богатова Л.М.* Ризома как гендерная диспозиция постмодерна // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. С. 103–110.
2. *Власова Т.А.* Школьная форма в пространстве власти/знания // Вестник Удмуртского университета. 2010. № 2. С. 143–147.
3. *Делёз Ж.* Переговоры. 1972–1990 / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. Санкт-Петербург: Наука, 2004. 235 с.
4. *Кастельс М.* Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
5. *Кашменский Ф.Г.* Общее образование и значение его для женщин, как воспитательниц детей: речь, чит. на годичном акте Царицынской Мариинской прогимназии 14 сентября 1881 года преподавателем русского языка и словесности при той же прогимназии

Научные исследования

Ф.Г. Кашменским. Царицын: Тип. Е.Н. Федорова, 1882. 26 с.

6. *Козлова Е.Б.* История печатных средств информации: учеб. пособие. Москва: Московский государственный университет печати, 2008. 202 с.

7. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. А. Юдиной. Москва: Академический проект, 2005. 443 с.

8. *Мид М.* Культура и мир детства. Избранные произведения / пер. с англ. Ю.А. Асеева. Москва: Наука, 1988. 429 с.

9. Программа гимнастических упражнений для девиц в женских учебных

заведениях. Санкт-Петербург: Тип. Опекун. Совета, 1852. 26 с.

10. *Стоюнин В.Я.* Образование русской женщины: (по поводу двадцатипятилетия рус. жен. гимназий) // Ист. вестн. 1883. Т. 12, апр. С. 125–153.

11. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. Москва: Ad Marginem, 1999. 478 с.

12. International Telecommunication Union Statistics – Интернет-ресурс. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx> (дата обращения: 21.06.2019).

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЬЕТНАМА

АННОТАЦИЯ

Библиотека Академии наук, как крупнейшая библиотека, обеспечивающая базу для гуманитарных исследований Вьетнама, играет в Санкт-Петербурге ведущую роль. В Отделе литературы стран Азии и Африки Библиотеки Академии наук ведутся исследования вьетнамской культуры, опубликованы переводы трех памятников вьетнамской традиционной прозы.

Ключевые слова: библиотека, культура, Вьетнам, традиционная литература, перевод, источник, указатель, библиография.

С развитием интернета ряд источников и научных работ стали доступны в электронном виде. Однако, в основном, базой для гуманитарных исследований Вьетнама являются книги. Крупнейшие библиотеки Петербурга, обладающие значительными фондами книг на вьетнамском языке и многими исследовательскими работами на русском и европейских языках, посвященными этой стране, — это РНБ и БАН.

Библиотека Академии наук была основана в 1714 г. Петром I, базой стало книжное собрание императора, это первая государственная и академическая библиотека. В настоящее время единый библиотечный фонд БАН (универсальный фонд центральной библиотеки и фонды библиотек при научных учреждениях) включает более 20 млн экземпляров. Это всероссийское государственное книжное хранилище универсального профиля. Ценнейшие фонды БАН привлекают читателей и служат основой для научно-исследовательской работы.

В структуре БАН девять научно-исследовательских подразделений, таких, например, как Отдел рукописей, Отдел редкой книги, Отдел изданий Академии наук, Научно-исследовательский отдел библиографии и библиотековедения. Есть в БАН и Отдел литературы стран

Азии и Африки. В уютном читальном зале Отдела, где долгие годы висело, записанное иероглифами, известное изречение Конфуция: «Учиться и не размышлять — напрасно, размышлять и не учиться — опасно», всегда приятно работать. Фонды Отдела привлекают людей разного уровня. Помимо сложившихся исследователей, здесь находят материал для написания диссертаций аспиранты. В настоящее время студенты-востоковеды могут пользоваться книгами Отдела, многие курсовые работы, выпускные квалификационные работы написаны с привлечением материалов Отдела.

Вьетнам относится к странам дальневосточного культурного региона. Вьетнамцы освоили китайскую иероглифическую письменность уже в эпоху зависимости от Китая (111 г. до н.э. — 939 г. н.э.), однако первые из дошедших до нас письменных памятников Вьетнама относятся к IX в., они были написаны на *ханвьете* — так назывался во Вьетнаме китайский литературный язык *вэньянь*. Существовала во Вьетнаме национальная письменность *ном*, созданная на базе китайских иероглифов. В первой трети XX в. во Вьетнаме происходит переход с китайской иероглифической на латинизированную письменность, формируется

современная литература европейского типа. Вьетнамская латинизированная письменность была создана в XVI–XVII вв. католическими проповедниками, в этом участвовали Франческо де Пина, Гаспар де Амарал, Антонио Барбоса, значительный вклад внес Александр де Род. После создания в 1945 г. Демократической Республики Вьетнам ученые этой страны осуществили огромную работу по переводу значительной части культурного наследия на латинизированную письменность. При сравнении некоторых произведений (оригинала и текста, записанного латинизированной письменностью) у меня сложилось впечатление, что переводы очень хорошие, полностью отражают оригинальный текст. В Отделе литературы стран Азии и Африки, в основном, хранятся книги, записанные латинизированной письменностью, есть издания с параллельными текстами, например, «Краткое описание Аннама» Ле Така (XIV в., оригинал на *ханвьете* и перевод на современный вьетнамский язык).

В Отделе хранятся многочисленные справочные издания: словари — толковые, синонимов, словари языка отдельных писателей, параллельные (русско-вьетнамский, англо-вьетнамский, вьетнамско-французский, вьетнамско-немецкий), терминологические словари (физико-математический, химический, биологический, сельскохозяйственный, медицинский, общественных наук, экономический, исторический и др.); справочники по отраслям знаний, информационные издания: библиографические указатели, указатели периодических изданий, каталоги библиотек и т.д. В 1991 г. справочная литература по Вьетнаму была систематизирована в «Сводном каталоге иностранных фондов БАН и Публичной библиотеки». Ответственный редактор издания Т.Н. Холмовская долгие годы работала в Отделе, в том числе занимала должность заведующего Отделом [1, с. 102–133].

В 1983 г. Ю.В. Маретин опубликовал «Рекомендательный библиографический

указатель» по Вьетнаму. Библиографический указатель аннотированный, объем рассматриваемых книг не очень большой, много внимания уделено XX в. [2]. Представляется целесообразным издание более полного библиографического указателя, охватывающего, в том числе, исследования и переводы последних четырех десятков лет, так как ряд статей опубликованы в сборниках материалов конференций, в редких изданиях и они не всегда активно используются. В Отделе ведется работа по составлению библиографического указателя по духовной культуре Вьетнама, основное внимание уделяется исследованиям на русском языке.

В 1969 г. был издан на хорошем академическом уровне справочник по Вьетнаму [3], в 2015 г. вышло более современное справочное издание [4].

В 2014 г. опубликована шеститомная «Полная академическая история Вьетнама» [5], обобщившая значительный материал не только по истории, но и по культуре Вьетнама.

В Отделе литературы стран Азии и Африки представлены исследования вьетнамских ученых, произведения вьетнамских писателей, традиционных и современных, собрания фольклора, антологии стихов и прозы Вьетнама, разнообразные исторические сочинения, такие, например, как: «Краткое описание Аннама» Ле Така, «Сводное описание Великого Юга» (XIX в.), «Истинные записки о Великом Юге» (XIX в.), «Описание установлений минувших династий, классифицированное по родам» Фан Хю Тю (XIX в.); основные летописные своды — «Краткая история Вьета» (XIII в.), «Полное собрание исторических записок Дайвьета» (XVII в.), «Отражение истории Вьета, основа и частности» (XIX в.), хронологические таблицы.

Значительную роль в исследовательской работе играют переводы вьетнамских авторов на русский язык. По словам Н.И. Никулина, в России получила развитие сложная, многообразная, научно фундированная традиция перевода на

русский язык произведений классической восточной прозы и поэзии, без нее невозможно ныне представить себе русскую литературу [6, с. 11]. Исследователь отмечает, что в наше время изучение художественного перевода, теория перевода становятся частью сравнительного литературоведения. Перевод входит в среду компаративных штудий и требует от исследователя знания, по крайней мере, двух языков, двух культур, двух литератур. Такое требование относится и к тем, кто изучает переводы восточной классики, одновременно ориенталистам и литературоведам [6, с. 3].

Есть такое устойчивое мнение, что в СССР художественную литературу переводили хорошо, а в современной России — переводят плохо [7, с. 41]. Сложившуюся ситуацию комментируют известные петербургские филологи. Так, преподаватель и переводчик Ольга Вольфцун отмечает, что «...уровень культуры читателя соответствует, увы, бескультурью издателя, редактора и переводчика. Почитайте отзывы — редко кто возмущится качеством перевода или издания» [7, с. 42]. Писатель и филолог Андрей Аствацатуров считает, что хороших переводчиков у нас по-прежнему много, и не только в стране, но и в отдельно взятом Петербурге. В СССР «издательств было меньше и книг тоже. Каждый перевод проходил несколько стадий редактуры и рецензирования: со всех сторон его изучали художественные редакторы, технические и корректоры. Все внимательно смотрели, контролировали» [7, с. 42].

В 2012 г. литератор и переводчик Нгуен Хью Хоанг сетовал: «Уже почти два десятилетия после распада СССР на русском языке не появилось ни одного произведения вьетнамской художественной литературы, книги вьетнамских авторов практически исчезли с полок книжных магазинов и библиотек» [8, с. 9].

Рассмотрим переводы, вышедшие в три последних десятилетия.

В 1990 г., еще во время существования СССР, вышла «Вьетнамская философия

нового и новейшего времени. Материалы и исследования» [9]. В книге помещены работы известных вьетнамских ученых мыслителей — философов и социологов 20–30 гг. XX в.: Фан Бой Тяу (1867–1940) «О Господи! О Боже!», «Новый Вьетнам»; Фан Тю Чинь (1872–1926) «О морали и этике Востока и Запада»; Хо Ши Мин (1890–1969) «Путь революции»; Хюинь Тхук Кханг (1876–1947) «О некоторых недостатках конфуцианства», «Конкурсные экзамены и наука сунского конфуцианства», «Чему мы учимся?»; Нгуен Ан Нинь (1890–1943) «Идеал аннамитской молодежи», «К формированию индокитайской нации», «Возможна ли революция?», «Франция в Индокитае», «Критика буддизма», «Я бы согласился молчать», «Ответ товарищу Та Тху Тхау»; Нгуен Ван Кы (1912–1941) «Самокритика».

В 1996 г. в Москве вышла «Антология традиционной вьетнамской мысли» [10], составители — В.В. Зайцев и А.В. Никитин. В нее вошли переводы из таких ранних памятников вьетнамской словесности, как «Краткая история Вьета», «Полное собрание исторических записок Дайвьета», «Краткое описание Аннама» Ле Така, «Собрание записей о потусторонних силах вьетского царства» Ли Те Сюйена (XIV в.), «Собрание лучших цветов из сада тхиен» (XIII в.).

В книгу «Восточная поэтика: Тексты. Исследования. Комментарии» [11] вошли переводы из литературно-эстетических памятников Вьетнама, отражена литературная мысль Вьетнама. Вступительная статья к разделу «Вьетнам», переводы и комментарии подготовлены Н.И. Никулиным [11, с. 290–340]. Представлены отрывки из следующих произведений: Нгуен Конг Бат «Надпись на стеле при храме Шунгтхиен Зиенлинь четвертого государя страны Великий Вьет» (XII в.); Ле Тхань-тонг, предисловие к «Девяти напевам собрания алмазов» (XV в.); Хоанг Дык Лонг, предисловие к «Своду превосходных стихотворных извлечений» (XV в.); Нгуен Зы «Беседа

в Кимхоа о поэзии» (XVI в.); Нгуен Бинь Кхием, предисловие к сборнику стихов из «Приюта Белого Облака» (XVI в.); Фунг Кхак Кхоан, предисловие к «Сборнику стихов, выражающих устремленность» (XVI–XVII вв.); Нгуен Кы Чинь, предисловие к стихотворению «Отвечаю губернатору края Хатиен князю Тонг Дыку» (XVIII в.); Нго Тхе Лан, предисловие к «Сборнику стихов о ветре и бамбуке» (XVIII в.); Ле Хыу Киеу, предисловие к сборнику «Не вполне удачное» (XVIII в.); Ву Кхэм Лэн «Из общего обозрения старинных и нынешних экзаменов» (XVIII в.); Нго Тхи Ням «Хризантема вступает в спор» (XVIII в.); Ле Куй Дон «Стела до облаков, разделенная на главы» (XVIII в.); Ле Хыу Чак «Описание путешествия в столицу» (XVIII в.); Нгуен Куинь, предисловие к сборнику стихов «Западное озеро дарит вдохновение» (XVIII в.); Нгуен Ан, предисловие к «Сборнику стихов Донг За» (XVIII–XIX вв.); Нгуен Зу, предисловие к стихотворению «Лютнистка из Города дракона» (XVIII–XIX вв.).

Начиная с 2002 г. осуществляется перевод центрального памятника традиционной исторической мысли Вьетнама — «Полного собрания исторических записок Дайвьета». В 2002 г. вышел первый том [12], в 2010 г. — второй том [13], в 2012 г. — третий том [14], в 2014 г. — пятый том [15], в 2018 г. — шестой том [16].

Значительную трудность при работе с традиционными текстами представляет перевод терминологии, связанной с титулами, должностями, названиями учреждений и т.д. В первом томе «Полного собрания исторических записок Дайвьета», в главе «Правила передачи имен, названий и терминов, использованных при переводе «Полного собрания исторических записок Дайвьета», подробно разъясняются принципы записи на русском языке географических названий, вьетнамских имен, храмовых имен императоров, названий эр правления, титулов, должностей, названий учреждений, циклические

обозначения годов и т.д. [12, с. 53–56]. По моему мнению, при переводе других традиционных текстов представляется целесообразным использовать эти правила.

В «Полном собрании исторических записок Дайвьета» представлены значительные памятники традиционной вьетнамской словесности, например, «Указ о перенесении столицы» императора Ли Тхай-то (1010 г.) [14, с. 116–117], «Великое воззвание» Нгуен Чая по случаю прекращения минской оккупации (XV в.) [15, с. 136–142].

В 2004 г. издан перевод на русский язык первых глав вьетнамского летописного свода «Отражение истории Вьета, основа и частности, составленное по повелению императора» (XIX в.) [17].

В 2008 г. вышла «Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика» [18]. По словам Н.И. Никулина, «эта книга, по-видимому, первая в отечественной науке целиком посвящена широкому комплексу проблем перевода восточной классической прозы и поэзии на русский язык. Исследования, публикуемые в ней, основываются как на результатах творчества отечественных переводчиков, так и на восточных оригиналах — исходном материале их работы» [19, с. 5]. В сборник входит статья Н.И. Никулина «Русский перевод стихов вьетнамской поэтессы XVIII — начала XIX в. Хо Суан Хыонг» [20]. Автор отмечает, что «особенность стиля Хо Суан Хыонг, представляющая сложность для переводчика, состоит в наличии в ее стихах двух смыслов (прямого и скрытого), кроме того, в них встречаются просторечные выражения и даже ругательства, часто замаскированные. Говоря о каком-нибудь предмете или пейзаже, она всегда умеет вызвать в сознании читателя еще и иной, эротический образ. В статье исследуются пути преодоления этих трудностей перевода в процессе совместной работы вьетнамиста Н.И. Никулина и поэта-переводчика Г.М. Ярославцева, китаиста по образованию [19, с. 10].

Переводы стихов Хо Суан Хыонг были опубликованы в 1968 г. [21]. В личном архиве Н.И. Никулина «...сохранились письма, свидетельствующие о том, как тепло и заинтересованно приветствовали коллеги-востоковеды появление этой книги. Она оказалась совершенно необычным явлением, подлинным прорывом в восприятии вьетнамской классики в России... Но дорожке всего были отзывы ближайших и выскательных коллег, которые при случае могли по-свойски высказаться прямо и вполне нелицеприятно. Вьетнамовед и лингвист И.С. Быстров (1925–2004) писал мне 10 июля 1968 г.: "...книга мне очень понравилась. Далеко не о всех вьетнамских (равно как и китайских, корейских, индийских и пр.) переводах можно сказать, что они читаются с удовольствием, и гораздо чаще оказывается, что красноречивые заверения комментаторов и редакторов о необычайных достоинствах, глубине мысли и проникновенности предлагаемых произведений вступают в различные противоречия с содержанием, либо наглухо завернутым в непробиваемую броню традиционной национальной формы, либо просто примитивным. Здесь же закрываешь книгу с явным удовлетворением, а не с досадой простака, которого одурачили ловкие балаганные зазывалы» [20, с. 438].

Игорь Сергеевич Быстров, филолог-вьетнамист, преподавал на Восточном факультете ЛГУ-СПбГУ, мне довелось учиться у него. Сферой его интересов была лингвистика, он также занимался художественным переводом. И.С. Быстров принимал участие, например, в подготовке таких публикаций: Нам Као «Ожидание. Повести и рассказы» [22]; «Сказки народов Вьетнама» [23]. На занятиях И.С. Быстров много внимания уделял художественному переводу. Как и многие переводчики, Игорь Сергеевич не ко всем замечаниям редакторов относился одобрительно. Он считал, что на определенном этапе, когда выполнен

удовлетворительный художественный перевод, некоторые замечания могут носить субъективный характер.

Библиотека Академии наук имеет статус научно-исследовательского института, в Отделе литературы стран Азии и Африки была подготовлена книга Е.Ю. Кнорозовой «Странствия в бесконечном: вьетнамская традиционная проза малых форм» [24], опубликованная в 2009 г. Помимо исследовательской части, в которой рассматриваются сборники коротких рассказов, бывшие распространенным видом вьетнамской традиционной прозаической литературы, в нее вошли переводы трех литературных памятников: «Сны Южного старца» Хо Нгуен Чынга (XV в.), «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор» Ву Куиня и Киеу Фу (XV в.), «Случайные записки о превращениях судьбы» Фам Динь Хо и Нгуен Ана (XIX в.).

В 2012 г. в переводе И.П. Зимониной опубликована повесть вьетнамского писателя первой половины XX в. Кхай Хынга «Душа бабочки-феи» [25]. В том же году появился перевод дневниковых записей Данг Тхюи Чам, героически погибшей в войне Сопrotивления американской агрессии (1965–1975) [26]. Сборник рассказов вьетнамских писателей «В горах растет полынь» издан в 2015 г. [27]. В 2015 г. был опубликован перевод одного из самых знаменитых произведений вьетнамской литературы — «Киеу. Стенания истерзанной души», автор Нгуен Зу (1765–1820) [28].

В 2016 г. появился на русском языке роман Нят Линя «Холод» (первая половина XX в.) [29], переводчики М.А. Сюнненберг и Е.А. Марченко. По словам М.А. Сюнненберга, «...предлагаемый текст (самого произведения, которое для авторов выступает не самоцелью, а инструментом достижения цели, и комментарий к нему) — это не столько художественный перевод, сколько научное исследование «женской проблематики» Вьетнама, а также труд в целом по истории, культурологии и этнографии Вьетнама того

времени» [29, с. 12–13], «комментарии составляют важнейшую часть данного издания» [29, с. 11]. М.А. Сюнненберг отмечает, что «данный проект имеет своей первоочередной целью помочь исследователю провести именно историческую реконструкцию по выбранной тематике, а не осуществить презентацию вьетнамского художественного произведения российскому ценителю литературы. Как таковой задачи подарить читателю эстетическое наслаждение от предложенной книги не ставилось. Это обусловило и список книг, предлагаемых к публикации в рамках данной серии, а также и то, что акцент переводчиков делается не на красоту перевода (и, соответственно, художественность русского языка в нем), а на передачу смысла. Для научного коллектива было более важным отразить и прокомментировать максимально возможное количество реалий, отражаемых в данном произведении. Известно, что любой переводчик художественного произведения сталкивается с дилеммой: максимально точно передать смысл и содержание произведения или красиво и доступно изложить его своему читателю на родном языке. Второе подразумевает адаптацию незнакомых для читателя реалий к своим собственным, зачастую за счет введения в текст близких именно русскому человеку объектов и образов» [29, с. 10].

Такой подход представляется несколько странным. Согласно жанро-стилистической классификации, выделяются художественный перевод (перевод произведений художественной литературы) и информационный (специальный) перевод. Если публикуется полный текст художественного произведения, то желательно было бы максимально точно передать смысл, а также красиво и доступно изложить его читателю.

У. Эко отмечает, что «...перевод представляет собой переход не только из одного языка в другой, но и из одной культуры в другую, из одной “энциклопедии” в другую. Переводчик должен осознавать не только сугубо лингвистические

правила, но и элементы культуры — в самом широком смысле этого слова» [30, с. 256–257]. По мнению С. Маркиша, «работа переводчика делится, строго говоря, на две стадии: филологическую и переводческую в узком смысле слова. На первой стадии переводчик выступает в роли ученого, детально, до мельчайших подробностей, анализирующего свой текст, а затем собирающего из этих деталей точный, как можно более точный смысл предложения, периода, абзаца и т.д. Если дальше этой стадии не пойти, получится филологический подстрочник, обладающий определенной (иногда весьма значительной) научной ценностью, но не имеющей ничего общего с настоящим переводом, более того — враждебный ему своей антихудожественностью. На второй же стадии переводчик покидает иноязычную стихию и даже забывает о ней, унося с собой в сферу родного языка результаты первоначального труда — точный смысл оригинала» [31, с. 122].

По моему мнению, М.А. Сюнненберг и Е.А. Марченко опубликовали вполне достойный художественный перевод, издательский проект во многом осуществлялся ими самостоятельно (в издании не указаны редактор, технический редактор, корректор).

Таким образом, в значительной степени базой для гуманитарных исследований Вьетнама являются книги. БАН, как крупнейшая российская библиотека, обладающая фондом книг на вьетнамском языке и многими исследовательскими работами на русском и иностранных языках, посвященными этой стране, играет в Петербурге ведущую роль. В Отделе литературы стран Азии и Африки БАН осуществляются исследования вьетнамской культуры, готовится библиографический указатель работ, связанных с духовной культурой Вьетнама.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Справочная литература по странам Азии и Африки. Сводный каталог

- иностранных фондов БАН и Публичной библиотеки. 1969–1988: в 2 кн. Кн. 2. Южная и Юго-Восточная Азия. Дальний Восток. Ч. 1. Южная и Юго-Восточная Азия. Китай, Корея, Монголия, Сянган / отв. ред. Т.Н. Холмовская. Ленинград: БАН СССР. 1991. 407 с.
2. *Маретин Ю.В.* Вьетнам: рекомендательный библиографический указатель. Москва: Наука, 1983. 95 с.
3. Вьетнам: справочник. Москва: Наука, 1969. 431 с.
4. Вьетнам: справочник. Москва: ИД «ФОРУМ», 2015. 368 с.
5. Полная академическая история Вьетнама. Т. 1–6. Москва, 2014.
6. *Никулин Н.И.* Введение // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика. Москва: Вост. лит., 2008. С. 3–11.
7. *Аствацатуров А., Вольфцун О., Астафьева Н.* Понимают, а перевести не могут // Город 812. 2018. № 21 (400). С. 41–43.
8. *Нуен Хью Хоанг.* К российским читателям // Данг Тхюи Чам. Дневник врача на войне / пер. с вьет. А. Соколова и Ле Ван Няна. Ханой: Изд-во «Глобус», 2012. С. 5–9.
9. Вьетнамская философия нового и новейшего времени. Материалы и исследования. К 100-летию со дня рождения Хо Ши Мина. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. 312 с.
10. Антология традиционной вьетнамской мысли / сост.: В.В. Зайцев, А.В. Никитин. Москва, 1996. 241 с.
11. Восточная поэтика: Тексты. Исследования. Комментарии. Москва, 1996. 342 с.
12. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы): в 8 т. Т. 1 / пер. с ханвьета К.Ю. Леонова и А.В. Никитина; коммент., вступ. ст. и прил. К.Ю. Леонова и А.В. Никитина при участии В.И. Антощенко, М.Ю. Ульянова, А.Л. Федорина. Москва: Вост. лит., 2002. 343 с.
13. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы): в 8 т. Т. 2 / пер. с ханвьета, коммент., предисл. и прил.: К.Ю. Леонова, А.В. Никитина и А.Л. Федорина; коммент., вступ. ст. А.Л. Федорина. Москва: Вост. лит., 2010. 485 с.
14. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы): в 8 т. Т. 3 / пер. с ханвьета и коммент.: К.Ю. Леонова, А.Л. Федорина при участии М.Ю. Ульянова; предисл., вступ. ст. и прил. А.Л. Федорина. Москва: Вост. лит., 2012. 887 с.
15. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы): в 8 т. Т. 5 / пер. с ханвьета и коммент., вступ. ст. и прил. А.Л. Федорина. Москва: Вост. лит., 2014. 1078 с.
16. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы): в 8 т. Т. 6 / пер. с ханвьета и коммент., вступ. ст. и прил. А.Л. Федорина. Москва: Вост. лит., 2018. 789 с.
17. Отражение истории Вьета, основа и частности, составленное по повелению императора / подг. текста, введ., коммент., примеч. и указатели П.В. Познера. Москва, 2004. 1161 с.
18. Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика. Москва: Вост. лит., 2008. 447 с.
19. *Никулин Н.И.* Введение // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика. Москва: Вост. лит., 2008. С. 3–11.
20. *Никулин Н.И.* Русский перевод стихов вьетнамской поэтессы XVIII – начала XIX в. Хо Суан Хьонг // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика. Москва: Вост. лит., 2008. С. 433–446.
21. *Хо Суан Хьонг.* Стихи. Москва: Наука, 1968. 125 с.
22. *Нам Као.* Ожидание: повести и рассказы / пер. с вьет.: И. Быстрова, И. Зимониной, Н. Никулина, М. Ткачева. Москва: Художественная литература, 1963. 183 с.
23. Сказки народов Вьетнама / пер. с вьет.: И.С. Быстрова, И.И. Глебовой, Н.И. Никулина. Москва: Наука, 1970. 391 с.

Научные исследования

24. *Кнорозова Е.Ю.* Странствия в бесконечном: вьетнамская традиционная проза малых форм. Санкт-Петербург: БАН; Альфарет, 2009. 304 с.
25. *Кхай Хынг.* Душа бабочки-феи: повесть / пер. с вьет. И.П. Зимониной. Москва: Локид Премиум, 2012. 160 с.
26. *Данг Тхюи Чам.* Дневник врача на войне / пер. с вьет. А. Соколова и Ле Ван Няна. Ханой: Изд-во «Глобус», 2012. 310 с.
27. В горах растет полынь: сборник рассказов. Москва: Изд-во «Локид Премиум», 2015.
28. *Нгуен Зу.* Киеу. Стенания истерзанной души / пер. с вьет. Ву Тхе Кхой, поэтический пер. В. Попова. Ханой: Изд-во «Общественные науки», 2015. 341 с.
29. *Нят Линь.* Холод / пер. с вьет., коммент.: М.А. Сюнненберг, Е.А. Марченко; предисл. и вст. ст. М.А. Сюнненберг. Москва, 2016. 272 с.
30. *Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. Москва, 2015. 736 с.
31. *Маркиш С.* Несколько заметок о переводах с древних языков // Мастерство перевода. Москва, 1959. Цит. по: *Модестов В.С.* Художественный перевод: История, теория, практика. Москва: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2006. 463 с.

«БИБЛИОГРАФИЯ ИЗДАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК» КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСТОРИИ НАУКИ

АННОТАЦИЯ

Для изучения истории науки существенное значение имеет информация о научных исследованиях, содержащаяся в научных изданиях, осуществленных в различные исторические периоды, деятелях науки, внесших весомый вклад в ее развитие, проблемах и перспективах научной деятельности. Информация, заключенная в изданиях Российской Академии наук, во многом определяющей формирование и развитие отечественной науки, создает базу для проведения историко-библиографических исследований.

Ключевые слова: историческая наука, библиография изданий Академии наук, система библиографических указателей.

История развития отечественной науки актуальна, особенно в наше непростое время, когда крупнейшая научная организация страны — Российская академия наук — подвергается сложной и не всегда понятной реорганизации. Поневоле возникает вопрос о значимости Академии наук, который заставляет обратиться к ее истории как истории отечественной науки. Ведь созданная Петром I Академия наук была первым научным учреждением России.

С этой точки зрения издания Академии наук становятся бесценными источниками истории отечественной науки, так как уже через 4 года после учреждения Академии наук начала свою деятельность Академическая типография, в изданиях которой отражались не только научные изыскания членов Академии наук, но и научная и культурная жизнь Петербурга. Рассматриваемая в данной работе совокупность изданий определяется как «издания Академии наук», что подразумевает документы, изданные под эгидой Академии наук или ее структурных подразделений. Термин «академические издания» в данном контексте считается некорректным, так как распространенное в литературоведении понятие

«академическое издание» относится к собраниям сочинений, располагающим тщательно разработанным научно-справочным аппаратом.

Существенную роль в библиографическом отражении изданий Академии наук всегда играла Библиотека Академии наук (БАН). Несмотря на свою академическую принадлежность, она на протяжении первого столетия своего существования выполняла функции национальной библиотеки [10]. В течение всей своей деятельности БАН выступала хранительницей изданий Академии наук [1]. В ее стенах хранятся описи изданий Академии наук XVIII в., издававшиеся книжной лавкой Академической типографии, а с середины XIX в. в ней начинают создаваться указатели изданий Академии наук.

Для любой науки важно систематическое отражение соответствующих публикаций. Необходимо, чтобы сложилась система библиографических изданий, отражающих конкретную область деятельности как в хронологическом аспекте (за всю историю существования данной области деятельности), так и в тематическом и персональном аспектах. Рассмотрим

библиографию изданий Академии наук с этой точки зрения.

Библиографирование изданий Академии наук выполняет как внешние функции (информирование потребителей об имеющихся документах), так и внутренние (организация справочно-поискового аппарата, обеспечение процессов информационного поиска). При регулярном, тщательном и точном выполнении библиотекой или информационным центром названных функций на протяжении длительного времени возникает особый библиографический феномен, отражающий культурное и научное наследие данной области деятельности или, если смотреть шире, отражающий национальное достояние, заключенное в библиографируемых документах.

Круг библиографических источников, отражающих издания Академии наук, рассматривался в ряде научных публикаций: в диссертационном исследовании Т.В. Кулматовой «Академические издания как основа формирования специализированного фонда (на примере Академического собрания БАН)» (Санкт-Петербург, 2000), работах сотрудников БАН М.В. Цветковой [15], Е.А. Савельевой [13], К.И. Шафрановского [16, 17, 18], В.А. Васильевой и М.В. Вороновой [5], К.В. Лютовой и Ю.М. Тарасовой [11] и других.

Информация о первых изданиях Академии наук появилась на страницах «Санктпетербургских ведомостей» 21 декабря 1728 г. Во второй половине XVIII — начале XIX в. Академической книжной лавкой (Книжной палатой) издавались такие каталоги академических изданий, как «Роспись оным книгам, которые по ныне Академией наук в Санктпетербурге напечатаны и в книжной лавке для продажи находятся» (1735), «Росписи ...» и книготорговые каталоги. Важными информационными источниками, отражающими издания Академии наук, служат указатели В.П. Шемиота [19, 20] и каталоги И.А. Кубасова [8]. Таким образом, в течение XVIII–XIX вв. в библиографических изданиях Книжной лавки и Библиотеки Академии наук закладываются

основы библиографического отражения изданий Академии наук.

В XX в. этот процесс, несмотря на происходившие в стране социальные потрясения, продолжает развиваться. К 200-летию Академии наук был опубликован «Систематический указатель изданий Академии наук СССР, вышедших в свет с 1 января 1917 г. по 1 сентября 1925 г.» (Л., 1925. XVI, 129 с.).

Важное значение в развитии библиографирования изданий Академии наук в XX в. представляет опыт К.И. Шафрановского и его коллег В.С. Золотилова, С.В. Толстой и Э.П. Файдель. Ими было подготовлено значительное количество указателей, охвативших практически весь период отечественного академического книгоиздания: «Столетний каталог», отражающий материалы за 1825–1924 гг. [2], указатели изданий Академии наук за 1930–1933 гг., 1941–1943 гг., «Издания Академии наук СССР. 1917–1947» [7], а также первый выпуск ежегодного указателя «Библиография изданий Академии наук СССР» (издания за 1956 г.). К сожалению, не все эти библиографические труды были опубликованы.

Хронологически первыми из перечисленных указателей были созданные в 1930-х гг. «Издания Академии наук за 1930 г.» (Л., 1931), «Библиографический указатель изданий, опубликованных Академией наук СССР в 1931 г.» (Л., 1932) и «Библиографический указатель изданий Академии наук СССР, вышедших в 1932 г.» (Л., 1935). В этот же период готовится «Столетний каталог» [2], отражающий материалы за 1825–1924 гг., который, к сожалению, так и остается неизданным до сих пор, хотя сотрудники БАН продолжают наводить по нему справки по изданиям Академии наук этого периода. Выяснить причины, по которым «Столетний каталог» не вышел из печати, сейчас не просто. Не исключена вероятность того, что в данном случае сработала «внутренняя цензура» — слишком много «опасных» имен оказалось в каталоге, чтобы рискнуть его печатать.

Работы К.И. Шафрановского 1930-х гг. в области методики библиографирования изданий Академии наук [16, 17, 18] подготовили базу для создания с 1956 г. ежегодника «Библиография изданий Академии наук СССР». До 1990 г. он издавался в традиционной форме, а в настоящее время ежегодник готовится в электронном варианте и продолжает, с перерывом в 1991–1995 гг., сложившуюся в традиционной форме систему библиографического отражения изданий Академии наук. Одновременно формируется база данных академических изданий, отражающая издания Российской академии наук XXI в.

Таким образом, в Библиотеке РАН во второй половине XX в. формируется система библиографического отражения изданий Академии наук, позволяющая адекватно представить и оперативно разыскать ее издательскую продукцию. Однако имеется много лагун, которые требуют своего заполнения.

Наряду с общими указателями изданий Академии наук осуществлялся процесс библиографирования изданий по отдельным отраслям знания: математике, геологии, химии [6, 12, 14]. Однако во второй половине XX в. это направление начинает, по невыясненным причинам, сворачиваться и в настоящее время выход таких указателей практически прекращен. Возможно, это связано с тем, что создание отраслевых указателей за длительный хронологический период является весьма трудоемким процессом, а поиск изданий по конкретной отрасли за короткий период мог быть реализован на базе ежегодников «Библиография изданий Академии наук СССР», выходивших регулярно с 1957 г.

Не менее сложно обстоит дело и в отношении персональных указателей. Создавая персональные указатели, посвященные деятелям академической науки, составители не ограничивались отражением в них только изданий Академии наук, но включали максимальное количество трудов автора. Таким образом, персональные указатели академиков и сотрудников Академии наук не могут быть

отнесены к указателям изданий Академии наук в чистом виде.

В настоящее время процесс библиографирования Библиотекой документов, в том числе и изданий Академии наук, характеризуется переходом от традиционных к электронным формам. Формируются базы данных документов, изданных под эгидой Академии наук: монографий, авторефератов, периодических изданий, статей из сборников и периодических изданий. Разрабатывается система автоматизированной подготовки ежегодника «Библиография изданий Российской академии наук». В рамках создания этой системы разрабатываются авторитетные файлы учреждений Академии наук, которые позволят осуществлять поиск изданий, опубликованных конкретными академическими учреждениями, в том числе и реорганизованными или изменившими свои наименования. Это будет способствовать не только преемственности в публикациях этих учреждений, но и возможности изучать их историю как научных учреждений на основе анализа направлений их деятельности.

В заключение можно констатировать, что система библиографических пособий изданий Академии наук, хотя и недостаточно полная, существует и может быть использована как документальная база для изучения истории науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Баженова Н.М.* Становление российской системы обязательного экземпляра: (Библиотека РАН, XVIII век) / Н.М. Баженова, В.П. Леонов, И.М. Беляева // Научная книга на постсоветском пространстве: материалы 2-й Междунар. науч. конф. (Москва, 19–21 сент. 2007 г.) / Науч. центр исслед. истории кн. культуры РАН; сост.: Д.Н. Бакун, М.А. Ермолаева. Москва, 2007. Ч. 2. С. 63–74.

2. Библиографический указатель изданий Академии наук за 1825–1924 гг.: машинопись / Академия наук СССР. Библиотека. [Ленинград, 1948].

3. Библиография изданий Академии наук СССР. Т. 1. Издания, вышедшие из печати в 1956 г.: ежегодник / Акад. наук СССР, Библиотека. Москва; Ленинград, 1957. 343 с.
4. Библиография печатных работ Библиотеки Академии наук за 1917–1958 гг. / сост. З.С. Федотова при участии К.И. Шафрановского и О.П. Белявской // Труды Библиотеки Акад. наук и Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР. Москва; Ленинград, 1959. С. 341–383.
5. *Васильева В.А.* Из опыта работы по составлению ежегодника «Библиография изданий Академии наук СССР»: (проблемы и перспективы) // Эффективность информационно-библиографического обслуживания: сб. науч. работ / В.А. Васильева, М.В. Воронова; Б-ка Акад. наук СССР. Ленинград, 1983. С. 79–85.
6. Геология в изданиях Академии наук. Вып. 1. 1828–1928 / сост.: О.К. Смирнова, Э.П. Файдель, К.И. Шафрановский; под ред. и с предисл. Я.С. Эдельштейна; Акад. наук СССР, Библиотека. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1938. 470, [1] с.
7. Издания Академии наук СССР, 1917–1947. Вып. 1. Собрания сочинений. Периодические издания. Серии. Научно-популярные книги / под ред. К.И. Шафрановского. Москва; Ленинград, 1947. 60 с.
8. [Кубасов И.А.] Каталог изданий Императорской академии наук. Санкт-Петербург, 1912–1916. Ч. 1–3.
9. *Кульматова Т.В.* Из неопубликованных библиографических источников Академического собрания БАН // Науч. книга. 2005. № 3. С. 29–34.
10. *Леонов В.П.* Первая национальная и главная научная библиотека страны // Библиотековедение. 2000. № 3. С. 82–87.
11. *Лютлова К.В.* Академические издания в фондах Библиотеки Российской академии наук / К.В. Лютлова, Ю.М. Тарасова; [отв. ред. В.П. Леонов]; Б-ка Рос. акад. наук. Санкт-Петербург: БАН, 1992. 114 с.: ил.
12. Математика в изданиях Академии наук, 1728–1935: библиогр. указ. / сост. О.В. Динзе и К.И. Шафрановский; под ред. В.И. Смирнова; с предисл. А.Н. Крылова; Акад. наук СССР, Библиотека. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1936. 314, [1] с.
13. *Савельева Е.А.* Первые каталоги Библиотеки Академии наук // 275 лет Библиотеке Академии наук: сб. докл. юбил. науч. конф. (Санкт-Петербург, 28 нояб. – 1 дек. 1989 г.). Санкт-Петербург, 1991. С. 190–194.
14. Химия в изданиях Академии наук СССР. Вып. 1. 1728–1930 / сост.: В.П. Алексеева, О.А. Чичагова, К.И. Шафрановский; Акад. наук СССР, Библиотека. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1947. 328, [3] с.
15. *Цветкова М.В.* Обзор общих библиографических указателей и каталогов изданий Академии наук СССР // Труды Библиотеки Акад. наук СССР и Фундамент. Б-ки обществ. наук АН СССР. Москва; Ленинград, 1959. Т. 4. С. 60–83.
16. *Шафрановский К.И.* Двухсотлетие первого каталога изданий Академии наук // Вестник АН СССР. 1935. № 1. Стб. 71–78.
17. *Шафрановский К.И.* К вопросу о библиографии изданий Академии наук // Труды Библиотеки Акад. наук СССР. Москва; Ленинград, 1948. Т. 1. С. 54–66.
18. *Шафрановский К.И.* Работы по библиографии изданий Академии наук // Вестник АН СССР. 1935. № 4. С. 70–71.
19. [Шемиот В.П.] *Tableau general methodique et alphabetique des matieres continues dans les publications de L'Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg depuis sa foundation.* St.-Petersbourg, 1872. Pt. 1: Publications en langues etrangeres. XII, 488, [1] p.
20. [Шемиот В.П.] Систематический и алфавитный указатель статей, помещенных в периодических изданиях и сборниках Императорской Академии наук, а также сочинений, изданных Академией отдельно, со времени ее основания по 1872 г. включительно. Санкт-Петербург, 1875. Ч. 2: Сочинения на русском языке. X, 402, [1] с.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И БИБЛИОТЕКА ПУШКИНСКОГО ДОМА (к 150-летию со дня рождения писателя)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена связям М. Горького с Пушкинским Домом, участию писателя в пополнении его фондов (рукописных, музейных и книжных), а также вниманию к научной деятельности этого учреждения. Содержится краткий обзор изданий, полученных от М. Горького и хранящихся в библиотеке Пушкинского Дома; характеризуется библиографическая деятельность библиотеки в области горьковедения.

Ключевые слова: русская литература, литературоведение, книговедение, библиография.

В марте 2018 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Максима Горького. Дата эта достаточно широко отмечалась научной общественностью — прошли конференции в Москве (ИМЛИ), Санкт-Петербурге (ИРЛИ), в Нижнем Новгороде и других городах в России и за рубежом. Откликнулись на это событие и средства массовой информации. Так, было несколько телевизионных передач, публикаций в газетах и журналах. Конечно, имя писателя хорошо известно в нашей стране даже молодым поколениям россиян, так же как его творчество и многие факты его биографии. Однако есть одна из многочисленных граней его деятельности, не так широко известная, как все остальные. Речь идет о связях писателя с Пушкинским Домом. Было бы неверно, однако, говорить о том, что информация об этом отсутствует — есть опубликованные в разные годы воспоминания сотрудников Пушкинского Дома, архивные материалы, содержащие переписку и документы, подтверждающие эти связи, но они тоже не очень широко известны, поэтому уместно о них напомнить. Если же говорить о Горьком и библиотеке Пушкинского Дома, то здесь, прежде всего, можно назвать очерк А.Н. Степанова (зав. библиотекой Пушкинского Дома в 1954–1971 гг.) «Горький — Пушкинскому

Дому», помещенный в его книге «У книг своя судьба» [1]. В нем сообщаются некоторые сведения и документальные данные об интересе Горького к Пушкинскому Дому, характеризуется его собирательская, научная и популяризаторская деятельность. Второй очерк принадлежит сотруднику Пушкинского Дома и его историку В.Н. Баскакову. Его очерк «М. Горький и Пушкинский Дом» опубликован в сборнике «Пушкинский Дом» [2] и рассматривает вопрос о роли Горького в становлении Пушкинского Дома, развитии его научной составляющей и об участии писателя в пополнении коллекций (рукописных, музейных и книжных). В обоих очерках содержится краткий обзор изданий, так или иначе связывающих библиотеку с именем Горького. Но Горький не только внес серьезный вклад в пополнение книжных фондов библиотеки — сама личность Горького определила в будущем один из приоритетов ее научной и научно-библиографической деятельности.

Безусловно, Горький знал о Пушкинском Доме с самого момента его основания — это событие достаточно широко освещалось в прессе, и сам Горький был хорошо осведомлен о новостях культурной и научной жизни, но непосредственные связи установились у него с Пушкинским

Домом уже в послереволюционные годы. Он был одним из тех выдающихся деятелей культуры, для которых были понятны и близки цели и задачи Пушкинского Дома. Он высоко ценил Пушкинский Дом как основательную научную базу для изучения классического наследия и старался всячески приумножить его богатейшие фонды, нередко выступал инициатором и посредником в передаче в Пушкинский Дом литературно-исторических реликвий, ходатайствовал о предоставлении ему денежных субсидий для приобретения коллекций и сам был одним из щедрых дарителей. В 1918–1921 гг. он подарил Пушкинскому Дому рисунки, приписываемые Т.Г. Шевченко (позднее переданные в украинские хранилища), два рисунка и письмо Леонида Андреева, альбом графини Анны Евграфовны Шиповой, в котором собраны автографы и рисунки известных русских и зарубежных писателей, художников, ученых, военных деятелей. Среди них автографы и рисунки Пушкина, Жуковского, Крылова, Карамзина, Лермонтова, Суворова, Гюго, Бальзака и др. Одни автографы вписаны в альбом собственноручно, другие вклеены в него. Лично знакомясь с А.С. Пушкиным А.Е. Шипова являлась адресатом его стихотворения «Муза», вписанным в этот альбом. В благодарственном письме Горькому тогдашний директор Пушкинского Дома Н.А. Котляревский писал, что этот альбом будет украшением Рукописного отдела Дома, в котором он сейчас и хранится. Литературному музею Горьким были переданы горельеф на слоновой кости няни Пушкина Арины Родионовны работы Л.А. Серякова (с 1953 г. горельеф находится во Всесоюзном музее А.С. Пушкина), портреты лицеистов первого выпуска. Благодаря его настойчивому содействию Пушкинскому Дому удалось приобрести также письма Пушкина к Геккерену. В 1918 г. при посредничестве Горького Пушкинским Домом была получена библиотека известного русского критика и мемуариста П.В. Анненкова. И это далеко не полный список всех

ценностей, оказавшихся в Пушкинском Доме благодаря личному участию или содействию Горького. Связи Горького с Пушкинским Домом стали еще более тесными, когда он стал председателем Экспертной комиссии Наркомвнешторга [3]. Представители Пушкинского Дома неоднократно посещали склады Экспертной комиссии, отбирали там необходимые предметы для музея, Рукописного отдела и библиотеки и обращались к председателю (т.е. Горькому) с просьбой о передаче отобранных материалов в Пушкинский Дом, и он всегда их поддерживал. Сотрудник Пушкинского Дома Михаил Дмитриевич Беляев, который занимался организацией Литературного музея Пушкинского Дома в 20-е гг., был знаком с Горьким, встречался, переписывался с ним и был связующим звеном между Горьким и руководством Пушкинского Дома [4]. В воспоминаниях Беляева есть упоминание о предложении Горького похлопотать о доме Волконской на Мойке, где умер Пушкин, для помещения Пушкинского Дома [4, № 5–6, с. 172]. Директор Н.А. Котляревский отказался от предложения, объяснив этот вариант оторванностью от Академии наук. Тем не менее позднее квартира, которую занимала в этом здании семья Пушкина, в 1925 г. стала филиалом Пушкинского Дома и в ней в 1927 г. открылся музей-квартира, основу экспозиции которого составили материалы, хранившиеся в музее, Рукописном отделе и библиотеке Пушкинского Дома. Этот факт еще раз подтверждает внимание Горького к Пушкинскому Дому и деятельное участие в его становлении и развитии.

В 1918 г. Горький передал лично М.Д. Беляеву первую часть своего архива из квартиры на Кронверкском проспекте в Петрограде, а другую часть архива перед отъездом из России передал в ГПБ. Он же активно способствовал пополнению фондов библиотеки. С 1920-х и до начала 1930-х гг. Горький переслал в библиотеку около 160 книг и журналов. В основном, это его произведения,

изданные за рубежом, переводы его произведений (отдельные издания и журнальные публикации) на разные языки, переводы на иностранные языки произведений русской классической литературы (Н. Лесков, Леонид Андреев) и книг советских писателей (Л. Сейфуллиной, С. Сергеева-Ценского). Все они снабжены его предисловиями, специально написанными для этих изданий и представляющими несомненный интерес для изучения его литературно-критических взглядов. Имеется в горьковской коллекции подаренное Горьким собрание его сочинений, изданное в Берлине. На первом томе — дарственная надпись: «Российской Академии наук — почтительно М. Горький. 5 окт. 1923 г.» [5]. Горький также передал в библиотеку Пушкинского Дома подаренные ему произведения зарубежных писателей (немецких, французских, итальянских), на которых мы видим дарственные надписи. Среди этих книг есть книга А. Барбюса «Палачи» [6] с надписью: «Максиму Горькому от всего сердца», а также изданная в Вене книга С. Цвейга «Путешествие в Россию» (он посетил Советский Союз в 1928 г.) [7]. На ее титульном листе дарственная надпись автора: «Максиму Горькому это издание с любовью. См. с. 20: Посещение Горького». Две книги подарены Горькому Владимиром Познером (двоюродным дядей нынешнего журналиста В. Познера). Одна — «Антология русской современной прозы» [8] с надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу в знак любви и уважения. Напишите мне словечко. Помните, Вы хотели подарить мне “Клима Самгина”?». Вторая книга — «Сентиментальное путешествие» В. Шкловского [9], переведенная В. Познером на французский язык, тоже с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову на добрую память от переводчика». В 1926 г. Горький прислал собственный именной экземпляр книги, посвященной 60-летию Р. Роллана. Этот сборник под названием «Книга друзей Романа Роллана» был подготовлен к печати

Горьким, Жоржем Дюамелем и Ст. Цвейгом. В горьковской коллекции представлены также издания на чешском, болгарском, венгерском и других языках — это литературные произведения, переводы, критические работы. Все их не перечислить, но даже приведенные примеры свидетельствуют о большой культурной и научной ценности этого собрания. Оно является свидетельством широты читательских интересов писателя, его дружеских и творческих контактов с зарубежными литераторами и важным источником для литературоведов. «Мемориальная библиотека Горького <...>, — писал уже упоминавшийся зав. библиотекой Пушкинского Дома А.Н. Степанов, — безмолвный, но красноречивый свидетель любви и уважения великого писателя к Пушкинскому Дому, где свято хранят память о гениальном сыне русского народа» [1, с. 164].

В связи со всем этим тот факт, что в 1935 г. общим собранием Академии наук СССР Горький был единогласно избран директором Института русской литературы, подтверждает огромную роль, которую он сыграл в развитии Пушкинского Дома как крупнейшего культурного и научного учреждения. И хотя писатель не имел возможности переехать в Ленинград и осуществлял руководство Институтом заочно, тем не менее и такое участие сыграло заметную роль в развитии института и его будущей судьбе. Горький имел постоянное общение с ведущими учеными Института — В.А. Десницким, Ю.Г. Оксманом, А.С. Орловым, Н.К. Пиксановым и др. и был в курсе его деятельности, его задач и проблем. Вошел в состав редколлегии Полного собрания сочинений А.С. Пушкина, принял ряд существенных организационных мер. В связи с расширением задач Пушкинского Дома тогда же в 1935 г. было изменено его название (он стал называться Институт литературы (Пушкинский Дом) АН СССР), которое сохранял до 1949 г., после чего получил свое нынешнее название. Горький

инициировал также создание в Институте Отдела западноевропейских литератур, считая важным изучение русской и зарубежных литератур в их взаимосвязи и взаимовлиянии. Этот отдел существует в ИРЛИ до сих пор.

В связи с расширением профиля исследований в Институте начинается изучение творчества советских писателей. Одной из первых стала активная работа в области горьковедения. «В 1930-е гг., — писал В.Н. Баскаков, — Пушкинский Дом стал чуть ли не единственным в стране центром горьковедения, которое зарождалось именно здесь и здесь же формировало свои кадры, создавало источниковедческую основу, вырабатывало методику и методологию исследования биографии и творчества <...> писателя» [2, с. 26]. В 1933 г. В.А. Десницкий и С.Д. Балухатый создали в Институте группу по изучению творчества Горького и его эпохи. Основным трудом группы стало серийное издание «М. Горький. Материалы и исследования», четыре тома которого вышли в 1936–1951 гг.

К активной работе в этом направлении сразу была привлечена библиотека Пушкинского Дома, которую С.Д. Балухатый возглавлял в 1934–1937 гг. Именно ему принадлежала оригинальная идея создания в библиотеке системы специализированных кабинетов писателей, в которых со всей возможной полнотой собирается информация об изданиях произведений писателя и литературе о его жизни и творчестве. Так, в библиотеке Пушкинского Дома были организованы Пушкинский, Горьковский и Лермонтовский кабинеты, успешно работающие и в наши дни. Как показало время, эта совершенно особая форма обслуживания оказалась очень эффективной. Пользуясь поисковым аппаратом кабинетов, можно подобрать литературу о творчестве писателя в целом, об отдельных произведениях, об иллюстраторах произведений, об иконографии писателя, о театральные постановках, о переводах произведений писателя на иностранные языки и т.д.

А выделение из общего фонда части, касающейся материалов, необходимых для изучения творчества данного писателя, облегчает работу исследователя и сильно экономит его время. Горьковский кабинет возник как раз в связи с развитием научно-исследовательской работы в области горьковедения. Организованный в 1936 г. С.Д. Балухатым и работавшей тогда в библиотеке ИРЛИ К.Д. Муратовой, он сыграл важную роль в подготовке уже упоминавшихся горьковедческих работ, созданных в довоенное время. Основу кабинета составила горьковская коллекция, а позднее к ней присоединилась горьковедческая часть библиотеки С.Д. Балухатого, поступившей в Пушкинский Дом в 1945 г. Эта часть содержит все прижизненные издания собраний сочинений Горького, отдельные произведения и литературно-критическую литературу о нем. В ходе текущего комплектования фонда библиотеки ИРЛИ пополняется и «горьковиана» (изданиями произведений Горького и литературой о жизни и творчестве писателя). Она подробно отражается в справочном аппарате Горьковского кабинета, который представляет собой разветвленную систему каталогов и картотек, многоаспектно раскрывающих ее содержание.

К периоду руководства С.Д. Балухатого относится и начало библиографической деятельности библиотеки в области горьковедения. Он был инициатором, организатором и редактором серии «Литературная библиография». В 1934 г. в этой серии вышел в свет указатель «Критика о Горьком» [10], охвативший период с 1895 по 1932 г. и явившийся первым в русле библиографических пособий, посвященных жизни и творчеству М. Горького. В работе по его подготовке принимала участие К.Д. Муратова, которой, по ее словам, Балухатый «привил микроб библиографии». В 1936 г. еще при жизни Горького Балухатым совместно с К.Д. Муратовой было предпринято издание другого фундаментального библиографического труда — «Литературная

работа М. Горького: список первопечатных текстов и авторизованных изданий, 1892–1934» [11], который зарегистрировал свыше 2000 названий и ввел в научный оборот многие забытые произведения писателя. Без этих двух фундаментальных библиографических трудов, созданных Балухатым, невозможно подлинно научное изучение Горького. Параллельно в ИМЛИ под редакцией известного библиографа Н.В. Здобнова был составлен указатель «Библиография М. Горького: произведения Горького и литература о Горьком (1936–1937)» [12]. Но основными по-прежнему оставались работы, подготовленные Пушкинским Домом. Созданием этих справочников были заложены основы библиографического подхода к изучению жизни и творчества писателя. Здесь Балухатый проявил себя не только как выдающийся литературовед, но и как библиограф. Он положил в основу своих трудов новые принципы отбора, организации и аннотирования материала, которые до сих пор являются своего рода методической инструкцией при подготовке персональных библиографических пособий литературоведческой тематики.

Однако на этом библиографирование литературы о М. Горьком было приостановлено по ряду организационных причин. Как уже говорилось, в 1918 г. Горький передал первую часть своего архива из квартиры на Кронверкском проспекте в Петрограде в Пушкинский Дом, а другую часть перед отъездом из России передал в ГПБ. Со временем Горький предполагал передать весь свой архив в Пушкинский Дом. В филиале Архива РАН находится письмо Горького от 1926 г. в Публичную библиотеку с просьбой передать уже имеющиеся у них документы его архива в Пушкинский Дом; Публичная библиотека, однако, отказалась эту просьбу выполнить. Впоследствии горьковские материалы продолжали поступать именно в Пушкинский Дом различными путями, и к середине 1930-х гг. в Рукописном

отделе сформировался значительный горьковский фонд. После смерти писателя постановлением Президиума ЦИК СССР от 14 февраля 1937 г. местом хранения его рукописей и документальных материалов о нем был определен созданный в 1928 г. Институт мировой литературы им. Горького в Москве (ИМЛИ), где начал собираться Архив М. Горького. В соответствии с этим постановлением на протяжении 1940–1953 гг. Пушкинский Дом и Публичная библиотека передали в Архив М. Горького все рукописи писателя и большую часть материалов, относящихся к его биографии и творчеству [13]. Сотрудники Архива стали заниматься подготовкой к публикации архива Горького. А после создания в ИМЛИ центра горьковедения литературоведческими исследованиями, связанными с изучением жизни и творчества писателя и проблемами русской литературы начала XX в., стал заниматься этот центр. Функция библиографирования, т.е. подготовки и издания указателей литературы о Горьком была закреплена за БАН в лице ее отдела при ИРЛИ. Работа возобновилась в 60-е гг. XX в., когда в 1965 г. библиотека ИРЛИ начала подготовку периодически выпускаемых пособий под общим названием «Литература о М. Горьком» [14]. Бессменным редактором этих пособий до 1987 г. была К.Д. Муратова. Каждый указатель охватывает литературу за 5 лет. Последний выпуск вышел в 2017 г. К настоящему времени совокупность всех этих изданий представляет собой свод литературы о жизни и творчестве М. Горького, наглядно отражающий все аспекты творчества писателя, тенденции и новые подходы к его изучению за 1955–2010 гг. По принципам отбора и организации материала пособия продолжают традиции, заложенные Балухатым. Обязательное условие — просмотр включаемых документов *de visu*, а также выделение в аннотации значимых фактов. Фиксации подлежит литература, изданная в нашей стране на русском языке:

монографии, сборники с постатейной росписью, статьи из научных и общественно-политических журналов и газет. Отбирается литература не только из фонда библиотеки ИРЛИ, но и из фондов БАН и РНБ. К сожалению, в последние годы мы не можем гарантировать полноту информации по причине недостаточного комплектования библиотек необходимой литературой, поэтому наш указатель получил второе заглавие: материалы к библиографии. Библиографические описания, как правило, снабжены аннотациями, цель которых — раскрыть содержание материала, выделить индивидуальный характер документа (наличие неопубликованных или архивных данных — письма, воспоминания и т.п.), назвать произведения, о которых идет речь, имена лиц, упоминаемых в связи с изучением жизни и творчества писателя. Издание снабжается тремя указателями — алфавитным указателем имен и названий периодических изданий, кружков, обществ и учреждений, тематическим указателем и алфавитным указателем произведений М. Горького. С 1991 г. в Горьковском кабинете ведется электронная база данных (в программе, специально разработанной для тематических кабинетов библиотеки Пушкинского Дома), выполняющая три задачи: пополнение традиционных каталогов и картотек, справочно-библиографическое обслуживание и формирование очередных выпусков печатного библиографического пособия.

Наличие в нашем фонде коллекции, состоящей из книг, подаренных библиотеке Пушкинского Дома самим писателем, функционирование уникального по назначению библиотечно-информационного горьковедческого центра и регулярное издание указателей литературы о Горьком (кстати, очень востребованных горьковедками Москвы, Нижнего Новгорода и других городов России) — вот основные моменты, позволяющие связывать библиотеку Пушкинского Дома с именем Максима Горького.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Степанов А.Н.* У книг своя судьба. Ленинград, 1974. С. 152–164.
2. *Баскаков В.Н.* М. Горький и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: ст., док., библиогр. Ленинград, 1982. С. 71–106.
3. А.М. Горький в Экспертной комиссии Наркомвнешторга / публ. С. Беякова // Новый мир. 1963. № 4. С. 247–250.
4. *Беляев М.Д.* Воспоминания об Алексее Максимовиче Пешкове и его окружении // Библиография. 1992. № 3–4. С. 130–141; № 5–6. С. 164–176.
5. *Горький М.* Собрание сочинений. Т. 1. Berlin, 1923.
6. *Barbusse H.* Les bourreaux. Paris, 1926.
7. *Zweig S.* Reise nach Rußland. Wien, s.a.
8. *Pozner V.* Anthologie de la prose russe contemporaine. Paris, 1929.
9. *Chklovski V.* Voyage sentimental / trad. de V. Posner. Paris, 1926.
10. *Балухатый С.Д.* Критика о М. Горьком, 1895–1932: библиогр. ст. и кн. Ленинград: ГИЗ, 1934.
11. *Балухатый С.Д.* Литературная работа М. Горького: список первопечатных текстов и авторизованных изданий, 1892–1934 / при участии К.Д. Муратовой и Г.А. Смольянинова. Москва; Ленинград: Academia, 1936.
12. Библиография М. Горького: произведения Горького и литература о Горьком (1936–1937) / под ред. Н.В. Здобнова. Москва; Ленинград, 1940.
13. *Прополянис Г.Э.* Архив А.М. Горького: история в развитии // Архив Академии наук — достояние национальной и мировой науки и культуры: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 10–14 нояб. 2008 г.). Москва, 2009. С. 370–382.
14. Литература о М. Горьком, 1955–1960: библиогр. / сост.: К.П. Лукирская, А.С. Морщихина; под ред. К.Д. Муратовой. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1965; Литература

Люди и книги

- о М. Горьком, 1961–1965: библиогр. / сост.: К.П. Лукирская, О.В. Миллер, А.С. Морщихина; под ред. К.Д. Муратовой. Ленинград: БАН, 1970; Литература о М. Горьком, 1966–1970: библиогр. указ. Ч. 1–2 / сост.: А.С. Морщихина, Л.Г. Мироненко, К.П. Лукирская; под ред. К.Д. Муратовой. Ленинград: БАН, 1985; Литература о М. Горьком, 1971–1975: библиогр. указ. / сост.: А.С. Морщихина, Л.Г. Мироненко; под ред.: К.Д. Муратовой, Г.В. Бахаревой. Ленинград: БАН, 1987; Литература о М. Горьком, 1976–1990: библиогр. указ. Ч. 1–2 / сост.: Е.Б. Валуйская, Л.Г. Мироненко, А.С. Морщихина; редкол.: К.Д. Муратова, Г.В. Бахарева; библиогр. ред. Г.В. Бахарева. Санкт-Петербург: Наука, 2005; Литература о М. Горьком, 1991–1995: библиогр. указ. / сост. Е.Б. Валуйская; отв. ред. Г.В. Бахарева. Санкт-Петербург: БАН, 2008; Литература о М. Горьком, 1996–2000: материалы к библиогр. / сост. Е.Б. Валуйская; отв. ред. Г.В. Бахарева. Санкт-Петербург: БАН, 2011; Литература о М. Горьком, 2001–2005: материалы к библиогр. / сост. Е.Б. Валуйская; отв. ред. Г.В. Бахарева. Санкт-Петербург: БАН, 2014; Литература о М. Горьком, 2006–2010: материалы к библиогр. / сост. Е.Б. Валуйская; отв. ред. Г.В. Бахарева. Санкт-Петербург: БАН, 2017.

СИСТЕМАТИЗАТОРЫ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК 1920-х ГОДОВ: Виталий Степанович Серебrenиков – философ, богослов, психолог

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена Виталию Степановичу Серебrenикову (1862–1942), профессору экспериментальной психологии, философу, христианскому богослову и систематизатору Библиотеки Академии наук (БАН). В статье изложены основные факты его биографии, а также дана характеристика его работы в Систематизационном отделе БАН в 1920-х гг. В приложении приводятся материалы к списку трудов В.С. Серебrenикова.

Ключевые слова: Серебrenиков Виталий Степанович, Систематизационный отдел, история, Библиотека Академии наук.

В середине 20-х гг. XX в. в составе II (Иностранного) Отделения Библиотеки Академии наук (БАН) был сформирован Систематизационный отдел, на который были возложены следующие функции: систематизация книжного фонда, составление систематического карточного каталога, комплектование библиотеки книгами, составление проектов инструкций, правил, положений, а также дача научных заключений о книгах [1, л. 18 об., 147–150]. Заведующий II Отделением С.К. Пилкин неоднократно отмечал трудность работы в Систематизационном отделе за счет «принятой в нем [Отделении. — С.П.] систематической расстановки книг с весьма сложной шифровкой, вменяющей в обязанность умело ориентироваться в ее нередко весьма сбивчивых обозначениях» [2, л. 103]. Дополнительно систематизация осложнялась за счет нехватки квалифицированных научных кадров, владеющих техникой систематизации и шифровки книг по системе академика К.Э. Бэра, использовавшейся в Отделении с 1841 г. [3, л. 31].

В 1924 г., после переезда в новое здание, был расширен штат II Отделения, в том числе Систематизационного отдела [4, л. 1–2, 209 об.]. На 1928 г., не считая заведующего, в нем состояли 14 человек,

выполнявших огромный объем работ [1, л. 146–146 об.]: 4 научных сотрудника I разряда, 8 библиотекарей, включая старших, которые причислялись к ученым сотрудникам, и 2 технических сотрудника (табл. 1). Систематизация литературы по религиозной и философской тематике находилась в ведении научного сотрудника I разряда Виталия Степановича Серебrenикова, профессора экспериментальной психологии, христианского богослова и философа [2, л. 28].

Виталий Степанович Серебrenиков родился 18 апреля (по старому стилю) 1862 г. в селе Нижне-Ильинском Нолинского уезда Вятской губернии в семье священнослужителя Стефана Серебrenикова, что во многом определило выбор направления его дальнейшей научной деятельности [5, л. 1; 6, с. 1]. С 1872 по 1876 г. он обучался в Глазовском духовном училище, после окончания которого Виталий Степанович поступил в Вятскую духовную семинарию [5, л. 1; 6, с. 1; 7, с. 170]. Уже тогда, во время учебы в духовной семинарии, проявился его интерес к таким наукам, как психология, физика, математика. По окончании семинарии он получил предложение от протоиерея Николая Попова, ректора Вятской духовной семинарии, продолжить образование

в Казанской духовной академии, однако отказался. В 1882 г. он переехал в Санкт-Петербург и в числе лучших студентов поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию (СПбДА) на богословское отделение [7, с. 170]. За годы обучения в Академии Серебrenиков обнаружил особенную склонность к философской и психологической наукам и в целях лучшей и всесторонней подготовки по психологии прослушал теоретический и практический курс анатомии под руководством профессоров Императорской Военно-медицинской академии В.Л. Грубера и П.Ф. Лесгафта [6, с. 1]. После окончания академического курса в 1886 г. Серебrenиков был удостоен степени кандидата богословия с правом получения степени магистра богословия без нового устного испытания [7, с. 171], которая была ему присуждена в 1892 г. за первое фундаментальное философское исследование на тему «Учение Дж. Локка о прирожденных началах знания и деятельности», ставшее продолжением и логическим завершением его курсового сочинения [5, л. 7]. После защиты диссертации Серебrenиков на год отправляется на стажировку за границу, где посещает институты экспериментальной психологии в Берлине, Бонне, Гейдельберге и Париже. Там он не только слушает лекции именитых профессоров психологии и философии, но и знакомится с применяемыми в то время методами психофизиологических исследований памяти, внимания, а также осязательных, вкусовых, зрительных и слуховых ощущений [5, л. 7; 8, с. 113]. Главным образом он изучал работу профессора Лейпцигского университета Вильгельма Вундта в организованном им из психологической лаборатории институте экспериментальной психологии. В своем отчете о командировке Виталий Степанович подробно описывает оснащение посещенных им научных заведений, признавая бесспорное первенство за Лейпцигским институтом, где он пробыл 7 месяцев и в течение семестра прослушал курс лекций В. Вундта по психологии [8, с. 115–125].

Одновременно с занятиями психологией Серебrenиков продолжает работу в области богословия и философии. В 1909 г. Виталий Степанович получает степень доктора богословия за сочинение «Лейбниц и его учение о душе человека», получившее высокую оценку современников [5, л. 7; 9].

Результаты многолетних трудов Серебrenикова изложены в многочисленных статьях, посвященных проблемам философии, теории познания и психологии. В своих сочинениях Виталий Степанович анализировал идеи Г.В. Лейбница, Дж. Локка, Р. Декарта, «отстаивал принципы спиритуализма, критиковал материалистические и феноменологические представления о «вторичности» и зависимости содержания душевной жизни от всевозможных «материальных» или «внешних» процессов, настаивал на принципиальной «автономности» психического опыта и реальности индивидуальной души» [10].

Работы Серебrenикова по экспериментальной психологии «по преимуществу общего и методологического характера. В них он доказывает и разъясняет необходимость экспериментально-лабораторной разработки психологии, проводит детальный анализ важнейших достижений, показывая, как нужно разрабатывать полученные экспериментальным путем данные, чтобы они не были мертвым капиталом, а вели к расширению и углублению научно-психологического знания» [7, с. 192]. При этом главной задачей для Серебrenикова было показать, «на основании научно установленных фактов экспериментально психологического исследования, несостоятельность механического воззрения на душевную жизнь, с его разрушительными для нравственности и религии выводами» [6, с. 6; 11, с. 375, 389–390]. Совместно с академиком В.М. Бехтеревым Виталий Степанович исполнял обязанности редактора издававшегося в Санкт-Петербурге журнала «Вестник психологии, криминальной

антропологии и гипнотизма», в котором публиковал и собственные научные статьи [6, с. 9]. Кроме того, Серебrenиков подготовил ряд рецензий на работы философского, психологического и богословского содержания, а также несколько статей в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона и Православной богословской энциклопедии (см. прил.).

Являясь с 1887 по 1919 г. профессором экспериментальной психологии СПбДА [5, л. 7], Виталий Степанович Серебrenиков уделяет большое внимание образовательному процессу. Помимо разработки теоретического курса психологии, он основывает при своей кафедре «психологическую семинарию», которую оборудует новейшими приборами для психофизических исследований, а также моделями и препаратами центральной нервной системы, в том числе приобретенными на собственные средства [6, с. 5]. В своих лекциях по психологии Виталий Степанович старался кратко и четко отражать самые новые результаты научных исследований. В БАН сохранились в литографическом виде конспекты лекций по психологии профессора Серебrenикова, с дополнениями и анатомическими схемами центральной нервной системы за его подписью (рис.).

Когда 27 ноября 1900 г. было принято решение об организации студенческого Психологического Общества, по просьбе учредителей Серебrenиков принял на себя обязанности его организатора и председателя [12, с. 812]. На заседаниях этого общества регулярно студентами Академии читались доклады на психологические и философские темы. На его основе была создана библиотека, в которой содержалось до 750 томов сочинений по психологии и философии на русском языке [7, с. 176]. После его упразднения в 1906 г., в связи с происходившими в то время в стране волнениями, эта библиотека была передана в фонд продолжавшей свою работу психологической семинарии [7, с. 176].

С 1911 по 1918 г. Виталий Степанович входит в Библиотечную комиссию при СПбДА, где впоследствии занимает пост председателя [5, л. 7]. Вынужденно оставив в 1919 г. пост профессора в Академии, Серебrenиков тем не менее продолжает преподавательскую деятельность в различных вузах Петрограда: он был профессором 2-го Петроградского университета, Института физического образования им. П.Ф. Лесгафта, факультета языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета (ЛГУ), а также Географического института, впоследствии географического факультета после его слияния с ЛГУ [5, л. 7 об. – 9 об.; 13, л. 4–5].

В ноябре 1925 г. Виталий Степанович поступает на службу во II (Иностранное) Отделение БАН на должность библиотекаря Систематизационного отдела [5, л. 5], и почти сразу, в январе 1926 г., его переводят на освободившуюся должность научного сотрудника I разряда [5, л. 10–11; 14, л. 71].

Как упоминалось выше, систематизация иностранного фонда осуществлялась согласно разделам классификационной системы К.Э. Бэра, которые были распределены между сотрудниками в соответствии с их специальностями (табл. 1). В ведении Серебrenикова находилось три раздела: «VIII Психология», «XV Богословие» и «XVI Философия» [2, л. 28].

По сохранившимся личным отчетам Серебrenикова можно составить представление о том, какую работу включало ведение этих разделов [1, л. 165–165 об., 176–182; 15, л. 53; 16, л. 145; 17, л. 64, 65, 82, 99, 129, 139, 144]: составление систематического карточного каталога, систематизация книжного фонда, комплектование XV и XVI отделов, пересмотр классификационной системы К.Э. Бэра, дача справок и научных заключений о книгах и т.д. К примеру, только за 1928 г. им было отобрано из нешифрованного фонда и классифицировано в соответствующие отделы около 6000 наименований,

зашифровано 300 и подготовлено к шифровке 254 книги из новых поступлений, а также проверено около 3000 карточек [1, л. 165–165 об.].

Следует отметить, что каталог II Отделения представлял собой фолианты, в которые в порядке, согласно системе К.Э. Бэра, делались записи о поступающих книгах («книжный каталог»). Их расстановка также велась по систематическому принципу. Одной из приоритетных задач для Иностранного отделения было создание общего систематического карточного каталога, на решение которой и была направлена работа всех сотрудников Систематизационного отдела, включая В.С. Серебренникова. Для составления систематического карточного каталога были использованы карточки т.н. «запасного малого алфавитного каталога» («маленькие» карточки) [3, л. 31], которые необходимо было сверить с карточками алфавитного каталога, записями в фолиантах и книжным фондом. В результате проверки наличия книги на месте и соответствия ее титульного листа записям в фолианте и на карточках, в случае несоответствия, вносились нужные исправления, писались новые карточки и составлялись списки отсутствующих на месте книг, что дополнительно осложняло работу систематизаторов [1, л. 147–150; 3, л. 31; 16, л. 145].

Еще одной из первостепенных задач был разбор и систематизация нешифрованного фонда, накопившегося за годы Первой мировой и Гражданской войн, значительно возросшего за счет новых поступлений [18, л. 2]. Серебренников по инвентарным книгам отбирал номера экземпляров, относящихся к XV и XVI отделам, записывал их в фолиант книжного каталога, а затем приступал к работе с карточным каталогом: ставил соответствующие шифры на «маленьких» карточках и располагал их в систематическом порядке, после чего оставалось только сделать пометки на корешковых ярлыках книг [1, л. 177].

Кроме того, Виталий Степанович занимался комплектованием своих

разделов новыми книгами. Продолжая внимательно следить за выдающимися явлениями в философии и психологии, он составлял заявки и обоснования для выписки необходимой литературы, а также отбирал книги по философии и богословию из библиотек Petersschule и Римско-Католической Академии для пополнения соответствующих разделов [1, л. 165–165 об.].

Когда в отделе началась работа над проектом пересмотра устаревшей классификационной системы К.Э. Бэра, В.С. Серебренников принял в ней активное участие [1, л. 178, 181 об.; 17, л. 99; 19, л. 16–16 об.], отредактировав схемы для разделов «XV Богословие» и «XVI Философия», в который также вошли «Психология» и «Педагогика» (табл. 2 и 3).

Наконец, в обязанности систематизаторов также входила подготовка библиографических справок для читателей и сотрудников библиотеки. В частности, Виталий Степанович неоднократно консультировал заведующего Кабинетом инкунабул профессора А.И. Маленина о немецких переводах сочинений Филона, профессора Н.Н. Гернет о литературе по статистическим методам в экспериментальной психологии и т.д. [18, л. 177, 182].

В 1929 г. была сформирована Правительственная комиссия «по чистке аппарата Академии наук» во главе с партийным деятелем Ю.П. Фигатнером. В результате работы этой комиссии профессор Серебренников в конце 1929 г. был переведен на должность ученого библиографа [13, л. 5]. Сложившаяся неблагоприятная ситуация, вероятно, способствовала тому, что 30 марта 1930 г. он написал заявление об увольнении, и с 1 апреля Виталий Степанович был освобожден от занимаемой им должности [5, л. 19, 20, 22]. После увольнения из БАН Серебренников переехал (возможно, был выслан [20, с. 26; 21, с. 285]) в родной Вятский край, в город Киров (бывшая Вятка), где с 1936 по 1937 г. работал в детской лечебно-профилактической амбулатории,

а впоследствии поступил на работу библиографом в отдел краеведческой литературы Кировской универсальной областной научной библиотеки им. А.И. Герцена [10]. Последние годы жизни Виталий Степанович посвятил созданию карточных предметно-хронологических указателей в Кировской библиотеке [22], составил библиографию по статистическим данным о Вятской губернии и Кировской области 1830–1939 гг.,

а также принимал участие в подготовке «Каталога местного отдела библиотеки», который, к сожалению, так и не был издан [20, с. 25–26].

В 1941 г. Серебrenиков оставил работу в библиотеке по состоянию здоровья [23, с. 322]. Скончался Виталий Степанович Серебrenиков 28 января 1942 г., не дожив трех месяцев до своего 80-летия, и был похоронен на Петелинском кладбище города Кирова.

ПРИЛОЖЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ К СПИСКУ ТРУДОВ В.С. СЕРЕБРЕНИКОВА

Труды по психологии и философии

1. Речь перед защитой диссертации // Христ. чтение. Санкт-Петербург, 1892. Ч. 1, № 5–6, май–июнь. С. 487–492.

2. Учение Локка о прирожденных началах знания и деятельности: магистр. дис. Санкт-Петербург, 1892. 358 с.

3. К вопросу об экспериментальной психологии // Христ. чтение. Санкт-Петербург, 1895. Вып. 4, июль–авг. С. 228–231.

4. Психофизические исследования и их значение для психологии: очерк по эксперимент. психологии // Христ. чтение. Санкт-Петербург, 1895. Вып. 2, март–апр. С. 288–311.

5. Декарт и его философия: к 300-летию юбилею его рождения // Христ. чтение. Санкт-Петербург, 1896. Вып. 2, март–апр. С. 455–481.

6. Механическое воззрение на душевную жизнь пред судом современных строго научных воззрений // Христ. чтение. Санкт-Петербург, 1897. Вып. 3, март. С. 373–390.

7. Самооткровение духа как источник его познания: речь, произнес. на торжеств. акте С.-Петербургской духовной академии 17 февраля 1897 года // Христ. чтение. Санкт-Петербург, 1897. Вып. 3, март. С. 424–439.

8. В.Н. Карпов как психолог: к столетнему юбилею его рождения // Христ. чтение. Санкт-Петербург, 1898. Вып. 5, май. С. 688–700.

9. Опытная психология и ее методы // Христ. чтение. Санкт-Петербург, 1899. Вып. 4, апр. С. 639–677.

10. Лейбниц и Локк по вопросу о прирожденных идеях: доклад, чит. в «Студенческом психологическом обществе» при СПбДА 1-го марта и в «Философском обществе» при университете 22-го марта 1901 года // Христ. чтение. Санкт-Петербург, 1901. Вып. 5, май. С. 661–690.

11. Узость ясного сознания: ист. очерк по эксперимент. психологии; речь, произнес. 22-го января 1902 года на публич. годич. заседании «Русского Общества Нормальной и Патологической Психологии» при Имп. Воен.-Мед. Акад. // Христ. чтение. Санкт-Петербург, 1902. Вып. 3, март. С. 309–326.

12. Учение Лейбница о бессознательной душевной жизни // Вестн. психологии, кримин. антропологии и гипнотизма. Санкт-Петербург, 1904. Вып. 2. С. 17–32.

13. Возражения Лейбница против философии Декарта // Христ. чтение. Санкт-Петербург, 1906. Окт. С. 487–516.

14. Учение Лейбница о нравственной свободе человека // Вестн. психологии,

кримин. антропологии и гипнотизма. Санкт-Петербург, 1906. Вып. 8–9. С. 443–454.

15. Учение Лейбница о свободе воли // Журн. М-ва нар. просвещения. Санкт-Петербург, 1906. Июнь. С. 356–381.

16. Влияние философии Гоббеса на Лейбница // Журн. М-ва нар. просвещения. Санкт-Петербург, 1907. Март. С. 62–99.

17. Жизнь и сочинения Лейбница // Христ. чтение. Санкт-Петербург, 1907. Июнь. С. 787–805; Июль. С. 31–51.

18. Лейбниц и его учение о душе человека: докт. дис. Санкт-Петербург, 1908. 366 с.

19. Независимость психологии от физиологии // Христ. чтение. Санкт-Петербург, 1913. Июль–авг. С. 853–871.

20. К психологии ощущений // Вестн. психологии, кримин. антропологии и гипнотизма. Санкт-Петербург, 1919. Вып. 1. С. 65–73.

Лекции по психологии

21. Конспект лекций по психологии, читанных студентам СПб Духовной Академии и. д. доцента В.С. Серебренниковым в 1887/88 уч. году. Санкт-Петербург, 1888. 15 с.

22. Прибавление к лекциям по психологии, читанным студентам С.-Петербургской дух. Академии и. д. доцента В.С. Серебренниковым в 1887/88 учеб. году. Санкт-Петербург, 1888. [1 с., 8 л. ил.].

23. Обзор лекций по психологии, читанных студентам II-го курса С.-П.-Б. Духовной Академии и. д. доцента В.С. Серебренниковым в 1890–91 учебном году. Санкт-Петербург, 1891. 16 с.

24. Конспект лекций по психологии, читанных студентам II-го курса С.-Петербургской Духовной Академии и. д. доцента В.С. Серебренниковым в 1891–1892 г. Санкт-Петербург, 1892. 10 с.

25. Центральная нервная система и органы высших внешних чувств. Прибавление к лекциям по психологии за 1893/94 год. Санкт-Петербург, 1894. 35 с.

26. Лекции по психологии. Санкт-Петербург, 1911. 232 с.

Рецензии

27. Новая книга о философии Канта // Вопр. философии и психологии. Санкт-Петербург, 1894. Кн. 23. С. 404–423. Рец. на кн.: Каринский М.И. Об истинах самоочевидных. Санкт-Петербург: Тип. В.С. Балашева, 1893. 196 с.

28. [Рецензия] // Вопр. философии и психологии. Санкт-Петербург, 1895. Кн. 3(28), май. С. 372–375. Рец. на кн.: Вундт В. Лекции о душе человека и животных. Санкт-Петербург: Изд-во К.Л. Риккера, 1894. 465 с.

29. [Рецензия] // Журн. М-ва нар. просвещения. Санкт-Петербург, 1896. Июль. С. 191–209. Рец. на кн.: Снегирев В.А. Психология: сист. курс чтений по психологии э. проф. Казан. дух. акад. В.А. Снегирева. Харьков: Тип. Адольфа Дарре, 1893. 700 с.

30. [Рецензия] // Журн. М-ва нар. просвещения. Санкт-Петербург, 1898. Окт. С. 469–491. Рец. на кн.: Бриллиантов А. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены: Исслед. Александра Бриллиантова. Санкт-Петербург: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1898. 514 с.

31. [Рецензия] // Церков. вестн. Санкт-Петербург, 1900. № 37. С. 1183–1184. Рец. на кн.: Коркунов Н.М. Истории философии права: Пособие к лекциям. Санкт-Петербург: Тип. М. Меркушева, 1896. 267 с.

32. [Рецензия] // Вестн. психологии, кримин. антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 7. С. 505–509. Рец. на кн.: Гобчанский И.М. Опытная психология. Санкт-Петербург: К.А. Риккер, 1898. 257 с.

Отчеты

33. [Отчет доцента академии В.С. Серебренникова об ученых занятиях его за границу в течение 1892/3 учебного года] // Христ. чтение. Санкт-Петербург, 1895. Вып. 2, март–апр. С. 113–128

(5-я паг.). (Опубл. в сост.: Журналы Собрания Совета академии, 21 декабря 1893 года).

34. Отчет о IV Международном психологическом конгрессе // Церков. вестн. Санкт-Петербург, 1900. № 37. С. 1172–1174.

35. Отчет о II Международном философском конгрессе // Вестн. психологии, кримин. антропологии и гипнозизма. Санкт-Петербург, 1904. Вып. 8. С. 601–607.

Статьи в энциклопедиях

36. Аффект // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Санкт-Петербург, 1891. Т. 2А (4): Ауто-Банки. С. 523–524.

37. Спиритизм // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон.

Санкт-Петербург, 1900. Т. 31 (61): София–Статика. С. 224–226.

38. Субъект // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Санкт-Петербург, 1901. Т. 31А (62): Статика–Судоустройство. С. 888–890.

39. Душа // Православная богословская энциклопедия / под ред. А.П. Лопухина. Санкт-Петербург, 1904. Т. 5: Донская епархия–Ифика. С. 130–139.

40. Эббингхаус // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Санкт-Петербург, 1904. Т. 40 (79): Шуйское–Электровозбудимость. С. 105–106.

41. Экспериментальная психология // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Санкт-Петербург, 1904. Т. 40 (79): Шуйское–Электровозбудимость. С. 285–295.

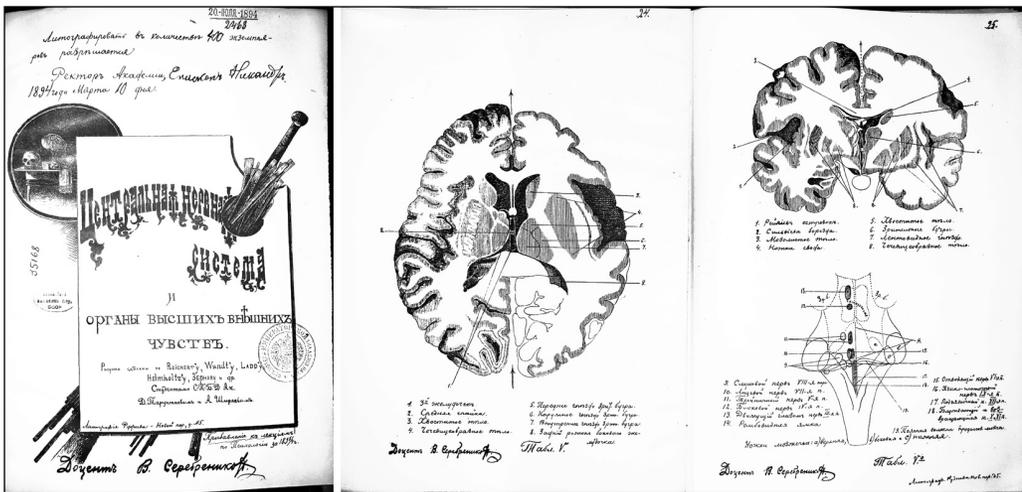

Рис. Сербренников В.С. Центральная нервная система и органы высших внешних чувств. Прибавление к лекциям по психологии за 1893/94 год. Санкт-Петербург, 1894. С. 1, 24–25. (Из фонда Библиотеки Российской академии наук)

Таблица 1

**Систематизационный отдел II (Иностранного)
Отделения Библиотеки Академии наук СССР (1928 год)**

Фамилия	Занимаемая должность	Раздел системы К.Э. Бэра
С.С. Абрамович-Барановский	ст. библиотекарь, зав. Отделом	
К.В. Меликов	ст. библиотекарь	IV, V(G) и XVIII(E)
Г.Г. Гельд	н.с. I разряда	II и III
А.А. Гизетти	н.с. I разряда	X(B) и XI
В.С. Серебrenиков	н.с. I разряда	VIII(E), XV и XVI
С.В. Толстая	н.с. I разряда	IX(A, B, C, D, E, F, G, H, I, K, L, M), X(A), XIII и XIV
В.Н. Бернер	библиотекарь	I
В.С. Золотилев	библиотекарь	VII и VIII
В.В. Кручек-Голубов	библиотекарь	V(N, O, P) и XVII
Л.Т. Лимберг	библиотекарь	V(A, B, C, D, E, F, H, I, K, L, M)
М.А. Лихарев	библиотекарь	VI и IX(N, O, P, Q)
Т.Ф. Томулец	библиотекарь	XII, XVIII и XIX
И.Т. Соколова	пом. библиотекаря	VII
А.Т. Сатаева	техн. сотрудник	
К.В. Рышкова	техн. сотрудник	

Ист.: СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1928). Д. 24. Л. 146–146 об. и СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1928). Д. 66. Л. 28.

Таблица 2

**Схема раздела «XV Религия и богословие»,
составленная В.С. Серебrenиковым на основе системы К.Э. Бэра (черновик)**

XV Религия и богословие	
A	Библиография. Сборники. Словари. Общие труды (философия религии, психология религии, введение в христианское богословие)
B	Источники церковной истории
C	Библейская история в связи с историей еврейского народа. Библейская археология, география и хронология
D	История религий нехристианских
E	История древнехристианской церкви до IX века
EE	История грековосточной церкви по отделению ее от церкви западной
F	История римскокатолической церкви

XV Религия и богословие	
G	История протестантских церквей и сект
H	Церковная археология и литургика
I	Св. Писание
Ia	Текст и переводы библии и отдельных ее частей
Ib	Апокрифы и памятники древнеиудейской литературы
Ic	Введение в изучение библии; библейская филология; история и критика текста; история канона; конкорданции; герменевтика; комментарии
K	Творения отцов церкви и древних церковных писателей. История патристи-ческой и средневековой церковной литературы
L	Христианское веро- и нравоучение (апологетика, догматика и нравственное богословие с аскетикой) Прим.: Естественное богословие см.
M	Практическое богословие (пасторское богословие и гомилетика) Прим.: Каноническое и церковное право см.

Ист.: СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1926). Д. 14. Л. 16.

Таблица 3

**Схема раздела «XVI Философия»,
составленная В.С. Серебренниковым на основе системы К.Э. Бэра (черновик)**

XVI Философия	
A	Библиография и история
a	Библиография. Сборники. Словари
b	Систематические руководства по истории философии
c	Монографии по историко-философским вопросам
B	Введение в философию. Историко-критические обзоры философских учений
C	Сочинения, жизнь и учение отдельных философов до XX в.
CC	Сочинения и учение философов XX в.
D	Теория познания. Логика. Методология наук Прим.: Философия математики см. также
E	Психология
a	Общие труды. История психологии. Введение в психологию
b	Анатомо-физиологические основы психической жизни. Физиологическая психология. Псих[?]
c	Общая и генетическая психология Прим.: Зоопсихология см. VII

XVI Философия	
сс	Индивидуальная и коллективная психология
d	Психология особых состояний сознания (сон, гипноз и пр.) и прикладная. Психотехника
ЕЕ	Внешнее обнаружение состояний сознания (физиогномика и пр.)
F	Метафизика Прим.: Философия природы см. Философия религии см. Философия истории см.
G	Этика Прим.: Философия права см. Эстетика см.
H	Педагогика
a	Общие труды. Библиография. Сборники. Словари
b	История педагогики и педагогических учений
bb	Педология. Теория воспитания и обучения
c	Социальная педагогика см. также XI
d	Книги разного содержания

Ист.: СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1926). Д. 14. Л. 16 об.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Материалы к отчету II Отделения БАН за 1928 г. (отчеты отделов, цифровые сведения) // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1928). Д. 24. 257 л.

2. Копии справок сотрудников БАН с прежних мест работы. Переписка по личному составу и частично по финансовым и хозяйственным вопросам февраль–декабрь 1928 г. // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1928). Д. 66. 141 л.

3. Отчет БАН за 1924–1925 акад. год и материалы к нему // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1924). Д. 3. 140 л.

4. Список личного состава с краткими анкетными сведениями и датой поступления в БАН, заявления, справки, переписка по личному составу 4 июня

1924 – 15 апреля 1925 // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1924). Д. 19. 224 л.

5. Серебренников Виталий Степанович, научный сотрудник БАН. Личное дело // СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4 (Т. 1). Д. 1125. 26 л.

6. *Миртов Д.П.* Двадцатипятилетие ученой и учебной деятельности проф. В.С. Серебренникова. Санкт-Петербург, 1912. 9 с.

7. *Шиндаров С.Б.* Ученая и учебная деятельность профессора СПбДА В.С. Серебренникова // Христ. чтение. 2011. № 3 (38). С. 169–195.

8. *Серебренников В.С.* [Отчет доцента академии В.С. Серебренникова об учебных занятиях его за границу в течение 1892/3 учебного года] // Христ. чтение. 1895. Вып. 2, март–апр. С. 113–128

(5-я паг.). (Опубл. в сост.: Журналы Собрания Совета академии, 21 декабря 1893 года).

9. *Блонский П.П.* [Рецензия] // Крит. обзор. Москва, 1909. Вып. 1. С. 24–26. Рец. на кн.: Серебrenников В.С. Лейбниц и его учение о душе человека: докт. дис. Санкт-Петербург, 1908. 366 с.

10. *Рашковский А.Л.* Выдающийся ученый, сотрудник и читатель Герценки. К юбилею библиотеки // [Макспарк]. Режим доступа: <http://maxpark.com/user/sacha652970/content/1594901> (дата обращения: 21.02.2019).

11. *Серебrenников В.С.* Механическое воззрение на душевную жизнь пред судом современных строго научных воззрений // Христ. чтение. 1897. Вып. 3, март. С. 373–390.

12. *Алексеевский А.* Студенческое психологическое общество при С.-Петербургской Духовной Академии // Христ. чтение. 1903. Май. С. 811–815.

13. Серебrenников Виталий Степанович, научный сотрудник БАН. Личное дело // СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4 (Т. 1). Д. 5689. 5 л.

14. Протоколы заседаний заведующих Отделениями, совещания по вопросу о систематизации книг Библиотеки и по устройству Кабинета Византиноведения // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1925). Д. 6. 73 л.

15. Отчет о работе II Отделения БАН за 1924 год – 1925 год с материалами к нему. Черновик // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1925). Д. 14. 84 л.

16. Отчет о работе II Отделения БАН и материалы к нему (черновики) //

СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1927). Д. 19. 167 л.

17. Отчеты Отделов и отдельных сотрудников II Отделения // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1929). Д. 27. 147 л.

18. Годовой отчет БАН и материалы к нему // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1927). Д. 15. 603 л.

19. Замечания сотрудников БАН по проекту пересмотра системы классификации книг К.Э. Бэра, тезисы докладов Гуцина Б. по библиотечной классификации книг и черновики тезисов по пересмотру системы К.Э. Бэра // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1926). Д. 14. 45 л.

20. *Чудова Г.Ф.* «Не говори с тоской: их нет, но с благодарностью: были» // Герценка: Вятские записки: [науч.-попул. альм.] / Киров. гос. универ. обл. науч. б-ка им. А.И. Герцена. Киров, 2011. Вып. 20. С. 12–29.

21. *Бабинцева М.Н.* Наш земляк – психолог В.С. Серебrenников // Вятская земля в прошлом и настоящем: к 500-летию вхождения в состав Рос. гос-ва: тез. докл. и сообщ. к науч. конф. Киров, 1989. С. 284–285.

22. Автобиография Виталия Степановича Серебrenникова от 25 января 1941 года // Государственный архив Кировской области. Ф. Р-2483. Оп. 1. Д. 369.

23. *Войханская К.М.* Библиотека имени А.И. Герцена в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вятская публичная – Кировская областная научная библиотека имени А.И. Герцена: Документы. Исследования. Киров, 2012. Кн. 1: 1837–1945. С. 300–329.

ПЕРЕПИСКА И.И. ЯКОВКИНА И В.М. АЛЕКСЕЕВА

АННОТАЦИЯ

Первая публикация переписки академика В.М. Алексеева и директора БАН СССР И.И. Яковкина. Письма хранятся в фонде В.М. Алексеева СПбФ АРАН, ввод их в научный оборот позволит судить о характере взаимоотношений между двумя выдающимися учеными, об академической атмосфере 30–40-х гг. прошлого века.

Ключевые слова: Василий Михайлович Алексеев (1881–1951), Иннокентий Иванович Яковкин (1881–1949), китаистика, директор БАН СССР, переписка, Санкт-Петербургский филиал архива РАН.

Переписка основателя современной синологической школы академика Василия Михайловича Алексеева (1881–1951) сформировала отдельную опись в его архивном деле: опись 3 фонда 820 Санкт-Петербургского филиала Архива РАН содержит 950 единиц хранения. Первые 107 дел этой описи — письма самого В.М. Алексеева, а дела с 108 по 950 — письма разных корреспондентов к нему.

Переписку В.М. Алексеева с директором Библиотеки Академии наук Иннокентием Ивановичем Яковкиным (1881–1949) трудно назвать оживленной. В Архиве имеется одно письмо Василия Михайловича и четыре письма к нему, все письма невелики по объему и носят исключительно деловой характер. Возможно, на объем их эпистолярного общения повлияло то обстоятельство, что они работали в одном здании Библиотеки Академии наук в Ленинграде (Биржевая линия, д. 1), где до 1949 г. помимо собственно БАН размещался со всеми своими фондами бывший Азиатский музей, в описываемые годы — Институт востоковедения АН СССР, где В.М. Алексеев с 1930 по 1951 г. заведовал Китайским кабинетом.

Вот единственное письмо В.М. Алексеева И.И. Яковкину [1]:

*Академик 30 августа 1936 года
Василий Михайлович Алексеев
Улица Блохина, д. 17/1, кв. 5.
Ленинград, 49
Телефон 2-34-08*

*Глубокоуважаемый
Иннокентий Иванович!*

Не сочтете ли Вы возможным при обмене на уступленную мною библиотеке книгу предоставить мне т. I и V–VI «Источники словаря русских писателей» Венгерова, если у Вас есть dbl?

*С почтением и приветом,
В. Алексеев*

Под текстом письма синими чернилами резолюция И.И. Яковкина:

*т. I — из 5-ти экз. осталось 3!
V–VI нет совсем*

О какой именно книге идет речь, выяснить не удалось, и что именно Василий Михайлович хотел получить взамен, также не вполне понятно. «Источники словаря русских писателей» Семена Афанасьевича Венгерова (1855–1920) были запланированы в 7-ми томах, но вышло только четыре, в 1917 г. издан последний, 4-й том, кончающийся на информации о Н.А. Некрасове [2]. В 6-ти же томах вышел «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней)»

[3], крупнейшая библиографическая работа С.А. Венгерова, картотека к которой легла в основу «Источников словаря русских писателей». В.М. Алексеев то ли не знал, что 5-го и 6-го томов издания, о котором он просит, не существует в природе, то ли перепутал название справочника. Резолюция И.И. Яковкина «V–VI нет» совсем двусмысленна: то ли — нет таких томов, потому что и не было, то ли нет дублетных экземпляров.

Письма И.И. Яковкина В.М. Алексееву объединены в одно дело [4], состоящее из четырех листов машинописи и почтового конверта. Первое письмо датировано 1943 г., когда И.И. Яковкин работал в Москве (1942–1944), а В.М. Алексеев был в эвакуации в Боровом, в Северном Казахстане.

*Глубокоуважаемый
Василий Михайлович!*

В течение длительного времени здесь в Москве ничего не удавалось сделать для получения необходимых Вам книг и при этом убеждаться все более и более в том, что организовать необходимое обслуживание при том, что большинство московских библиотек было в той или иной степени эвакуировано, почти что невозможно и в особенности по линии литературы по наукам общественным, в том числе и по востоковедению. Тем не менее я очень надеюсь, что та партия книг, которая высылается в Боровое, порадует Вас. Две книги хотя и с большим трудом удалось для Вас доставить, а самое главное это то, что мы переправляем Вам пять Ваших ящиков, доставленных из Ленинграда в составе библиотечного груза, прибывшего в Москву. Очень надеюсь, что все эти материалы, вместе взятые, дадут Вам хотя бы некоторые возможности для работы.

Примите уверения в моем уважении к Вам,

/И.И. Яковкин/

6.VIII.1943

В эвакуации В.М. Алексеев крайне страдал от отсутствия необходимых

для работы книг, особенно справочного характера. Первоначально с ним были только антологии классической поэзии и прозы высокого стиля и словарь, позднее, как явствует, в том числе, из вышеприведенного письма, его библиотека стала пополняться. Работе В.М. Алексеева в Боровом посвящена глава в книге его дочери, Марианны Васильевны Баньковской [5, с. 354–367]. Удивительно, как В.М. Алексеев и многие его коллеги в казахстанской эвакуации сумели, иногда по памяти, в отсутствии необходимых словарей, сделать переводы, ставшие классикой и гордостью отечественного востоковедения.

Следующее письмо датировано 1948 г.

*Глубокоуважаемый
Василий Михайлович!*

Разрешаю себе тревожить Вас следующей просьбой: не отказать передать подательнице сего сотруднику Библиотеки АН Э.К. Круштейн выданный мною Вам том Британской энциклопедии.

Прошу извинить за причиненное беспокойство и принять уверения в моем глубоком к Вам уважении.

21 февраля 1948 г. /Яковкин/

Элеонора (Леонора) Карловна Круштейн (1916–1976), по мужу Суворова, работала в БАН с 1937 по 1972 г., с перерывом 1942–1945 гг., когда она, мобилизовавшись, исполняла обязанности начальника библиотеки Дома офицеров [6, с. 716]. В 1948 г. работала библиотекарем в Отделе русского комплектования, т.е. возвращать в библиотеку взятые читателями на дом книги не входило в ее непосредственные обязанности. Равно как и директор Библиотеки не обязан был лично обслуживать читателя, пусть даже и академика. Все отношения здесь — череда любезностей и взаимных одолжений.

Уже через четыре дня И.И. Яковкин пишет В.М. Алексееву еще одно письмо.

*Глубокоуважаемый
Василий Михайлович!*

Приношу искреннее извинение за то недоразумение, которое произошло

вчера у Вас при входе в Библиотеку. Вахтер приглашен недавно на работу, а в настоящее время в связи с наплывом читателей приходится принимать более строгие меры в отношении контроля за посетителями Библиотеки, не связанными по своей работе с Библиотекой Академии наук. Во всяком случае, смею Вас уверить, что с нашей стороны приняты все меры к тому, чтобы устранить в будущем такого рода печальное недоразумение, которое могло иметь место только в связи с неопытностью вахтера.

Прошу принять уверения в моем глубоком к Вам уважении.
25 февраля 1948 г. /Яковкин/

Очевидно, новичок-вахтер не был поставлен в известность, что на работу в БАН ходят не только библиотекари и библиографы, но и сотрудники размещавшегося здесь же на 5-м этаже Института востоковедения, среди которых было тогда немало академиков. Можно попытаться вообразить реакцию В.М. Алексеева, на пути которого к месту службы возникло неожиданное препятствие!

Последнее письмо датируется июнем того же 1948 г., помещено в именной конверт директора БАН И.И. Яковкина и написано на бланке БАН:

*Ленинград, 164, Биржевая линия, д. 1
№ 43-0 15 июня 1948 г.*

*Глубокоуважаемый
Василий Михайлович!*

Разрешите поблагодарить Вас за Вашу помощь по доставке пакета из Москвы в Библиотеку Академии Наук СССР и попросить извинения за причинённое Вам беспокойство.

Прошу принять уверения в моем глубоком к Вам уважении.

/Яковкин/

Ситуация вполне понятная: Библиотека в лице ее директора воспользовалась оказией, за что и благодарит самым официальным из возможных способов.

Переписка В.М. Алексеева и И.И. Яковкина не содержит каких-либо удивительных фактов, откровений и разоблачений.

Смысл публикации этих писем — в попытке по возможности воскресить тогдашний академический дух, стиль общения. К сожалению, в бумагах В.М. Алексеева пока не удалось найти материалов, касающихся профессиональных контактов В.М. Алексеева и И.И. Яковкина. Из дневниковых записей В.М. Алексеева, опубликованных М.В. Баньковской, явствует, что ученый неоднократно обращался к директору Библиотеки с просьбой ускорить работу по выписке необходимой литературы: «Зависимость от БАН: приходится о каждой книге писать и говорить десятки раз. Все сроки пропускаются. Есть книги, выписанные 5 лет назад и доселе неполученные... В отделе комплектования сидят неученые, не умеющие вести переписку с иностранными издательствами канцеляристы, не оказывающие нам никакого внимания. Жалобы директору не помогают» [5, с. 228]. Этот текст написан в 1937 г. Другие записи свидетельствуют о том, что И.И. Яковкин каким-то образом пытался облегчить общение В.М. Алексеева с иностранными коллегами, минуя спецхран: «Клийвзу пакеты с оттисками моими. У И.Ив. Як[овкина] есть разумная надежда» [5, с. 229]. Francis Woodman Cleaves (1911–1995) — американский китайист и монголовед, долгие годы преподававший в Гарварде, известен переводом «Секретной истории монголов». Что именно за оттиски хотел ему передать В.М. Алексеев и получилось ли у него это, неизвестно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. СПбФ АРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 105 от 30 августа 1936 г. Рукопись на именном бланке В.М. Алексеева.

2. Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. [В 4 т.]. Т. 1. Аарон — Гоголь. Санкт-Петербург: Тип. Имп. академии наук, 1900. [2], VI, 814 с.; Т. 2. Гогоцкая — Карамзин. Санкт-Петербург: Тип. Имп. академии наук, 1910. [4],

Люди и книги

598 с.; Т. 3. Карамышев — Ломоносов. Петроград: Тип. Имп. акад. наук, 1914. [4], 524 с.; Т. 4. Лоначевский — Некрасов. Петроград: Тип. Имп. акад. наук, 1917. [4], 542 с.

3. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). Т. 1–6 / С.А. Венгеров. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897–1904.

4. СПбФ АРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 925.

5. Баньковская М.В. В.М. Алексеев и Китай. Книга об отце. Москва: Восточная литература, 2010. 458 с.

6. Суворова (Круштейн) Элеонора Карловна // Великая Россия. Российская библиографическая энциклопедия. Т. 7. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук / гл. ред. и сост. В.П. Леонов. Кн. 2. Санкт-Петербург: Науч. изд-во «Гуманистика», 2014.

ДВЕ НАДПИСИ НА ТРАКТАТЕ ПО АРТИЛЛЕРИИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ Я.В. БРЮСА

АННОТАЦИЯ

В статье идет речь о трактате по артиллерии из собрания видного военачальника, соратника Петра I Я.В. Брюса. На титульном листе книги имеются две владельческие надписи. В результате изучения этих автографов удалось выяснить, что книга была подарена Брюсу состоявшим на русской службе генерал-майором Г.Э. Альбедилем во время Прутского похода летом 1711 г.

Ключевые слова: книга из библиотеки Якова Вилимовича Брюса, трактат по артиллерии, генерал-майор Густав Эрнст Альбедиль, Прутский поход, владельческая надпись как исторический источник, книга как подарок.

Книга, о которой пойдет речь, поступила в Библиотеку Академии наук в 30-е гг. XVIII в. в составе собрания Якова Вилимовича Брюса. Она учтена в библиотечном каталоге, изданном под названием «Bibliothecae Imperialis Petropolitanae pars prima [-qvarta]» ([Petropoli], 1742), и значится там в разделе «Architectura militaris, pyrotechnia, ars militaris et exercitia militaria» среди книг в четвертую долю листа под номером 19. На протяжении двухсот пятидесяти лет она хранилась в общем иностранном фонде, а в 1980-е гг. была выявлена там и передана в фонд редкой книги БАН. Вот ее описание:

Grundell Daniel (ум. в 1716 г.). *Nödig underrättelse om artilleriet till lands och siös, så wäl till theoriam, som praxin beskriwfen, och med nödig kopparstycken förklarad af Daniel Grundell Art. Capit. Stockholm, tryckt af Olao Enæo, Kongl. Ant. Archiv. Boktr. Åhr 1705. 4°.*

Книга напечатана на шведском языке в Стокгольме в 1705 г. Ее название переводится на русский язык следующим образом: «Необходимые сведения о наземной и морской артиллерии». В этом трактате рассматриваются проблемы баллистики, вопросы теории и практики стрельбы из различных орудий.

На гравированном фронтисписе изображены сцены сухопутных и морских сражений с применением артиллерии; внизу текст на латинском языке, содержание которого можно изложить следующими словами: «Карл мечет громы и молнии в трепещущих врагов на суше и на море».

Несомненный интерес для нас представляют сведения об авторе книги. Даниель Грундель — шведский артиллерийский офицер. Судя по опубликованным в печати документам, сначала он «служил в бомбардирах Свейскому королю 6 лет, потом служил Аглинскому королю начальным бомбардиром 3 года» [1]. В начале 1698 г. в Лондоне Грундель познакомился с Петром I, поступил на русскую службу [2, 3], но вскоре получил отставку и вернулся в Швецию. Известно, что он преподавал в артиллерийской школе в Карлскруне и умер в 1716 г. [4].

Обратимся собственно к книге и ее бывшим владельцам. На форзаце мы видим экслибрис Якова Брюса, а на ее титульном листе две владельческие надписи. Вот первая из них: «Gustaf Ernst Albedyll».

В «Российской родословной книге» П.В. Долгорукова сообщается, что Альбедили — это старинный дворянский род итальянского происхождения. В XIII или

XIV в. Альбедили переселились из Италии в Ливонию [5]. Впоследствии они жили как в Лифляндии, так и в других странах — в Германии, Швеции, России [6]. Это довольно распространенная фамилия. В наши дни представители этого рода живут и в Петербурге.

Фамилия Альбедиль встречается в родословной А.С. Пушкина. Его прапрабабка была из рода Альбедилей. Прадед Пушкина Абрам Петрович Ганнибал был женат вторым браком на Христине Регине фон Шеберг, дочери шведского офицера Маттиаса Иоганна фон Шеберга и лифляндской дворянки, урожденной фон Альбедиль [7, 8].

Густав Эрнст Альбедиль, чей автограф проставлен на титульном листе книги, по данным «Немецко-балтийского биографического словаря», принадлежал к лифляндским Альбедильям. Он родился в 1655 г., умер в 1721 г. Какое-то время в конце XVII в. Альбедиль занимал должности, одна из которых называлась по-немецки «Ritterschaftshauptmann», а другая — «Landtagsdirektor» [9, 10]. В шведской армии ему был присвоен чин генерал-майора. В конце 1709 г. его назначили вице-комендантом Риги [11]. После взятия этого города русскими войсками в июле 1710 г. Альбедиль оказался среди тех лифляндцев, которые присягнули на верность царю и перешли на русскую службу [12]. От Петра I он получил тот же чин генерал-майора, который он имел у Карла XII. Когда стало известно о предстоящей войне России с Османской империей, Альбедиль, как сказано в одном из писем Петра I, выразил готовность «служить против турок» [13]. Так он попал в русскую действующую армию. Он был зачислен в дивизию генерала А.И. Репнина и в ее составе в 1711 г. принимал участие в Прутском походе [14]. Имеются документальные свидетельства, в соответствии с которыми в 1712 г. Альбедиль по-прежнему состоял на службе в русской армии, уже в чине генерал-лейтенанта, с годовым жалованием в 3000 руб. [15], а в январе

1713 г. имел чин генерал-поручика и командовал четырьмя русскими пехотными полками в ходе военных действий в Гольштинии [16, 17].

Прежде чем рассмотреть другую надпись, нужно отметить, что в источниках, исторической литературе и биографических справочниках встречаются различные варианты написания фамилии Альбедиль: Albedyll, Albedyhll, Albedeel, Albadyll, Alfendyll, Alfendeel и др. [18]. В словаре Брокгауза и Ефрона читаем: «Альбедиль — бароны и дворяне, в старину назывались Альфендиль» [19]. Есть предположение, что первоначальная итальянская форма этой фамилии — Albatelli [20]. Кроме того, надо иметь в виду, что в период Северной войны в боевых действиях принимали участие однофамильцы или родственники Густава Эрнста Альбедилья, и в связи с этим в исторических материалах и исследованиях иногда возникают разнобой и путаница.

Как раз один из вариантов этой фамилии — Альфендейл — использован во второй надписи на книге «Nödigt underrättelse om artilleriet till lands och siös». Надпись выполнена на русском языке. Вот она: «Сия книга подарена мне от господина генерала майора Алфендейла за Днестром против местечка Могилева».

Сразу скажем, что наличие экслибриса в книге позволяет безошибочно установить, что эта владельческая надпись сделана рукой Якова Брюса. Надпись была опубликована в 1989 г. [21]. Тогда же она была воспроизведена в печатном каталоге книг из библиотеки Брюса [22]. Г.А. Некрасов, автор монографии «Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей», вышедшей в свет в 1993 г., обратил внимание на эту надпись, но не стал комментировать ее, а лишь предположил, что данная книга была подарена Брюсу «в годы Северной войны» [23]. Между тем, имеется реальная возможность по этой надписи выяснить, когда именно и при каких обстоятельствах Брюс получил в подарок это издание.

Для того чтобы установить последовательность интересующих нас событий и фактов, обратимся к источникам — «Военно-походному журналу 1711–1712 гг.» фельдмаршала Б.П. Шереметева, «Походному журналу» Петра I за 1711 г., «Письмам и бумагам императора Петра Великого». При изучении этих документальных материалов выясняется, что история книги, принадлежавшей сначала Альбедиллю, а затем Брюсу, связана с одним из самых трагических эпизодов, происшедших в период правления Петра I, — с Прутским походом.

19 июня 1711 г. главные силы нашей действующей армии, при которой находился Петр I, перешли через Днестр в районе города Сорочи и тронулись дальше на юг [24]. 9 июля в излучине реки Прут русский лагерь был окружен превосходящими силами неприятеля — объединенными турецкими и крымскими войсками. После двухдневных ожесточенных боев стороны вступили в переговоры. 12 июля 1711 г. на крайне тяжелых для России условиях был заключен мир, и у русской армии появилась возможность выйти из окружения и двинуться на север. В данном случае нас прежде всего интересует передвижение артиллерии, которой командовал Брюс, и дивизии князя А.И. Репнина, в которой служил Альбедиль. Войска растянулись на марше, но дивизия Репнина и артиллерия Брюса шли рядом. 27 июля во второй половине дня, вероятно, ближе к вечеру, после 4-мильного перехода (это приблизительно 30 верст) дивизия Репнина и артиллерия почти одновременно вышли к Днестру в районе Могилева, лежащего на противоположном, левом, берегу реки [25]. Разумеется, следует отличать Могилев на Днестре (или Могилев-Подольский) от Могилева на Днепре — города, который находится на территории современной Белоруссии. Как раз в интересующее нас время в Могилев на Днестре приехал датский посланник в России Юст Юль, которому это местечко показалось «запустелым» и «необитаемым» [26].

Русские войска стояли на правом берегу Днестра довольно долго — четыре дня, в течение которых возводилась переправа. Временный деревянный мост через Днестр ближе к берегам ставился на козлы, а в центре крепился на понтонах. Строительство моста было завершено 31 июля. 1 августа по нему через Днестр переправилась часть обозов и войск, в том числе дивизия Репнина, а 2 августа — артиллерия. 3 августа, когда вся русская армия была уже на левом берегу Днестра, отслужили обедню. В тот же день некоторые участники этого на редкость неудачного похода получили повышение в чинах. Среди них были Брюс и Альбедиль. Генерал-лейтенант артиллерии Брюс был пожалован в генерал-фельдцейхмейстеры, а генерал-майор Альбедиль — в генерал-лейтенанты. Как мы увидим, эта деталь окажется важной для нас. Вечером 3 августа Петр оставил армию и отправился на лечение в Карлсбад. Главные силы русских войск покинули берега Днестра 4 и 5 августа [27, 28, 29].

Вернемся к надписи, сделанной рукой Якова Брюса. В ней сообщается, что книга была подарена ему «за Днестром», то есть на правом берегу Днестра, «против местечка Могилева», городка, расположенного на левом берегу реки. Еще один примечательный факт: Альбедиль назван в надписи генерал-майором. Между тем, мы только что выяснили, что 3 августа он был произведен в генерал-лейтенанты. Учитывая эти обстоятельства, мы можем заключить, что Брюс получил книгу в подарок от Альбедилля тогда, когда оба они находились на правом берегу Днестра, то есть в промежуток времени с 27 июля до 1 августа, а надписал ее Брюс до того как Альбедиль был произведен в генерал-лейтенанты, то есть не позднее 3 августа 1711 г. Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют нам датировать надпись, сделанную Брюсом, с точностью до семи — восьми дней.

Итак, книга «Nödig underrättelse om artilleriet till lands och siös» была

подарена Брюсу 308 лет тому назад, летом 1711 г. Вместе с русской армией она побывала в Прутском походе и на берегах Днестра поменяла своего владельца.

Надо полагать, это была не единственная книга, которую Альбедиль взял с собой в Прутский поход. Каждому генералу и офицеру на марше полагалось определенное количество телег или подвод. Вероятно, Альбедиль имел возможность возить с собой небольшую походную библиотеку. Судя по всему, в ней преобладали пособия по военному делу, и Альбедиль выбрал из них в качестве подарка для начальника русской артиллерии Брюса книгу, которая в полной мере соответствовала его интересам и могла оказаться весьма полезной для него в условиях войны с Карлом XII, — шведское руководство по стрельбе из артиллерийских орудий.

Здесь, по-видимому, уместно вспомнить еще об одной походной библиотеке того времени. Весной 1710 г. поступивший на царскую службу прусский артиллерийский офицер Иоганн Сигизмунд Шлунд ехал в Петербург, также имея при себе книжное собрание, которым, кстати сказать, после его неожиданной смерти заинтересовался Петр I [30].

Что касается рассмотренных выше автографов, то перед нами как раз тот случай, когда владельческие надписи по своему значению не уступают другим документальным источникам, например, материалам переписки, дневникам или воспоминаниям. Именно такого рода надписи придают частным книжным собраниям свойства архива.

Конечно, краткая, но содержательная надпись на книге, выведенная бисерным почерком начальника русской артиллерии, имеет значительный исторический интерес, поскольку, вероятно всего, она является пока что вообще единственным свидетельством о личных взаимоотношениях этих двух людей Петровской эпохи — Густава Эрнста Альбедилья и Якова Вилимовича Брюса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Санкт-Петербург, 1872. Т. 12. С. 59.

2. *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. [Москва], 1941. Т. 2. С. 319, 399.

3. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Санкт-Петербург, 1868. Т. 9. Стб. 930, 961.

4. *Fredholm M.* Early eighteenth century naval chemical warfare in Scandinavia: a study in the introduction of new weapon technologies in early modern navies // *Baltic security and defence review*. 2011. Vol. 13, issue 1. P. 130, 137, 142, 150.

5. *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Санкт-Петербург, 1856. Ч. 3. С. 302.

6. Немцы в России: энциклопедия. Москва, 1999. Т. 1. С. 38, 39.

7. *Модзалевский Б.Л.* Род Пушкина // *Модзалевский Б.Л.* Пушкин. [Ленинград], 1929. С. 52.

8. *Телетова Н.К.* Прибалтийские дворяне в генеалогии А.С. Пушкина // *Известия русского генеалогического общества*. Санкт-Петербург, 1995. Вып. 3. С. 57, 58.

9. *Deutsch-baltisches biographisches Lexikon: 1710–1960*. Köln; Wien, 1970. S. 9.

10. *Rautenfeld C. von.* Die livländischen Landmarschälle von 1643 an bis auf die Gegenwart // *Baltische Monatsschrift*. Riga, 1899. Bd. 47. S. 182, 183.

11. Письма и бумаги императора Петра Великого. Москва, 1962. Т. 11, вып. 1. С. 354, 355.

12. *Юль Ю.* Из записок датского посланника Юста Юля: С датского неизданного подлинника / [пер. с датского Ю.Н. Щербачева] // *Русский архив*. 1892. Кн. 3, [вып.] 9. С. 13.

13. Петр I — Б.П. Шереметеву. 10 янв. 1711 г. // Письма и бумаги императора

- Петра Великого. Москва, 1962. Т. 11, вып. 1. С. 31.
14. [Моро де Бразе Ж.Н.] Записки бригадира Моро де Бразе, касающиеся до Турецкого похода 1711 года / [пер. с фр. А.С. Пушкина] // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Ленинград, 1978. Т. 8. С. 300.
15. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. [Санкт-Петербург], 1830. Т. 4. С. 849, № 2557.
16. Письма и бумаги императора Петра Великого. Москва, 1992. Т. 13, вып. 1. С. 43, 45.
17. *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Санкт-Петербург, 1856. Ч. 3. С. 302.
18. Neues Preussisches Adels-Lexicon oder genealogische und diplomatische Nachrichten von den in der preussischen Monarchie ansässigen oder zu derselben in Beziehungen stehenden fürstlichen, gräflichen, freiherrlichen und adeligen Häusern. Leipzig, 1836. Bd. 1. S. 92.
19. Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского; изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Санкт-Петербург, 1890. Т. 1А. С. 495.
20. Немцы в России: энциклопедия. Москва, 1999. Т. 1. С. 38.
21. *Хотеев П.И.* Как дарили книги в XVIII веке // Книга в России XVII — начала XIX в. Проблемы создания и распространения: сб. науч. тр. Ленинград: БАН, 1989. С. 47.
22. Библиотека Я.В. Брюса: каталог / сост. Е.А. Савельева. Ленинград, 1989. С. 119, № 314.
23. *Некрасов Г.А.* Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей: IX—XVIII вв. Москва, 1993. С. 240.
24. Походный журнал 1711 года. Санкт-Петербург, 1854. С. 15.
25. Фельдмаршал граф Б.П. Шереметев: Военно-походный журнал 1711—1712 гг. / изд. Военно-ученого комитета Главного штаба; под ред. А.З. Мышлаевского. Санкт-Петербург, 1898. С. 51—61.
26. *Юль Ю.* Из записок датского посланника Юста Юля / [пер. с датского Ю.Н. Щербачева] // Русский архив. 1892. Кн. 3, [вып.] 11. С. 249.
27. Фельдмаршал граф Б.П. Шереметев: Военно-походный журнал 1711—1712 гг. / изд. Военно-ученого комитета Главного штаба; под ред. А.З. Мышлаевского. Санкт-Петербург, 1898. С. 61—64.
28. Походный журнал 1711 года. Санкт-Петербург, 1854. С. 22, 83, 84.
29. *Юль Ю.* Из записок датского посланника Юста Юля / [пер. с датского Ю.Н. Щербачева] // Русский архив. 1892. Кн. 3, [вып.] 11. С. 254, 255.
30. *Хотеев П.И.* Три эпизода из истории библиотеки Петра I // Петерб. библиотеч. сб. 2018. № 3 (63). С. 107—110.

О РОЛИ МЕМОРИАЛЬНЫХ КНИЖНЫХ СОБРАНИЙ В ИСТОРИИ ФОНДА СЕКТОРА БАН ПРИ СПБФ ИИЕТ РАН

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены причины и обстоятельства включения в фонд историко-научной библиотеки академической сети двух личных книжных собраний, принадлежавших историку техники В.В. Данилевскому и историку математики А.А. Киселеву. Первое (1962) оказалось для молодого сектора БАН во многом фондообразующим. Второе, включенное в уже известную сформировавшуюся библиотеку еще при жизни владельца (1995), отражает важную историко-научную дисциплину.

Ключевые слова: мемориальное книжное собрание, фонд, сектор БАН при Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, Виктор Васильевич Данилевский, Андрей Алексеевич Киселев, история науки и техники, ретроспективное комплектование.

Существенную часть книжного фонда сектора БАН при Санкт-Петербургском филиале (до 1991 г. Ленинградском отделении) Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (СПбФ ИИЕТ РАН) — специализированной библиотеки историко-научного профиля, входящей в академическую библиотечную сеть, — составляют мемориальные книжные собрания. Несколько личных коллекций, принадлежавших разным по сфере научных интересов, статусу и даже материальному достатку владельцам, неравнозначных по составу, по времени и обстоятельствам включения в фонд сектора, представляют большую научную и историческую ценность, что мы и попытаемся показать. Предмет статьи — два таких мемориальных «включения», а именно личные библиотеки В.В. Данилевского и А.А. Киселева. Основными источниками послужили отчеты за 1950-е гг. библиотек Ленинградской библиотечной сети, хранящиеся в Архиве БАН (автор пользуется возможностью выразить признательность за помощь заведующей Архивом БАН А.А. Балакиной), а также инвентарные книги и каталоги сектора.

Богатая книжная коллекция известного советского историка техники, академика АН УССР, дважды героя Сталинской премии профессора Виктора Васильевича Данилевского (1898–1960) появилась в фонде вскоре после возникновения самого Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники (ЛО ИИЕТ) — в 1962 г. [1, л. 20]. В конце 1963 г. осуществлена запись всех библиотечных единиц в инвентарную книгу сектора (было получено 3 тыс., а затем списано 500 непрофильных или дублетных экземпляров). Это весомое включение нашло отражение в академической «Истории Библиотеки Академии наук СССР» [2, с. 496].

Чтобы понять смысл и обстоятельства обретения коллекции В.В. Данилевского, нужно обратиться к судьбе самого института и книжного собрания этой сетевой библиотеки.

ЛО ИИЕТ было учреждено постановлением АН СССР от 5 сентября 1953 г. за № 543 [3, с. 22]. В его состав вошло несколько уже существовавших на тот момент научных учреждений, в том числе Музей М.В. Ломоносова. Идея этого музея возникла еще в 1947 г., официально же

он был открыт в здании Кунсткамеры 5 января 1949 г. [4, с. 112–114].

Библиотека Музея М.В. Ломоносова, сложившаяся в конце 1940-х гг., и стала закладным камнем в основании нынешнего сектора БАН при СПбФ ИИЕТ РАН. Сначала она, как и многие специализированные библиотеки, вновь возникшие при академических научных учреждениях, формировалась самостоятельно. Вскоре же новая библиотека оказалась в сфере компетенции БАН, то есть была включена в централизованные процессы комплектования, каталогизации (с единой системой каталогов) и планирования, а также обслуживания читателей [5, с. 4]. Впервые эта библиотека упомянута в отчете Ленинградской библиотечной сети за 1952 г. [6]. В соответствующих отчетах за 1950 и 1951 гг. [7, 8] речь о ней еще не идет.

Статус библиотеки Музея М.В. Ломоносова, руководство ею, состав читателей, сложности в работе, а самое сейчас для нас главное — характер и источники комплектования проясняет экспликация, приложенная к отчету за 1953 г., датированному 5 января 1954 г. Приводим эту объяснительную записку с небольшими сокращениями:

«Библиотека Музея М.В. Ломоносова при Институте истории естествознания и техники АН СССР не имеет штатных сотрудников. Обязанности заведующего библиотекой исполняет сотрудник Музея М.Е. Глинка.

Библиотека пополняется через отдел комплектования БАН, путем покупок в книжных магазинах и получения книг в дар.

Тематика: узкоспециальная (сочинения М.В. Ломоносова, его современников, книги, посвященные их научной деятельности, современных авторов, книги по истории, философии, естествознанию, архитектуре, искусству и т.п. XVIII–XX вв.).

Основной состав читателей: сотрудники Музея, экскурсоводы, научные сотрудники институтов АН СССР. Книги

выдаются также лицам, получающим консультации в Музее (музейным работникам, художникам, актерам).

Желательно было бы: ускорить сроки получения книг по комплектованию и пополнить комплекты некоторых сочинений в Библиотеке Музея недостающими томами. <...>

Зав. Б-кой М.Е. Глинка» [9, л. 201].

Как видим, в 1953 г., когда уже учреждено ЛО ИИЕТ, включившее в себя Музей, БАН осуществляет централизованное комплектование этой библиотеки. Однако библиотека комплектуется литературой, напрямую с историей науки и техники не связанной. В итоге задачи, вставшие перед библиотекой после слияния организаций, явно превышают ее возможности и состав фонда. Заведующая понимает и с осторожностью формулирует необходимость докомплектования, однако вряд ли может прицельно этим заниматься, ведь библиотечная работа ведется на общественных началах человеком, не являющимся сотрудником БАН. В Музее же в это время кипит работа по созданию полной экспозиции [4, с. 114]. Можно предположить, что дополнительное заведение библиотекой дается сотруднице нелегко. (Вместе с тем такое совмещение обязанностей еще в 1920-е гг. являлось достаточно типичным для целого ряда специализированных библиотек при научных организациях [10].)

Ограниченные возможности библиотеки ЛО ИИЕТ (уже с таким названием!) вырисовываются и в отчете библиотек Ленинградской сети БАН СССР за 1956 г., интересующая нас часть которого составлена Л.В. Жигаловой — также сотрудницей института [11]. Основные цифровые показатели работы таковы: 367 книг выдано на абонемент (читального зала при этом нет) и 318 получено по МБА (307 — по городу и 11 иногородних заказов). По приведенным данным фонд библиотеки за отчетный год только чуть больше чем в половине случаев оправдал ожидания читателей. В условиях

сильно изменившейся за несколько лет специализации самого научного учреждения и значительного расширения репертуара читательских обращений библиотеке требовалась радикальная помощь. Также необходимо было передать книжный фонд в руки библиотечного работника, а не заниматься им по совместительству.

После передачи библиотеку возглавил Д.В. Тюличев (1924–1987) — сотрудник БАН с 1953 г., видный библиограф, историк книги, ломоносовед [12, с. 755]. Новый заведующий сразу поставил своей целью коррекцию профиля комплектования сектора. Осознавая необходимость ретроспективного комплектования, он активным образом занялся этим, а точнее, продолжил работу, которую, судя по всему, начал еще в 1956 г. Книжное собрание, оставшееся при Музее М.В. Ломоносова, Д.В. Тюличев в 1960 г. охарактеризовал как «отделение библиотеки» [13, с. 190].

Первая запись в «Инвентарной книге № 1» отечественных и иностранных монографий сектора датируется 1-м ноября 1956 г. 60 записей, сделанных в инвентарной книге в 1956 г., — это монографии текущего года. 27 других записей касаются ретроспективного комплектования.

К отчету о деятельности библиотеки ЛО ИИЕТ за 11 месяцев 1957 г., составленному Д.В. Тюличевым, также приложена экспликация. Согласно приведенным данным, читателями библиотеки — в составе 38 человек — являются только сотрудники ЛО ИИЕТ. По причине отсутствия читального зала, удобных шкафов и каталога посещение библиотеки низкое: книги размещены на антресолях или в штабелях, читатели предпочитают работать в БАН или в других библиотеках. Тем не менее за год выполнено 618 требований, из них 550 — из фондов библиотеки, а 68 заказано по МБА (то есть отметим: это соотношение за год кардинальным образом изменилось, и это связано, с одной стороны, с докомплектованием, а с другой — с уточнением состава читателей). Через Отдел комплектования БАН поступило 339 единиц, через

Обменно-резервный фонд БАН — 1102 единицы [14].

О проведенном в 1956–1957 гг. сотрудниками ЛО ИИЕТ тщательном обследовании Обменно-резервного фонда БАН Д.В. Тюличев впоследствии говорил в своем отчете на расширенном заседании дирекции БАН 9 июня 1964 г. [1, л. 19]. В частности, как удалось выяснить, из этого источника в фонд сектора поступили некоторые важные труды сотрудников предшественника ЛО ИИЕТ — Института истории науки и техники (ИИИТ). Этот институт — преемник Комиссии по истории знаний, созданной в 1921 г. академиком В.И. Вернадским, — работал в Ленинграде под руководством Н.И. Бухарина всего четыре года (1932–1936). Затем, когда первый директор попал в опалу, институт был фактически расформирован, переведен в Москву, а в феврале 1938 г., незадолго до расстрела Н.И. Бухарина, прекратил существование. Однако ленинградский период «репрессированного института» оказался очень продуктивным благодаря высокому профессионализму сотрудников [см. об этом: 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21]. Отдельный сюжет представляет собой судьба библиотеки этого института, для Ленинграда утраченная. Многие ценные издания, среди которых, например, девять томов «Архива истории науки и техники», подготовленных сотрудниками ИИИТ и изданных с 1933 по 1936 г., сектор БАН при ЛО ИИЕТ получил не по праву преемственности из ИИИТ, а только через Обменно-резервный фонд БАН. В свою очередь туда «Архив...» попал из библиотеки Ленинградского отделения ликвидированной в 1936 г. Коммунистической академии [документы о ликвидации Комакадемии см. в кн.: 22, с. 219–220]. Книги этой библиотеки были переведены в БАН летом 1938 г., став дублетными по отношению к основному фонду [2, с. 395–396].

Обменно-резервный фонд послужил, так сказать, внутренним источником ретроспективного комплектования

сектора. Задействован был, однако, также и внешний источник. Им-то и стала личная библиотека скончавшегося в 1960 г. В.В. Данилевского, которая, как пояснил в уже упомянутом отчете 1964 г. Д.В. Тюличев, в 1962 г. была куплена [1, л. 20]. В ЛО ИИЕТ попала большая часть этой книжной коллекции. Другая часть поступила в Фундаментальную библиотеку Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина (ныне Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого) — основного места работы коллекционера [23].

В.В. Данилевский совмещал в своем лице признанного историка техники, библиофила и библиографа. Он выступил редактором двух выпусков библиографических указателей из серии «История техники» за 1950 (М.; Л., 1955) и 1951–1955 гг. (М., 1962) Как библиограф В.В. Данилевский профессионально следил за интересующей его литературой. Как маститый ученый он имел возможность (в том числе финансовую) приобретать нужные книги. Кроме того, он был уважаемой фигурой в сфере истории отечественной техники, и многие исследователи почитали за честь дарить ему свои книги (об удельном весе этого пласта говорит, в том числе, большое количество книг с дарственными надписями). Немаловажно также и то, что он был связан с многими сотрудниками ЛО ИИЕТ по работе, т.е. фигура ученого коллекционера не была для института посторонней.

Появление в фонде фундаментальных исследований по истории техники в разных ее сферах, а также большого количества ценных изданий, касающихся широкого спектра научных дисциплин, явилось принципиальным сдвигом в работе сектора, получившего в итоге не только практическую возможность более адекватного обслуживания читателей, но и профессионально составленную богатую тематическую подборку литературы. Обширное мемориальное книжное собрание В.В. Данилевского, включенное в фонд

сектора БАН при ЛО ИИЕТ в первые годы его работы, позволило радикальным образом решить проблему докомплектования фонда и придало сектору выраженный историко-научный и историко-технический профиль. Как и на заре существования самой Библиотеки — еще до учреждения Академии наук вобравшей в себя несколько личных книжных собраний [24, с. 162–163], значение обретения частной коллекции первоначальным книжным фондом сетевой библиотеки переоценить невозможно.

Включение в фонд личной библиотеки историка математики, к. ф.-м. н. Андрея Алексеевича Киселева (1916–1996) — в десять раз меньшей, чем библиотека В.В. Данилевского, и менее известной — имеет другие очертания.

Прежде всего — это собрание было обретоено еще при жизни ученого и, как можно предположить, с его прямой подачи. Книги коллекции помечены экслибрисом-штампом: «Из книг Киселева А.А. С-Пб. 1994». Возможно, ученый предвидел возможность передачи своих книг в библиотеку. В «Инвентарной книге № 10» сектора первая запись о новом поступлении сделана 8 августа 1995 г.

Фиксация книг А.А. Киселева, в отличие от библиотеки В.В. Данилевского и от полученного в 1994 г. другого личного собрания — библиотеки К.М. Завадского, которая внесена в ту же десятую инвентарную книгу единым массивом, — велась отрывочно, с перерывами между записями. Этот факт может свидетельствовать о том, что библиотеку А.А. Киселева передавали по частям (а может, перед нами просто особенности документальной работы сектора, ведь принять и описать личное собрание — достаточно трудоемкая задача, особенно с учетом ограниченного штата сетевой библиотеки).

Как и В.В. Данилевский, А.А. Киселев, не являясь сотрудником ЛО ИИЕТ, был достаточно тесно связан с институтом по работе. Под руководством ученого еще в 1952 г. защитила кандидатскую диссертацию Е.П. Ожигова (1923–1994),

в будущем — с 1964 г. — сотрудница ЛО ИИЕТ, известный историк математики [25, с. 3, 5]. Отметим печальное совпадение: Е.П. Ожигова умерла в том же году, что и проставлен экслибрис-штамп на книгах из библиотеки А.А. Киселева. Возможно, между этими событиями есть связь, которую еще предстоит прояснить.

С 1966 г. А.А. Киселев участвовал в заседаниях секции физико-математических наук ЛО СНОИЕТ (Ленинградское отделение Советского национального объединения историков естествознания и техники) и секции истории математики, механики и астрономии ЛО СНОИФЕТ (Ленинградское отделение Советского национального объединения по истории и философии естествознания и техники). Этот факт — свидетельство научных контактов ученого с ЛО ИИЕТ.

Основные тематические разделы мемориального собрания А.А. Киселева таковы: математика; история математики (источники и исследования); методика преподавания математики (учебники, задачки); точные науки, философия, логика. В отличие от библиотеки В.В. Данилевского книги, собранные А.А. Киселевым, были переданы в то время, когда сектор уже являлся одной из крупнейших в стране специализированных историко-научных библиотек. Это собрание не стало определяющим в фонде сектора, но тем не менее рельефно отразило историю точных наук.

Тематически в настоящее время это собрание менее востребовано, чем библиотека В.В. Данилевского, так как история математики сейчас находится в основном на периферии исследовательских интересов сотрудников Филиала. Вместе с тем наличие этого собрания — своеобразная дань исследованиям в области истории точных наук, проводившимся сотрудниками предшественника ЛО ИИЕТ — уже не раз упоминавшегося Института истории науки и техники — в рамках секции истории физики и математики.

Два мемориальных книжных собрания, вошедших в фонд сектора БАН

при СПбФ ИИЕТ, представляют собой ценность для научной работы и вместе с тем тесно связаны с судьбой БАН и ее сектора, с историей науки и техники и историко-научными институтами в Ленинграде — Санкт-Петербурге.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Протокол расширенного заседания дирекции Библиотеки Академии наук СССР от 9 июня 1964 г. // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 792. Л. 19–21.

2. История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964 / отв. ред. М.С. Филиппов; кол. авт.: С.П. Луппов, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, П.В. Соколов, В.Н. Воронов, В.Я. Хватов. Москва: Наука, 1964. 600 с.

3. *Колчинский Э.И.* Историко-научное сообщество в Ленинграде — Санкт-Петербурге в 1950–2010 годы: люди, традиции, свершения. (К 60-летию Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН) / ред.: С.И. Зенкевич, В.Г. Смирнов. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. 448 с.

4. Ломоносов: краткий энциклопедический словарь / ред.-сост. Э.П. Карпеев. Санкт-Петербург: Наука, 1999. 259 с.

5. *Данченко Т.Н., Карамышева Л.М., Позднякова Г.И., Соколов А.В.* Специфика академических библиотек // Научные и технические библиотеки. 1996. № 4. С. 4–13.

6. Отчет о работе библиотеки Музея М.В. Ломоносова за 1952 г. // Архив БАН. Ф. 1 (158). Оп. 3. Д. 369: Отчет о работе библиотек Ленсети БАН за 1952 г. Л. 135–137.

7. Отчет о работе библиотек Ленсети БАН за 1950 г. // Архив БАН. Ф. 1 (158). Оп. 3. Д. 326.

8. Отчет о работе библиотек Ленсети БАН за 1951 г. // Архив БАН. Ф. 1 (158). Оп. 3. Д. 349.

9. Отчет о работе библиотеки Музея М.В. Ломоносова за 1953 г. // Архив БАН. Ф. 1 (158). Оп. 3. Д. 394: Отчет

о работе библиотек Ленсети БАН за 1953 г. Л. 201–204.

10. *Платонов С.Ф.* Библиотечное дело // Академия наук Союза Советских Социалистических республик за десять лет. 1917–1927 / ред. А.Е. Ферсман. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1927. С. 198–199; То же: [Авт. не указан]. Библиотека Академии наук СССР. 1728–1929. Краткий исторический очерк и путеводитель. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1929. С. 31–32.

11. Отчет о работе библиотеки ЛО Института истории естествознания и техники АН СССР за 1956 г. // Архив БАН. Ф. 1 (158). Оп. 3. Д. 509: Отчет библиотек Ленсети БАН СССР за 1956 г. Л. 53–56.

12. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук: в 2 кн. / ред. А.И. Мелуа; гл. ред. и сост. В.П. Леонов. Санкт-Петербург: Науч. изд-во «Гуманистика», 2014. 1142 с. (Великая Россия: Российская биографическая энциклопедия. Т. 13, 14).

13. *Тюлицев Д.В.* Библиотека по истории науки // Вопросы истории естествознания и техники. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960. Вып. 10. С. 189–190.

14. Отчет о деятельности Библиотеки ЛО ИИЕТ за 11 месяцев 1957 г. // Архив БАН. Ф. 1 (158). Оп. 3. Д. 541. Л. 116–116 об.

15. 80 лет Институту истории науки и техники. 1932–2012. История института в публикациях журнала «Вопросы истории естествознания и техники» / общ. ред. В.М. Орла. Москва: Изд-во «ГРСофит», 2012. 288 с.

16. *Дмитриев А.Н.* Институт истории науки и техники в 1932–1936 гг. (ленинградский период) // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 1. С. 3–41.

17. *Жмудь Л.Я.* Изучение античной науки в ИИНиТе на фоне 1930-х гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 3. С. 3–26.

18. *Илизаров С.С.* Отечественная историография истории науки и техники: Хроника. 1901–2011. Москва: Наука, 2012. С. 64–79.

19. *Кирсанов В.С.* Возвратиться к истокам? (Заметки об Институте истории науки и техники АН СССР, 1932–1938 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 1. С. 3–19.

20. *Колчинский Э.И.* «Принцип основателя» и история Ленинградского отделения – Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН (1953–2013): традиции и поиски, люди и свершения // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 3. С. 6–9.

21. *Кривоносов Ю.И.* Институт истории науки и техники: тридцатые – громовые, роковые... // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 1. С. 42–75.

22. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1952 / сост. В.Д. Есаков; отв. ред. Ю.С. Осипов. Москва: РОССПЭН, 2000. 592 с.

23. См. об этом: *Чепарухин В.В.* Две библиотеки В.В. Данилевского // История библиотечного, книжного и архивного дела Санкт-Петербурга. По материалам «Петербургских чтений» 1997–2002 гг. Санкт-Петербург, 2003. С. 139–142.

24. *Шафрановский К.И.* Частные книжные собрания в Библиотеке Академии наук СССР (поступления до 1917 года) // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. 1964. № 53. С. 162–175.

25. Елена Петровна Ожигова / сост.: Л.И. Брылевская, И.К. Зубова, И.В. Игнатушкина; авт. вступ. ст.: Г.М. Матвиевская, Л.И. Брылевская. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. 40 с. (Материалы к биобиблиографии историков науки и техники; вып. 5).

ПОДСОБНАЯ ЧАСТЬ СЛАВЯНСКОГО ФОНДА БАН: собрание Ю.Д. Марголиса

АННОТАЦИЯ

В основу формирования подсобной части Славянского фонда БАН лег фрагмент личной библиотеки Ю.Д. Марголиса. В статье рассмотрены основные провененции, создающие уникальный облик отдельных экземпляров и единый ансамбль книжного собрания.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, Славянский фонд, Марголис Юрий Давидович (1930–1996), книжное собрание.

Славянский фонд Библиотеки Российской академии наук (БАН) имеет сложную и длинную историю формирования. Начало ее было положено в конце XIX в., когда Славянское отделение становится самостоятельным структурным подразделением, которое аккумулировало в себе книги на славянских языках (за исключением русского). В это время начали складываться специальная система шифров, учитывающая языковой принцип формирования фонда, создаваться алфавитный каталог и многое другое. Все это легло в основу стройной системы, которой мы можем пользоваться и сегодня. Ни для кого не является секретом, что фонд Славянского отделения помимо обязательного экземпляра комплектовался путем покупки и получения в дар отдельных изданий, собраний, коллекций, а также фрагментов и целых корпусов библиотек ученых и организаций [1–3].

После того как в 30-е гг. XX в. в БАН была проведена реформа, которая коснулась основных принципов ее работы, Славянское отделение, наряду с другими, было закрыто, книги переданы в ведение «Основного фонда». Им посчастливилось сохранить свои места и шифры, но выдача изданий на славянских языках была ограничена в связи с определенной политической и исторической обстановкой.

Так или иначе, но в конце XX в. фонд бывшего Славянского отделения вновь был выделен в обособленную часть (надо сказать, что физически книги перемещались не часто, в сравнении с различными отделами/магазинами «Основного фонда»), которая легла в основу сектора Славянского фонда (далее в тексте: Славянский фонд) Отдела фондов и обслуживания (ОФО) БАН. В таком статусе он существует и в настоящее время.

Получив «второе рождение», Славянский фонд нуждался в пристальном внимании, проверке и изучении, впрочем, как показала практика, эти процессы являются длительными в силу невероятного многообразия материалов, которые помогают ставить и решать задачи широкого исследовательского спектра.

Сотрудниками сектора стали проводиться различные тематические и персональные выставки, семинары, которые позволяли в структурированной форме знакомить читателей и профильных специалистов с богатствами Славянского фонда. Стали издаваться каталоги и библиографические указатели, преследовавшие эту же цель. К слову, эта деятельность продолжается и в наши дни. Возрастает интерес к фонду и тем исследованиям, которые проводятся на его основе. Установились дружественные связи

с учеными и коллегами из библиотек разных стран, которые неизбежно привели к возвращению практики книгообмена и дарений. В период с 1994 по 2014 г. было получено в дар более пяти сотен изданий, значительная часть которых направлена в различные подразделения БАН в соответствии с принятым профилем комплектования фондов. К сожалению, Славянский фонд не имел возможности получить эти книги, так как пополнение фонда было завершено в 30-е гг. XX в., и вся литература на славянских языках длительное время вливалась в фонды отечественных и иностранных изданий, исходя из соответствующих правил, регламентирующих работу Отдела комплектования библиотечных фондов БАН.

В скором времени после того, как Славянский фонд стал вновь доступен читателям, обрел свой читальный зал, появилась необходимость в дополнительной литературе, которая, с одной стороны, не являлась бы частью мемориального фонда, с другой — была бы, что называется, «под рукой», выполняла вспомогательную и справочную функцию, а также имела бы полное отражение в каталогах БАН. Этими книгами стали профильные словари и энциклопедии, которые были взяты во временное пользование из разных фондов ОФО БАН и в настоящее время также доступны в читальном зале Славянского фонда в формате «свободного доступа».

Возрастала важность решения вопроса о возможности формирования подсобной части Славянского фонда, в которой были бы отражены современные издания широкого спектра научных тем. Вполне понятно, что длительное время фонд не имел систематического пополнения актуальной литературой, но в настоящее время читатели и сотрудники фонда ведут исследовательскую работу, и им необходим оперативный доступ к профильной современной и ретроспективной литературе. Организация подсобного фонда позволила бы сосредоточить в удобной форме необходимые издания.

В начале 2000-х гг. БАН были подарены книги, составлявшие библиотеку известного исследователя Юрия Давидовича Марголиса (1930–1996) (о невероятно сложном жизненном пути ученого см. [4–6]). Юрий Давидович Марголис — советский и российский историк, профессор исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Он занимался изучением истории студенческого движения XIX — начала XX в. и истории Ленинградского университета. Долгие годы его научный интерес составляло изучение творчества Тараса Григорьевича Шевченко (1814–1861). В 1960 г. он защитил диссертацию на соискание степени кандидата наук на тему «Эволюция исторических взглядов Т.Г. Шевченко», а в 1985 г. — доктора наук на тему «Т.Г. Шевченко и русская демократическая историография второй половины XIX века». В ходе подготовки исследований ученым было сформировано специальное книжное собрание, посвященное различным аспектам деятельности Т.Г. Шевченко.

Это собрание, условно именуемое «Шевченкиана», стараниями директора БАН доктора педагогических наук, профессора Валерия Павловича Леонова, было передано для хранения в БАН. Это был очень важный и ценный подарок, который лег в основу формирования подсобной части Славянского фонда.

Понадобилось несколько лет, чтобы решение о целесообразности формирования подсобной части Славянского фонда было принято (Протокол Методического Совета Отдела Фондов и Обслуживания от 19 января 2015 г.) и поддержано дирекцией БАН. Этому событию предшествовала длительная работа с книгами, которые предполагалось определить на хранение, составлялись списки «ожидания».

Стоит сказать, что благодаря усилиям заведующей сектором иностранной литературы Генеральной алфавитного каталога БАН Надежды Васильевны Животовской и ее коллегам, была организована

проверка книг из списка «Шевченкианы» с библиографическими описаниями, которые содержатся на карточках Генерального алфавитного каталога. Целью этой работы являлось определение наличия изданий из списка в фондах БАН. Результаты этой проверки оказались весьма интересными, так как выяснилось, что многие из книг, которые были подарены в составе собрания Ю.Д. Марголиса, недоступны читателям в БАН в силу различных причин.

В 2014 г. мы впервые представили книги Ю.Д. Марголиса на выставке «Тарас Григорьевич Шевченко (1814–1861): к 200-летию со дня рождения», что позволило существенно дополнить имеющиеся в БАН материалы, посвященные известному поэту, писателю и художнику. Впоследствии библиографические описания этих изданий как целого корпуса были представлены в одноименном с выставкой библиографическом указателе, а также на страницах обзора экспозиции, опубликованного в журнале «Петербургская библиотечная школа» № 4 (2014).

Так, книги из «Шевченкианы» стали одними из первых (наряду с двумя десятками даров коллег — в основном современной профильной литературы) прошедших весь долгий путь, который является обязательным для всех изданий, поступающих в БАН и занявших свои места на полках подсобной части Славянского фонда. Была составлена «Книга учета новых поступлений», а экземплярам, включенным в документ учета, присвоены первичные регистрационные номера (все книги маркированы этими номерами на нахзаце издания).

В тексте настоящей статьи мы не станем дублировать перечень библиографических описаний, представляющий репертуар «Шевченкианы» в подсобной части Славянского фонда. Все желающие могут ознакомиться с этими списками на страницах изданий, в которых они ранее были опубликованы. Все экземпляры собрания в настоящее время прошли

полную процедуру обработки и отражены в каталогах, как карточном, так и электронном.

Книги «Шевченкианы» имеют специфическую формулу шифра (проставлен на титульном листе, верхнем правом углу нижней крышки переплета/обложки), в соответствии с которой в числителе указывается направление: «Сл.ф.Мар.», которое содержит информацию о том, что издание находится в подсобной части Славянского фонда в собрании Ю.Д. Марголиса. В знаменателе отражены сведения о формате и порядковом номере места книги в фонде. В электронном каталоге БАН доступны все библиографические описания и шифры (за исключением периодических), что позволяет читателю получить информацию о наличии изданий в библиотеке.

Думается, что от организационных и общих вопросов формирования подсобной части Славянского фонда, стоит перейти к повествованию об индивидуальных особенностях тех экземпляров, которые заложили основу новому направлению его деятельности.

Собрание Ю.Д. Марголиса имеет строгое тематическое определение, которое вполне емко представлено в наименовании «Шевченкиана» (пришедшее в наше распоряжение вместе с книгами), указывающее на богатый и разносторонний репертуар, отражающий различные стороны жизни и работы Т.Г. Шевченко. Издания возможно разделить в соответствии с языковым принципом текста публикации, так мы получим три ряда — книги на русском, украинском и белорусском языках. Общее количество — 106 наименований или 142 типографских единицы (из них 67 ед. — на русском языке, 74 ед. — на украинском языке и 1 ед. — на белорусском языке).

Остановимся на отдельных экземплярах, которые наиболее ярко представляют собрание.

Одним из них является четырехтомное издание «Кобзаря», опубликованное в середине XX в. в Канаде:

Кобзар = Kobzar / Тарас Шевченко = Taras Shevchenko; ред., статті й пояснення Л. Білецького. Канада, 1952–1954. Т. 1. 2-е вид., поправ. и допов. 1952. 375 с. + 7 л. ил.; Т. 2. 1952. 468 с.; портр.; Т. 3. 1953. 576 с. + 12 л. ил.; портр.; Т. 4. 1954. 556 с.; портр. (Українська Вільна Академія наук в Канаді. Інститут шевченкознавства. Ч. 1. = Ukrainian Free Academy of Sciences in Canada. Institute of Shevchenko-logy. № 1).

Это единственный экземпляр канадского издания «Кобзаря», который в настоящее время хранится в БАН.

Все четыре тома выглядят превосходно, выполнены на бумаге хорошего качества, снабжены суперобложкой и твердым добротным переплетом.

Многие владельцы библиотек, заботясь о сохранности своих книг, оформляли их в переплеты. Известны случаи, когда под одним переплетом скрывались несколько изданий и/или отдельных отисков и различных извлечений. В составе «Шевченкианы» также имеются такие конволюты, которые весьма интересны по своему содержанию.

Нам известны два таких примера в составе собрания Ю.Д. Марголиса:

1. [История Украины]. [1940–1979]. [162] с. Владельческий конволют состоит из:

Ал. 1. *Зимин А.А.* Ценный труд по истории Украинской ССР / А.А. Зимин, В.Д. Мочалов, А.А. Новосельский // Вопросы истории. 1954. № 6. С. 128–132.

Ал. 2. *Тихомиров М.Н.* Значение Древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов / М.Н. Тихомиров // Вопросы истории. 1954. № 6. С. 19–26.

Ал. 3. *Исаевич Я.Д.* Культура Галицко-Волынской Руси / Я.Д. Исаевич // Вопросы истории. 1973. № 1. С. 92–107.

Ал. 4. *Тронько П.Т.* Прошлое и настоящее Украины в истории ее городов и сел / П.Т. Тронько // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 69–80.

Ал. 5. *Голобуцкий В.А.* Запорожская сечь / В.А. Голобуцкий // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 108–120.

Ал. 6. *Ткаченко Н.М.* И.П. Крипякевич. Богдан Хмельницкий / Н.М. Ткаченко // Вопросы истории. 1956. № 1. С. 161–164. [Рец. на кн.]: *Крип'якевич І.П.* Богдан Хмельницький / І.П. Крип'якевич; АН УРСР. Інститут суспільних наук. Київ, 1954. 534 с.

Ал. 7. *Степанков В.С.* Социальная политика Гетманской администрации в годы освободительной войны украинского народа (1648–1654 гг.) и борьба против нее крестьянства и казацкой гольтыбы / В.С. Степанков // История СССР. 1979. № 3. С. 71–84.

Ал. 8. *Пушкарев Л.Н.* Культурные связи Украины и России после их воссоединения (вторая половина XVII в.) / Л.Н. Пушкарев // История СССР. 1979. № 3. С. 85–95.

Ал. 9. *Алферова Г.В.* Крепостные укрепления Киева во второй половине XVII века: новые материалы / Г.В. Алферова, В.А. Харламов // Вопросы истории. 1956. № 1. С. 61–75.

Ал. 10. *Шутой В.Е.* Казачий предводитель / В.Е. Шутой // Вопросы истории. 1972. № 1. С. 125–136.

Ал. 11. *Георгиевский Г.П.* Мазепа и Меншиков: новые материалы / Г.П. Георгиевский // Исторический журнал. 1940. № 12. С. 72–83.

Ал. 12. *Пичета В.* [Рецензия] / В. Пичета // Исторический журнал. 1940. № 12. С. 127–132. [Рец. на кн.]: *Осипов К.* Богдан Хмельницкий / К. Осипов. Москва, 1939. 414 с.

Ал. 13. *Королюк В.* Г.Ю. Гербильский. Пётр Первый в Западной Украине / В. Королюк // Вопросы истории. 1950. № 3. С. 130–132. [Рец. на кн.]: *Гербильский Г.Ю.* Петро Перший в Західній Україні (1706–1707 рр.) / Г.Ю. Гербильский. Львів, 1948. 95 с.

Ал. 14. *Голованова Т.П.* Лермонтов и Украина / Т.П. Голованова // Вопросы истории. 1978. № 4. С. 185–190.

Ал. 15. *Ксензенко Н.И.* Решение аграрного вопроса в свеклосеющих районах Украины (1917–1922 гг.) / Н.И. Ксензенко // Вопросы истории. 1972. № 2. С. 19–30.

Ал. 16. *Дружинина Е.И.* По поводу одной брошюры / Е.И. Дружинина // Вопросы истории. 1972. № 11. С. 203–205.

Экземпляр состоит из 16 аллигатов, имеет твердый составной картонный переплет, оклеенный матовой бумагой голубого цвета, в начале основного блока вшит рукописный лист оглавления. На корешке, выполненном из ледерина, окрашенного в зеленый цвет, белой гуашью надписано заглавие конволюта: «История Украины», а также выписано несколько декоративных элементов (один из которых напоминает символическое изображение цветка или солнца, другие — представлены в форме букв «М» и «W» в верхней и нижней части корешка). Аллигаты представляют собой самостоятельные тексты (отдельные извлечения) разных авторов, опубликованные в 1940–1979 гг. в журналах «Вопросы истории» и «Исторический журнал».

2. [Т. Шевченко]. [1957–1960]. [256] с.

Владельческий конволют состоит из:

Ал. 1. *Бельчиков Н.Ф.* Тарас Шевченко: жизнь и творчество / Н.Ф. Бельчиков; Всесоюзное Общество по распространению политических и научных знаний: Ленинградское отделение. Ленинград, 1956. 32, [2] с.

Ал. 2. *Кодацька Л.Ф.* З творчої лабораторії Т.Г. Шевченка: текстологічний аналіз поезій «Лілея», «Русалка», «Відьма» / Л.Ф. Кодацька; АН УРСР. Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка. Київ, 1957. 41, [2] с.

Ал. 3. *Кирилюк Є.П.* Шевченко і слов'янські народи / Є.П. Кирилюк; АН УРСР. Український комітет славистів. Київ, 1958. 60, [3] с.

Ал. 4. *Бородін В.С.* Соціально-побутові поеми Т.Г. Шевченка періоду «трьох літ»: 1843–1845 / В.С. Бородін; АН УРСР. Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка. Київ, 1958. 45, [3] с.

Ал. 5. *Дорошенко К.П.* Т.Г. Шевченко і слов'яни / К.П. Дорошенко; Товариство для поширення політичних і наукових знань УРСР. Київ, 1958. 37, [3] с.

Ал. 6. IX научная Шевченковская конференция: тезисы докладов и сообщений / отв. ред. Е.П. Кирилюк; АН УССР. Институт литературы им. Т.Г. Шевченко. Киев, 1960. 25, [3] с.

Конволют состоит из 6 аллигатов, имеет твердый составной картонный переплет, оклеенный перфорированной бумагой коричневого цвета. На корешке, выполненном из ледерина, окрашенного в темно-синий цвет, белой гуашью надписано заглавие: «Т. Шевченко». Там же выписан один декоративный элемент, напоминающий символическое изображение цветка или солнца, по стилю и форме схожий с описанным выше. Аллигатами являются отдельные типографские экземпляры брошюр разных авторов, опубликованных в Ленинграде и Киеве в период с 1957 по 1960 г.

Другим весьма интересным экземпляром, поступившим в Славянский фонд вместе с книжным собранием Ю.Д. Марголиса, стал набор из 12 открыток, вышедший в 1961 г. к 100-летию со дня смерти Т.Г. Шевченко. На карточках представлены фотографии художественных творений Т.Г. Шевченко: «Автопортрет» (1840 г.), «Катерина» (1842 г.), «Крестьянская семья» (1843 г.), «Портрет Маевской» (1843 г.), «Сельский суд» (1844 г., из серии «Живописная Украина»; офорт), «В Решетиловке» (1845 г., акварель, тушь, сепия), «Форт Кара-Бутак» (1848 г., акварель), «Казахские дети-байгуши» (1953 г., сепия), «Наказание колодкой» (1856–1857 гг., из серии «Блудный сын»; бистр, тушь), «Наказание шпицрутенами» (1856–1857 гг., из серии «Блудный сын»; бистр, тушь), «Портрет М. С. Щепкина» (1858 г., ит. карандаш, белила), «Портрет Айра Олдриджа» (1858 г., ит. карандаш, белила). Иллюстративный ряд дополнен сопроводительным материалом, повествующим о жизни Т.Г. Шевченко; особенное внимание уделяется его работе как живописца и гравера. Автор текста не указан, но мы можем предположить, что им вполне мог являться Ю.Д. Марголис.

Набор был издан типографией «Красное знамя» издательства «Молодая гвардия» тиражом 30 000 экземпляров.

Ряд книг «Шевченкианы» имеет внешние признаки, позволяющие выделить их в качестве отличительных для библиотеки Ю.Д. Марголиса.

Прежде всего стоит сказать о *прямоугольном штампе* фиолетового цвета размером 50 × 70 мм (рис. 1), который мы встречаем на титульных листах некоторых экземпляров: «Из книг Ю.Д. Марголиса». К сожалению, таким штампом отмечены лишь немногие книги — не более 10 из общего количества. Но наличие такого штампа позволяет предположить, что он был изготовлен специально для маркирования составных частей личной библиотеки ученого и, возможно, встречается на изданиях, которые не вошли в корпус «Шевченкианы».

Другим наиболее распространенным для исследуемого собрания признаком является *наличие дарственных надписей*, которые мы можем условно разделить на два вида.

К первому виду стоит отнести надписи, адресующие книги самому Ю.Д. Марголису. Среди дарителей мы видим следующие имена: Юрий Анатольевич Пинчук, Евдокия Марковна Косачевская, Коваленко, Михаил Иванович Марченко, Евгений Степанович Шаблювский и др.

Всего двенадцать изданий:

– *Бородін В.С.* Соціально-побутові поеми Т.Г. Шевченка періоду «трьох літ» (1843–1845 рр.) / В.С. Бородін; Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка. Київ, 1958. 45 с. *На тит. л. надпись:* «Уважаемому Юрию Давидовичу Марголису в память о Шевченковской конференции в Ленинграде. 11 февраля 1960 г. Автор».

– *Марченко М.І.* Историчне минуле українського народу в творчості Т.Г. Шевченка / М.І. Марченко. Київ, 1957. 191 с. *На форзаце надпись:* «Шановному Юрію Давидовичу Марголісу від автора. 25.X.58 р. М. Марченко».

– *Марченко М.І.* Видатний історик України О.М. Лазаревський / М.І. Марченко,

Л.К. Полухін; АН УРСР, Інститут історії. Київ, 1958. 43 с. *На тит. л. надпись:* «Дорогому Юрію Давидовичу Марголісу від автора. М. Марченко 8.II.1961 г.».

– *Марченко М.І.* Історія української культури: з найдавніших часів до середини XVII ст. / М.І. Марченко. Київ, 1961. 284 с. *На тит. л. надпись:* «Дорогому Юрію Давидовичу от автора. 22.XII.61 г. М. Марченко».

– Історичні погляди Т.Г. Шевченка: [збірник статей] / АН УРСР, Інститут історії; [редакційна колегія: І.О. Гуржій (відпов. ред.) и др.]. Київ, 1964. 241, [3] с., [1] л. портр. *На тит. л. надпись:* «На память Юрию Давидовичу П/VI.64 г. [М]Коваленко Каменец-Подольский».

– *Шаблювский Е.С.* Т.Г. Шевченко и русские революционные демократы / Е.С. Шаблювский. 2-е изд., перераб. и доп. Киев, 1975. 389 с., [12] л. ил. *На форзаце надпись:* «Уважаемому Юрию Давидовичу Марголису с наилучшими пожеланиями от автора. 1.IX.75 г. Киев. Е. Шаблювский». К форзацу приклеен информационный лист о юбилее Е.С. Шаблювского.

– *Ігнатенко Г.Г.* Іскри вогню великого / Г.Г. Ігнатенко. Київ, 1975. 189 с. *На тит. л. надпись:* «Уважаемому Александру Давидовичу Марголису на добрую память 13.VI.77».

– Збірник праць Двадцять четвертої наукової шевченківської конференції / АН УРСР, Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка. Київ, 1982. 322, [2] с. *На тит. л. надпись:* «Глибокоуважаемому Ю.Д. Марголісу с искренней благодарностью в разработке Шевченковской темы, за присылку IV тома “Очерков” и с самыми наилучшими пожеланиями Евг. Кирилук. 19.02.83».

– Євген Прохорович Кирилук / АН УРСР; вступ. ст. В.Є. Шубравського; показчик друкованих прац склали Л.В. Беляева [и др.]. Київ, 1983. 93, [2] с., [1] л. портр. (Біобібліографія вчених Української РСР). *На тит. л. надпись:* «Глибокоуважаемому Юрию Борисовичу [Давидовичу!] Марголису

с благодарностью за разработку темы: «Шевченко и петербургский университет "... присылка авторского экземпляра. *Євг. Кирилук. 27.07.83*».

– Пинчук Ю.А. Исторические взгляды Н.И. Костомарова: (критический очерк) / Ю.А. Пинчук. Киев, 1984. 187 с. *На тит. л. надпись: «Глубокоуважаемому Юрию Давидовичу Марголису! С чувством большой признательности к трудам, высказанным с трибуны Всесоюзной конференции идеям и искренним пожеланием новых творческих успехов. Автор. Киев-Днепропетровск. 11.10.84 г.»*.

– Косачевская Е.М. Восточная Галиция накануне и в период революции 1848 г. / Е.М. Косачевская. [Львов], 1965. 149 с. *На тит. л. надпись: «На добрую память дорогому Ю.Д. Марголису от автора. 24.XII.88 г. Е. Косачевская»*.

– Вісник Академії наук Української РСР: науковий та громадсько-політичний журнал. Київ, 1991. № 1. 110 с. *На обл. надпись: «Многоуважаемому Юрию Давидовичу Марголису на добрую память от автора статьи на стр. 66. В. Коломінов 24.04.91 г.»*.

Самое раннее посвящение датировано 1958 г. (от М.И. Марченко), самое позднее — 1991 г. (от В. Коломинова). Надписи, оставленные авторами и дарителями книг, позволяют проследить дружественные связи между учеными.

Ко второму, условно выделенному, виду можно отнести надписи, посвящающие издания другим лицам, либо адресат посвящения не указан. В собрании Ю.Д. Марголиса имеется пять таких экземпляров:

– Скворцов А.М. Жизнь художника Тараса Шевченко / А.М. Скворцов. Москва, 1929. 110, [1] с., [14] л. ил. *На форзаце надпись: «Дар в "Ценнейшую" библиотеку. 21.V–30 г. М.»*.

Вполне вероятно, что под «Ценнейшей» автор надписи подразумевал библиотеку Ю.Д. Марголиса, но в отсутствие прямого указания на это, мы не можем иметь полной уверенности.

– Пугачев В.В. Пушкин, Шевченко, Мицкевич о славянском единстве / В.В. Пугачев. Саратов, 1983. 9, [1] с. Отд. отт. *На форзаце надпись: «Дорогому Леониду Сергеевичу Семенову — сердечно. В. Пугачев. 14.V.1984»*.

– Дорошкевич О.К. Шевченко й петрашеві в 40-х рр. // Шевченко та його доба. Т. 2 / ред. С. Єфремов. Київ, 1926. С. 23–43. Отд. извлечение. *На с. 23 в верхнем левом углу сохранился фрагмент надписи: «... од автора 6/VII. 927»*.

– Бельчиков Н.Ф. Тарас Шевченко: критико-биографический очерк / Н.Ф. Бельчиков. Москва, 1939. 238, [2] с., [1] л. *На форзаце надпись: «Обворожительному и неуловимому Александру Ивановичу в знак признательности за развлекательные новеллы от скупавшего автора. 20.VIII.39 Болишево. Санаторий "Сосновый Бор"»*.

– Державні архіви Української РСР: короткий довідник / Архівне управління при Раді міністрів УРСР; [автори-упорядники: А.В. Кентій і др.; відпов. ред. О.Г. Мітюков]. Київ, 1972. 197, [3] с.: ил. *На форзаце надпись: «Глубокоуважаемой Эсфири Самойловне — доброму генію киевлян-архивистів. 5/I.73 г. Н. Панч[ин] Ленинград-Киев»*.

Указанные издания являются неотъемлемой частью «Шевченкианы». История о том, каким образом эти книги были получены Ю.Д. Марголисом, нам не известна, равно как и история приобретения/преподношения в дар экземпляров с автографами «Бузько» (Пархоменко М.Н. Иван Франко и русская литература / М. Пархоменко. Москва, 1950. 199 с. Автограф на тит. л.) и «Герасин Е.В.» (Записки Отдела рукописей / Всесоюзная библиотека им. В.И. Ленина. Москва, 1939. Вып. 5. Т.Г. Шевченко / ред. Н.Л. Мещерякова. 73, [3] с. Автограф на обороте фронтисписа). Для нашего исследования важно, что решение о включении этих изданий в собрание «Шевченкианы» было принято Ю.Д. Марголисом, и в таком статусе они были переданы в Славянский фонд БАН.

Часть изданий собрания имеет *владельческую надпись*: «Ю. Марголиса» (рис. 2). Нами установлено четыре экземпляра:

– *Дмитерко Я.Д.* Общественно-политические и философские взгляды Т.Г. Шевченко / Я.Д. Дмитерко. Москва, 1951. 193 с., [1] л. портр. *Владельческая надпись на тит. л.: «Ю. Марголиса».*

– Русско-украинские литературные связи: [сборник] / под ред. Н.К. Гудзия. Москва, 1951. 187 с. *Владельческая надпись на форзаце: «Ю. Марголиса 51».*

– *Хинкулов Л.Ф.* Тарас Григорьевич Шевченко: 1814–1861 / Леонид Хинкулов. Москва, 1957. 432 с. (Жизнь замечательных людей). *Владельческая надпись на форзаце: «Ю. Марголиса».*

– *Черторижская Т.К.* Взаимодействие русской и украинской лексики в русских произведениях Т.Г. Шевченко / Т.К. Черторижская. Киев, 1981. 255 с. *Владельческая надпись на тит. л.: «Ю. Марголиса».*

Стоит отметить, что владельческими надписями отмечены издания, приобретенные Ю.Д. Марголисом в период 50–80-х гг. XX в. Но мы не можем определить какую-то устойчивую закономерность фиксирования этого персонального знака на книгах. Для нас прежде всего важен сам факт его наличия на экземплярах «Шевченкианы».

Наличие внешних признаков весьма важно для анализа каждого личного собрания. Интересной особенностью «Шевченкианы» является тот факт, что оно не обладает какими-либо устойчивыми, визуально отличимыми чертами (в данном случае мы не берем во внимание содержание текстов, которое, безусловно, является важнейшим условием, объединяющим эти книги). Мы описали экземпляры, маркированные именными штампами, дарственными надписями, автографами, но их общее количество составляет меньшую часть собрания. Подавляющее большинство изданий не имеет таких привычных для библиографа провенанций.

Но все же стоит упомянуть еще один признак, характерный для книг

Ю.Д. Марголиса, — маргиналии и пометы на страницах текста. Этими знаками в разных формах снабжены практически все издания, в том числе отдельные аллигаты конволютов. Библиотека ученого собиралась в процессе проведения исследований, в нее включались книги, с которыми он внимательно работал и использовал для написания своих материалов. Следствием «диалога автора и читателя» стали различные мысли, замечания, иногда эмоциональные высказывания, специальные знаки и символы, которые фиксировались на отдельных страницах и имели свое индивидуальное значение для оставившего их лица.

Небольшое в количественном отношении, но исключительно важное в содержательном плане собрание Ю.Д. Марголиса, именуемое «Шевченкианой», является концентрированной подборкой изданий, объединенных одной темой. Эти книги легли в основу нескольких десятков работ ученого, посвященных различным аспектам жизни и творчества Т.Г. Шевченко. Представляется, что «Шевченкиана» станет хорошим источником информации для современных исследователей.

В завершении нашего короткого обзора стоит вернуться к истории формирования подсобной части Славянского фонда БАН, так как собрание Ю.Д. Марголиса заложило ее основу. С 2015 по 2018 г. в состав новообразованной части фонда вошли более 2000 единиц изданий на различных языках, стали пополняться карточный и электронный каталоги, планомерно ведется учет подсобной части в специальных инвентарных книгах, каждый год создается новый том «Книги учета поступлений Славянского фонда», в которой отражены подаренные издания (с фиксированием имени дарителя или направляющей организации). Кроме собрания Ю.Д. Марголиса, в состав подсобной части стали включаться фрагменты личных библиотек Юрия Константиновича Бегунова, Олега Михайловича Малевича, Олега Ивановича Минина,

а также отдельные экземпляры. Эти издания создают уникальный фонд, содержащий современные и ретроспективные материалы, посвященные различным сюжетам истории, языка, культуры

и литературы славянских народов. В последующих обзорах мы постараемся рассказать о других собраниях, которые нам удалось сосредоточить в рамках подобной части Славянского фонда БАН.

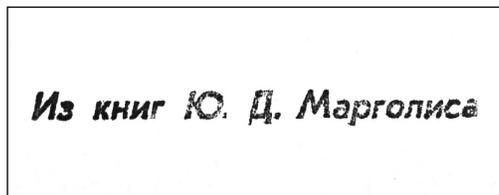

Рис. 1. Пример штампа личной библиотеки Ю.Д. Марголиса

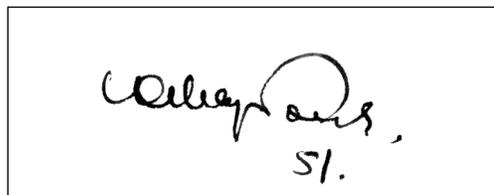

Рис. 2. Образец владельческой надписи

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Комиссарова Е.В.* Славянский фонд Библиотеки Российской академии наук: этапы формирования, структура, пути использования: дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03. Санкт-Петербург, 2000. 191 с.

2. *Гусева О.В.* Коллекция польской старопечатной книги в Славянском фонде Библиотеки РАН // Наука и техника: вопросы истории и теории: тезисы XXIII Годиной конференции Санкт-Петербург. отд. Рос. Нац. комитета по истории и философии науки и техники (26–28 нояб. 2002 г.). Санкт-Петербург, 2002. Вып. 18. С. 59–60.

3. *Иванова Л.А.* Болгарская коллекция Славянского фонда Библиотеки

Академии наук // Болгарский ежегодник. Київ, 2000. С. 196–205.

4. Юрий Давидович Марголис: библиографический указатель трудов / [сост.: Т.Н. Жуковская, Г.А. Тишкин, И.П. Кузнецова, Г.Ф. Гордукалова]; СПбГУ, Кафедра истории России; Рос. Союз работников культуры. Санкт-Петербург, 1995. 44 с.

5. Памяти Ю.Д. Марголиса: письма, документы, научные работы, воспоминания / сост.: Н.О. Серебрякова, Т.Н. Жуковская. Санкт-Петербург, 2000. 798 с.

6. Уроки истории — уроки историка: сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / сост. Т.Н. Жуковская. Санкт-Петербург, 2012. 456 с.

РУССКИЕ ПЕЧАТНЫЕ КАРТЫ XVIII в. В ФОНДЕ СЕКТОРА КАРТОГРАФИИ ОТДЕЛА ФОНДОВ И ОБСЛУЖИВАНИЯ БАН

АННОТАЦИЯ

Русские печатные карты XVIII в. — первый опыт самостоятельной научной картографии в Российском государстве. Крупнейшим собранием этих документов обладает Библиотека Российской академии наук. Работа по введению его в научный оборот позволила сделать новые интересные открытия.

Ключевые слова: русские печатные карты; XVIII век; Географический департамент Академии наук; Морское ведомство; типографии, печатавшие карты; база данных.

Специализированное Картографическое отделение было образовано в Библиотеке Академии наук в 1925 г. Этому предшествовали структурные изменения, произошедшие в БАН несколькими годами ранее. Так, в 1919 г. Русское и Иностранное отделения БАН были объединены в одно административное целое под руководством директора А.А. Шахматова. Были выделены в качестве самостоятельных отделений еще два: III — Отделение печатных книг на славянских языках и IV — Рукописное. В результате сопутствовавших этому объединению преобразований в составе книжного отдела 1-го Русского отделения в 1921 г. был образован Картографический подотдел [1, с. 308–309]. А 5 декабря 1925 г. Общим собранием Академии наук было утверждено создание в Библиотеке Академии наук СССР новой структурной единицы — Картографического отделения. Вновь созданному отделению было поручено комплектование картографического фонда, каталогизация и хранение карт, атласов и нот и обслуживание ими читателей Библиотеки. Согласно имевшейся в то время структуре БАН, это было пятое подразделение и в документах оно обозначалось как V Картографическое

отделение. С начала 1930-х гг. сведения о поступавших материалах записывались в инвентарные книги, а самим материалам присваивались шифры, начинающиеся с цифры «V», указывающей на их принадлежность пятому отделению Библиотеки.

Таким образом, впервые картографические произведения могли образовывать специализированный фонд. Его формирование началось еще в сентябре 1924 г., когда в I Русском и IV Рукописном отделениях стали выделять карты и атласы, хранившиеся там в особых ящиках и шкафах, а также ноты (1) и другие графические материалы для передачи во вновь создаваемое Картографическое отделение. Туда же передавались и картографические материалы из Иностранного отделения [1, с. 350–351]. Кроме того, поступали материалы и из других мест. Так, уже в 1925 г. этому находившемуся в стадии формирования подразделению были переданы из Тихвинского монастыря 1605 листов карт, 21 атлас и 38 путеводителей. В этом же году из Государственного книжного фонда поступило 113 атласов и 4707 листов карт, многие из которых были в футлярах, а большинство наклеены на холст [1, с. 362], среди них

были материалы из библиотеки Лейб-гвардии Семеновского полка, придворных библиотек и др. Наряду с картографическими и некоторыми графическими материалами новому отделению были тогда переданы медные доски — клише всех академических изданий со времени учреждения Академии наук и до конца XVIII в. [1, с. 351]. Активно продолжали передавать картографические материалы на протяжении нескольких десятилетий, как из отделов БАН, так и из академических институтов и других мест.

Поскольку темой нашей работы является изучение коллекции русских печатных карт XVIII века, постараемся выделить из общего потока поступлений те, которые относятся к этому времени, как отечественные, так и иностранные. Нижеследующие сведения получены из сохранившихся актов передачи материалов из отделов БАН и библиотек академических институтов Санкт-Петербурга (тогда Ленинграда). В 1949 г. из Отдела особых фондов (фондов XVIII века) БАН заведующий отделом М.М. Гуревич передал зав. Картографическим отделом Т.А. Станчул проект «Атласа Российского из 19 карт...» 1742 г.; в июне 1953 г. из фонда русской книги XVIII века Отдела рукописной и редкой книги главный библиотекарь Е.И. Боброва передала заведующей Сектором (2) картографии, главному библиотекарю Т.А. Станчул 138 биб. ед. карт XVIII в. (большинство со штампом МАЭ) по распоряжению и.о. заведующей Отделом рукописной и редкой книги В.Ф. Покровской; также в феврале 1953 г. — Е.И. Боброва передала Т.А. Станчул атласы и описания в количестве 56 биб. ед., часть из которых — с экслибрисами Эрмитажной библиотеки, Придворной библиотеки, штампом Библиотеки училища правоведения, несколько документов из собрания А.А. Куника, кроме того, был передан атлас реки Дона К. Крюйса; в январе 1956 г. из Отдела хранения был передан в Сектор картографии атлас И.Б. Хоманна (первая треть XVIII в.) и несколько других книг

и периодики XIX–XX вв.; в июле 1956 г. зав. Отделом хранения И.С. Смирнов передал в Сектор картографии Т.А. Станчул 2202 биб. ед., среди которых около 200 иностранных атласов и карт XVIII века; в ноябре 1968 г. из Бронированного фонда заведующим В.Ф. Экономовым были переданы в Отдел картографии около 2,5 тыс. биб. ед. карт, в том числе и некоторые русские карты XVIII в. В 1950-е гг. ленинградские институты академической сети (ЛОИИМК АН СССР, ЛОИИ АН СССР) также передавали картографические произведения в фонд Сектора картографии. Отдельные издания приобретали специально для БАН у букинистов и частных коллекционеров. Так, еще в 1937 г. у А. Шилова был приобретен испанский морской атлас «Atlas maritime de Espana» (Madrid, 1789). Фактически процесс передачи в картографический фонд профильных документов продолжается и ныне.

В настоящее время в фонде существует несколько специализированных коллекций картографических произведений периода XVI–XVIII вв. Одна включает карты отечественные и иностранные — V РК, три других — отечественные и иностранные атласы и книги, сгруппированные по их формату, — V РТ, V РС, V РИ. Эти коллекции были сформированы не сразу, первое время поступающие в Картографическое отделение карты, книги и атласы делились лишь по формату и наличествовавшие тогда старинные картографические произведения хранились вместе с современными. Однако, после того как в 1950-е гг. в фонд Отдела картографии были переданы, как сказано выше, из различных мест несколько сот отечественных и иностранных картографических произведений периода XVI–XVIII вв., началось образование этих специализированных коллекций. Инвентарные книги на эти коллекции ведутся с 1954–1955 гг., в эти же годы был создан для них общий карточный каталог, образованный по географическому принципу, в дополнение к которому была написана картотека авторов.

40–50-е гг. XX в. стали временем, когда отечественная историческая наука закономерно обратилась к изучению российских/советских достижений в разных областях. Это коснулось и истории русской картографии, в первую очередь ее состояния в XVII и развития в XVIII в. В 1946 г. была издана монография В.Ф. Гнучевой «Географический департамент Академии наук XVIII века» [2], а в 1953 г. вышла из печати монография историка С.Е. Феля «Картография России XVIII века» [3], ставшая итогом работ более чем десяти предшествующих лет [4, 5], историк, источниковед К.Н. Сербина изучила и подготовила к печати первый известный полный свод географических сведений о России — описание «Большого чертежа всему Московскому государству» [6], библиограф К.И. Шафрановский обратился к рассмотрению научных взглядов картографа и издателя В.О. Киприанова и анализу карт первого академического атласа 1745 г. [7, 8, 9, 10, 11], историк картографии, сотрудник Ленинградского университета Ф.А. Шибанов опубликовал несколько статей о ранней русской картографии [12, 13, 14], академик Л.С. Берг, возможно, в результате переписки с историком картографии Л. Багровым [15] занялся исследованием картографического наследия обер-секретаря Сената И.К. Кирилова [16, 17], его работу продолжила историк М.Г. Новлянская [18], главный библиограф Библиотеки имени В.И. Ленина (ныне РГБ) историк гравюры, библиофил С.А. Клепиков сообщил о находке карт И.К. Кирилова [19], источниковед, теоретик и историк науки О.М. Медушевская выпустила несколько обобщающих работ о географических открытиях, отраженных в ранней русской картографии [20, 21], и, в целом, если внимательно просмотреть библиографию по истории ранней русской картографии, то станет очевидно, что именно в это время изучение истории отечественной картографии явилось одним из приоритетных научных направлений в среде историков и картографов.

Поэтому и работа по созданию специализированных коллекций карт и атласов XVI–XVIII вв. в Отделе картографии БАН стала особенно актуальной — можно было обслуживать читателей самым востребованным материалом. Тогда же начали проводиться и выставки отечественных картографических документов XVIII в. [22].

В 1964 г. Библиотека Академии наук отмечала 250-летие, и среди мероприятий, устроенных в честь этого события, была юбилейная выставка в Отделе картографии. На выставке было представлено около 400 картографических документов, один из ее разделов посвящался русским печатным картам XVIII в. [23]. Тогда же в работе сотрудницы Отдела картографии, картографа Т.Н. Мельниковой были предприняты попытки аналитического осмысления картографического наследия Географического департамента Академии наук второй половины XVIII в. На основе исследования математической основы и содержания печатных карт 1769–1791 гг. она пришла к выводу, что «наличие Генеральной карты России (1776, 1786 гг.) и комплекта карт губерний или наместничеств, покрывающих всю территорию России... наводит на мысль, что перед нами — осуществленная идея по созданию нового географического атласа России, последовавшего за атласом российской империи 1745 г., но более совершенного. ...Атлас, не законченный лишь на последнем этапе его изготовления: он не сброшюрован, не имеет титульного листа, не имеет перечня карт» [24, с. 141]. В БАН в эти годы велась работа по изучению документального наследия Петра I, и в 1961 г. вышел из печати фундаментальный труд, подготовленный сотрудниками Рукописного отдела «Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра I» [25]. В те же годы активно занимались этой тематикой сотрудники Отдела картографии ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне — РНБ), и в 1961 г. увидел свет подготовленный ими сводный каталог

«Русские географические атласы: XVIII век» под редакцией знатока истории картографии, заведующего Отделом картографии ГПБ В.А. Бриллианта [26].

Тогда же работы по изучению русских печатных карт XVIII в. начались в Отделе картографии БАН. Для воссоздания истории этой работы в Архиве Библиотеки нами были просмотрены следующие документы и материалы: Планы работы БАН за 1950–1985 гг., Отчеты о работе Отдела (Сектора) картографии за 1957–1991 гг., Сводные отчеты о работе БАН за 1959–1990 гг., Индивидуальные отчеты сотрудников за 1960–1990 гг. В Отчетах Библиотеки Академии наук СССР задача «Изучение и научное описание книжных фондов БАН» впервые появляется в 1959 г. Из массива полученных сведений выделим здесь несколько основных фактов. В 1960 г. в научных планах Отдела картографии БАН появилась тема «Русские гравированные карты XVIII в.», и с 1961 г. она становится продолжающейся: «Сводный каталог русских печатных карт XVIII в. ...будет составляться на базе наиболее полного собрания БАН СССР, с участием ГПБ и ГБЛ. Работа планируется на 1960–1964 гг. со сдачей в издательство к юбилею БАН. Объем каталога определяется в 15 л.» [27, с. 15]. Подготовительная работа (отбор материалов, составление картотеки и разработка структуры) проводилась совместно с ГПБ с 1963 г. Однако обстоятельства изменились, и на заседании НМО Отдела картографии 9 октября 1965 г. было принято решение отложить завершение этой научной темы. В Перспективном плане работы отделов БАН на 1966–1970 гг. сказано об этом так: «В связи с тем, что Отдел картографии БАН включился в работу по подготовке главным образом издания «Единых правил описания произведений печати. Описание картографических изданий», продолжение работы над каталогом «Русские гравированные печатные карты XVIII в.» отнесено на период после сдачи рукописи 2-го издания части III «Единых правил...», т.е. на 1968–1969 гг.» [28, с. 85].

В середине 1970-х гг. оформилась новая идея — подготовить и издать сводный каталог русских гравированных карт XVIII в., включающий сведения обо всех этих документах, сохранившихся в фондах архивов, музеев и библиотек СССР. Поскольку к этому времени уже было установлено, что самой крупной коллекцией таких карт обладает Библиотека Академии наук, было принято решение, что основную работу и руководство программой должны были осуществлять сотрудники и тогдашний заведующий Отделом картографии Г.Н. Утин, а партнером программы стал Отдел картографии ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, где хранится вторая по величине коллекция. Предполагалось подготовить рукопись объемом 10 а.л. к 1978 г. и передать в Издательство «Наука». Начатая тогда работа не была завершена, поскольку в начале 1980-х гг. у Г.Н. Утина появилась возможность ознакомиться с коллекцией русских рукописных карт XVIII в., хранящейся в Париже, и его научные интересы обратились в эту сторону. Результатом поездки стали доставленные в БАН фотографии большинства русских рукописных карт XVIII в., поступившие в фонд Отдела картографии [29]. Это стало заметным событием, поскольку открывало возможность любому исследователю поработать хотя бы с черно-белыми копиями карт из парижских собраний, в те годы почти недоступных для большинства советских ученых.

Вновь к теме сводного каталога русских гравированных карт XVIII в. сотрудники Сектора картографии ОРПК БАН обратились в начале 1990-х гг. Предполагалось совместно с Отделом автоматизации БАН создать машиночитаемую базу данных (БД). Тогда в мире для библиографического описания библиотечных документов использовался UNIMARC (ЮНИМАРК) — формат, разработанный при содействии Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (IFLA) в 1977 г. для решения проблемы несовместимости между

различными национальными MARC-форматами. Этот формат облегчил международный обмен библиографическими данными в машиночитаемой форме. Был создан и RUSMARC — российский коммуникативный формат, и в этом формате начали работать в БАН. Мы также решили, что можно сделать БД в UNIMARC, и в 1996 г. автор настоящего сообщения О.А. Красникова и тогдашний заведующий Отделом автоматизации БАН В.П. Захаров написали проект «Информационная система “Русские гравированные карты XVIII века”» и выиграли грант Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), рассчитанный на три года для его реализации (Проект РГНФ № 96-01-12112 в.). Итогом работы над проектом стала разработка формата описания карт на основе UNIMARC и полный перечень русских гравированных карт XVIII в., имеющихся в фонде Сектора картографии и частично в других подразделениях БАН [30].

Формат описания, максимально полно отражающий сведения о картографическом произведении, был составлен на основе целого комплекса отечественных и иностранных нормативных изданий: ГОСТ 7.18-79. Библиографическое описание картографических произведений (М., 1980); Правила составления библиографического описания. Часть третья. Картографические произведения (Межведомственная каталогизационная комиссия при Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина. М., 1990. 278 с.); ICBД (СМ). International Standard bibliographic description for cartographic materials (IFLA. 2-nd. ed. London, [1983]); X. ГОСТ 7.12-93. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила (М., 1995); X. ГОСТ 7.11-78 (СТ СЭВ 2012-79). Сокращение слов и словосочетаний на иностранных европейских языках в библиографическом описании (М., 1986).

При описании документов мы опирались также на следующие инструктивно-

методические пособия: Библиографическое описание картографических произведений: инструктивно-методические указания / Межведомственная каталогизационная комиссия при Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина. М., 1980, комментирующее ГОСТ 7.18-79 с учетом опыта его применения в практической работе библиотек и других учреждений; Картографические документы государственных архивов: научно-справочное пособие / сост. С.И. Сотникова. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1989; Организация использования архивных картографических документов: (рекомендации) / сост.: Е.Б. Мельникова, Е.И. Сотникова. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1991; Библиотечная обработка географических карт: Определение численных масштабов: [методическое руководство]. М.; Л.: Библиотека РАН, 1958); *Никифоровская Н.А.* Библиографическое описание: вопросы теории, истории и методики / под ред. Г.Г. Фирсова. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. В БД встречаются аннотации и примечания справочного, описательного характера и др. Основой для составления аннотаций и примечаний послужили следующие издания: *Истрина М.В.* Аннотирование произведений печати. М.: Книга, 1981 и Справочник библиографа / науч. ред.: В.Н. Ванеев, В.А. Минкина. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Профессия, 2003.

Описание условно делилось на три части: 1) библиографическое, 2) научное — структурированное описание содержания карты, в которое были включены и сведения о филигранях и 3) описание бытования картографического документа.

Сведения об отечественных печатных картах XVIII в. и общие результаты по проекту. Для составления перечня карт были просмотрены упомянутые выше коллекции ранних карт и атласов в фонде Сектора картографии, а затем атласы и книжные памятники XVIII в., содержащие карты, в фондах НИОРК,

Академического собрания и в Основном фонде БАН. Всего было выявлено более двух тысяч листов карт и составлено несколько репрезентативных описаний в принятом формате. И хотя всю коллекцию подробно описать тогда не удалось, был подготовлен, как сказано выше, полный сводный перечень выявленных карт, содержащий первичную информацию — название (титул), сведения о гравере, издательстве, дате издания и др. — т.е. о том, что награвировано на самом документе. В перечень вошли карты, выполненные приглашенными в Россию голландскими граверами А. Шхонебеком, П. Пикартом, их русскими учениками, а также выпущенные в Гражданских типографиях М. Аврамова в Петербурге и В.К. Киприанова в Москве и в других частных издательствах, карты, подготовленные И.К. Кириловым, сотрудниками Географического департамента Академии наук, Морского ведомства и др., изданные в России, независимо от языка издания и источника сведений, положенных в их основу, а также некоторые карты и атласы, изданные за границей по сведениям, полученным из России.

Известные списки и перечни печатных карт XVIII в. Для того, чтобы установить, насколько полно представлены в БАН русские печатные карты XVIII в., мы сравнили получившийся список с известными наиболее авторитетными их списками и перечнями, помещенными в изданиях XIX и XX вв. и в архивных документах, составленными как отечественными и иностранными учеными XX в. — В.Ф. Гнучевой [2, с. 237–266], В.К. Макаровым [31], М.И. Наврот [32], А. Isnard [33] и др., так и деятелями XVIII [34] и XIX в. [35], а также со сведениями, содержащимися в современных работах и на сайтах библиотек, музеев и др.

Первые итоги. Мы убедились, что большинство карт XVIII в., поименованных в каталогах и списках, есть в БАН. В то же время отметим, что было выявлено около ста карт, которым не найдено соответствия ни в одном из списков.

Изучение признаков бытования картографических документов — печатей, штампов, штемпелей, помет и др. позволило установить, из какого собрания они поступили. Наличие признаков бытования на картах — большая редкость, поэтому каждая новая деталь здесь очень важна. Были выявлены карты, на обороте которых указано их место хранения — портфель и нумерация римскими и арабскими цифрами, обозначающие шкаф и полку. Эти карты из собрания Географического архива — коллекции, собиравшейся в Географическом департаменте Академии наук для работы над генеральной картой страны, карты из собраний Петра I, Я.В. Брюса, Географического департамента и др.

Филигранологические исследования карт показали, что часть листов имеет филигранный узор 1798 ЯМ ВСЯ, 1806 WSI JM и АО 1825 и представляет собой оттиски XIX в. с сохранившихся на тот момент медных досок.

На этом же этапе исследования был составлен список государственных и частных заведений, типографий и издательств, где выполняли и печатали карты в XVIII в. Некоторые итоги поисков представлены ниже.

Издание географических карт и планов в России в XVIII в. Издание картографических произведений в России в XVIII в. было делом совершенно новым. Хорошо известно, что само развитие русской научной картографии стало возможным благодаря усилиям Петра I. Именно он немало способствовал и тому, чтобы познакомить с географическими картами Родины и мира самые широкие слои населения России (3). Картографические произведения не только широко использовались в учебном процессе новых учебных заведений — Математико-навигационной школы, открытой в Москве в 1701 г. и Морской (Адмиралтейской) академии в Петербурге, открытой в 1715 г., но и были выпущены в открытую продажу. Манеру, принятую тогда в Европе, печатать карты с медных досок привнес

в Россию также Петр I, пригласив на службу граверов из Голландии, с обязательством обучить искусству гравирования русских учеников. Напомним, что инициатором всех составлявшихся в то время в России картографических произведений был лично Петр I. В его непосредственном ведении находились и типографии.

Первым заведением, где производились такие работы, стала Гравировальная мастерская (Гравировальня и картопечатня, 1698–1710) при Оружейной палате в Москве, где работал приглашенный на русскую службу Петром I голландский гравер Адриан Шхонебек (A. Schoonebeck, 1661–1704). Именно там были награвированы составленные им навигационные карты и завершена работа над ныне хорошо известной картой Ингерманландии, основанной на шведских источниках [36, с. 18; 37, с. 274] (4).

Несколько планов, вошедших в «Книгу Марсову», были выполнены в Походной гравировальной мастерской (5), в течение нескольких месяцев 1703–1704 гг. работавшей в только что основанном С.-Петербурге и в районе военных действий (в лагерях Петра I под Шлиссельбургом, Ниеншанцем, Нарвой и Юрьевом), мастерами П. Пикартом и И. Буниным: план осады крепости Нарвы, Юрьева, план Невской дельты с показанием глубины фарватеров [37].

В 1705 г. в Москве по указу Петра была открыта первая Гражданская типография. Руководителем ее стал В.О. Киприанов (?–1723). Указом от 21 марта 1706 г. Гражданская типография поступила в ведение приказа Артиллерии, во главе которого стоял сподвижник Петра, один из образованнейших людей своего времени Я.В. Брюс (1670–1735). В типографии гравировали географические карты для целей общего образования, в частности для Математико-навигационной школы (6). Изданные Киприановым с 1706 по 1717 г. учебные общегеографические карты, числом более десяти, являются переизданием голландских карт Хенрика

Донкера из коллекций Петра I и Брюса, переведенные на русский язык и, возможно, отчасти исправленные по литературным данным. Киприанов — картограф, издатель и гравер, автор «Карты Московской губернии из 9 провинций», которую он составил и издал в 1711 г. по заданию московского губернатора В.С. Ершова. Почти все карты награвированы лично им или совместно с его учениками — Ф. Никитиным и А. Ростовцевым.

Третьей стала Гражданская типография, организованная в Санкт-Петербурге под руководством М.П. Аврамова (1681–1752) [38]. Новую типографию устраивали с 1710 г.: «Здесь начало печатание книгам и грьдорванной работы листам в продажу, которая определилась с 1 января 1714 г.» (7) [39, с. 15]. «5 мая 1714 г. — в числе прочего, был выслан [из Москвы с Печатного двора. — О.К.] к грьдорванному делу иноземец Петр Пикард с учениками [А. Ростовцевым и А. Зубовым. — О.К.] и к тому же делу стан» [39, с. 18]. С этого времени в ней начались гравировальные работы и издание карт. Выходящая в свет продукция направлялась на нужды морского ведомства или здесь же поступала в открытую продажу [40, с. 62–68]. В Санкт-Петербургской Гражданской типографии в период 1714–1724 гг. были изданы, среди прочего, несколько значительных картографических произведений: «Книга розмерная градусных карт Ост-Зее или Варяжского моря...» (состоявшая первоначально из 12 гравированных карт, 256 экз.), «Карта Каспийского моря» (150 экз.), «...Карта разграничения земель вечного мира между Российским и Шведским государствами...» (490 и 10 экз.), «Ингерманландия» («Географский чертеж над Ижерскою землей...», 4 экз.). Относительно публикации этих картографических документов следует сделать несколько пояснений.

Одно из первых изданий Санкт-Петербургской Гражданской типографии — навигационный атлас Балтийского моря «Книга розмерная градусных карт

Ост-Зее или Варяжского моря напечатана повелением Царского Величества в Санкт-Петербурхе лета Господня 1714 мая в 9 день» (Санкт-Петербург, 1714. 1 т.л., 12 л. грав. карт), в основе которого карты шведского атласа Балтики, составленные по съемкам 70–80 гг. XVII в. До 1721 г. типография находилась в ведении Оружейной палаты, и в последующие годы там было напечатано множество карт для учебного процесса и нужд Морского ведомства, а также один из самых интересных документов, касающихся русских географических открытий — новая карта Каспийского моря, впервые показывающая его истинные очертания [42] (8).

С учреждением Синода в 1721 г. в его ведение перешли типография Печатного двора в Москве, сменив название на «Московская Синодальная», и Гражданская типография М. Аврамова в Санкт-Петербурге, ставшая Санкт-Петербургской Синодальной. Однако направленный в Петербург заведовать типографией архимандрит Гавриил (Бужинский) по различным причинам не имел возможности заняться делами ни Санкт-Петербургской, ни даже Московской Синодальных типографий, а Аврамов перешел на работу в Адмиралтейство. В течение трех следующих лет типография постепенно приходила в упадок, поскольку издательским процессом никто не руководил. По доношению архимандрита Гавриила Синод определил, что в обеих типографиях должны быть заведующие из людей светских, знающих издательское дело, и в Санкт-Петербургскую типографию в 1724 г., после некоторых перипетий, был, по личному решению Петра I, вновь приглашен Михаил Аврамов [43, с. 84–86]. Именно в это время и были вновь напечатаны карты.

В ноябре 1724 г. в бывшей Санкт-Петербургской типографии М. Аврамова, а теперь Синодальной типографии была, по заказу Сената, напечатана имевшая важное политическое значение карта новой русско-шведской границы,

подготовленная еще в 1722 г. — «Сия карта разграничения земель вечного мира между Российским и Шведским государствами от Рождества Христова 1722 года». Гравировал карту П. Пикарт. Первый тираж составил 490 экземпляров: «В 1724 году... [ноября] в 16 де[нь] гравированных листов карт о разграничении земель 490 по 6 алтын на 88 рублей 6 алтын 4 де[ньги]» [39, с. 237–266]. Это была одна из карт, подготовленных И.К. Кириловым для его Атласа Всероссийской империи. К середине 1720-х гг. в Сенате постепенно накопилось значительное число карт, составленных геодезистами — участниками генеральной съемки территории России. Однако из всех завершенных карт на гравирование была отдана лишь карта русско-шведской границы. Кирилов, видя, что Сенат не торопится печатать остальные карты, и заботясь о том, чтобы результаты этого грандиозного предприятия не пропали, решил сам, на свои средства начать их гравирование и печатание. В дальнейшем медную доску, на которой была выгравирована карта, Кирилов получил из Синода и отправил в Москву, в типографию Киприанова, где она была напечатана вторично [18, с. 39–40].

Что же касается карты Ингерманландии, изданной в 1724 г. в количестве четырех экземпляров, то это, безусловно, «Географский чертеж над Ижерскою землей...» А. Шхонебека. К этому времени не было никаких других карт этой территории. Карта Ингерманландии, вошедшая в состав атласа Кирилова, была подготовлена в 1726 г., а впервые напечатана в 1727 г. Кроме того, есть прямое указание на то, что именно карта Шхонебека продавалась в книжной лавке при Санкт-Петербургской типографии: лавочник Васильев принял от Евдокимова в книжной типографской лавке в Петербурге, среди прочего, «Ингерманландскую карту четырех досок — 60 ед. × 6 алтын». Далее приводятся сведения о продаже экземпляров карты [44, с. 681]. Издание Санкт-Петербургской типографии 1724 г. было

выполнено, несомненно, с медных досок, которые взял с собой при переезде из Москвы П. Пикарт, завершавший вместе с учениками карту в Москве, после смерти Шхонебека.

Мы попытались внести уточнения в вопрос о месте гравирования и публикации и других карт И.К. Кирилова. В этих работах принимали участие несколько мастеров, прежде всего, это бывшие тогда штатными граверами Санкт-Петербургской гражданской типографии М.П. Аврамова (с 1721 г. именуемой Синодальной) вышеупомянутый голландец П. Пикарт, Алексей Ростовцев и Алексей Зубов.

Вскоре по воцарении Петра II, вступившего на престол 6 мая 1727 г., по ряду внутриполитических причин двор и высшие правительственные учреждения, в том числе Сенат, переместились в Москву, где находились четыре с половиной года — с конца 1727 г. по 15 января 1732 г.

В том же 1727 г. решением Синода было определено, что для церковных нужд будет достаточно одной типографии — в Москве, где материалы дешевле и покупателей больше, и, кроме того, надзор за одной типографией осуществлять легче, удобнее следить за тем, чтобы в печатном деле не было погрешностей [41, с. 76–77]. Тогда же Высочайшим указом от 4 октября 1727 г. было определено, что в Санкт-Петербурге будут две типографии — в Академии наук (для издания специальной литературы и исторических книг) и в Сенате (для публикации указов). Тогда же печатные станки и материальная часть (шрифты и пр.) бывшей Синодальной типографии, уже не приносящей дохода, были переданы в Академию наук, где была организована своя типография.

Ввиду закрытия Санкт-Петербургской типографии в 1727 г. граверы были уволены со службы, и сначала А. Ростовцев, а несколько позже и А. Зубов перешли на работу в Академическую типографию. С 1728 г. Кирилов стал отдавать

карты на гравирование и в печать в Фигурную палату и в типографию Академии наук, причем гравировали его карты те же А. Ростовцев, работавший в Академии наук до 1730 г., и А. Зубов, в 1729 г. переехавший в Москву (9).

В Москве, вместе с Сенатом, находилась и Кирилов. Поэтому основное число подготовленных карт были награвированы А. Зубовым и отпечатаны в частной Гражданской типографии В.В. Киприанова (?–1757?), сына В.О. Киприанова, не просто на средства самого Кирилова, но и, практически, в его доме — в Москве, в амбарах его загородного дома у Донского монастыря [45, с. 70]. В.В. Киприанов же и хранил медные доски, на которых были гравированы карты, после кончины Кирилова. Поскольку вдова Кирилова осталась почти без средств «с малыми детьми», она обратилась с предложением приобрести эти доски для Академии наук, с тем чтобы ей «за труды мужа... также и за издержанный его собственный капитал надлежащее число денег, по принятии тех досок, сколько их будет, выдать... здесь деньгами» [46, с. 476; 45, с. 71]. Возможно, Академия наук все же приобрела доски или хотя бы часть их, потому что есть сведения, что в 1771 г. в академическую книжную лавку вновь поступили переизданные карты Кирилова: Генеральная карта Российской империи и карта Арзамасской провинции, в 50 экземплярах каждая (10). В настоящее время местонахождение досок или иные сведения о них не найдены.

Первая Генеральная карта Российской империи, составленная И.К. Кириловым, после внесения уточнений и исправлений, была передана в печать в 1734 г., о чем свидетельствует распоряжение, данное 29 мая книгопродавцу академической книжной лавки Кланнеру: «Генеральную Российскую империи ландкарту в Фигурной палате на учиненной доске сколько возможно на александрийской бумаге напечатать, и как оныя ландкарты напечатаны будут, то 20 экземпляров отдать господину штатскому советнику Ивану

Кирилову, а протчия продавать: каждую расцветенную по 1 рублю, а нерасцветенную по 75 копеек» [48, с. 110].

Для исполнения гравюр в то время применялись три основные техники: «штыховальная работа» — гравирование резцом, «тушевальная работа» — меццотинто и наиболее распространенная тогда в Европе «грыдоровальная работа» — смешанная техника, заключающаяся в травлении доски кислотой с последующей обработкой ее резцом. С помощью последней было создано и большинство гравюр академических изданий. Способ исполнения граверы отмечали на самом документе, также его указывали в каталогах. Чаще всего на печатных картах встречается слово «Грав.», но есть один хорошо известный случай, когда техника исполнения обозначена как «стыхов» (т.е. штыховальная работа) — на карте русско-шведской границы П. Пикарта, о которой шла речь выше.

Карты издавались немалыми тиражами, иногда в несколько сотен экземпляров, нередко раскрашивались акварелью и поступали в открытую продажу, прежде всего в Академическую книжную лавку в Санкт-Петербурге. Вскоре подобная книжная лавка была организована и в Москве.

Согласно указу от 31 декабря 1720 г. при Морской академии в Санкт-Петербурге была образована типография с гравировальной, которая издавала карты не только для учебного процесса, но и для нужд Адмиралтейств-коллегии. Морская академия была создана на основе московской Математико-навигационной школы, открытой еще в 1701 г. и переведенной в 1715 г. в Петербург. Первоначально гравировальные работы для Морского ведомства исполняли в Гравировальной мастерской при Оружейной палате, и хотя затем немалая часть карт и других изданий стала выходить в Гражданской типографии М.П. Аврамова, некоторые листы продолжали печататься в Москве. Из-за больших расстояний и дороговизны доставки печатной продукции от этой

системы пришлось отказаться, и с 1721 г. Морская академия получила в свое распоряжение типографию, которая, однако, исполняла работы не только для ее собственных нужд, но и для всего Морского ведомства, а позднее еще и частные заказы. В том же 1721 г. при Морской академии была создана и гравировальная мастерская [49]. Там были награвированы карты атласов Каспийского и Балтийского морей Ф.И. Соймонова [50; 51] и другие работы.

В 1758 г. Морская академия была преобразована в Морской шляхетный кадетский корпус, соответственно изменилось и название типографии, что отразилось в выходных данных издаваемых атласов [52; 53; 54]. И Морская академия, и типография за время своего существования неоднократно меняли название, а также несколько раз меняли местоположение в Петербурге. Для привлечения дополнительных средств типография и Гравировальная мастерская выполняли заказы и других ведомств. Так, в 1782 г. были напечатаны «описания и алфавиты» к межевому Атласу Калужского наместничества [55].

Во второй половине XVIII в. добавилось еще несколько типографий.

В 1773 г. в Санкт-Петербурге по указу Екатерины II для подготовки специалистов по добыче полезных ископаемых и по металлургии было впервые в России открыто Горное училище, и уже в следующем, 1774 г., для издания как собственных, так и переводных учебников и пособий, настенных таблиц и карт при нем была образована типография. Средства на ее устройство предоставили меценат П. Демидов и купец А.К. Шульгин. Типография обладала лучшим тогда в России оборудованием, поэтому здесь печатались все атласы периода 1792–1796 гг., подготовленные в Географическом департаменте Кабинета е.и.в., начиная с первого: «Российский атлас из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества империю разделяющий» 1792 г. [56].

Указом от 7 сентября 1782 г. была создана Комиссия по учреждению в России народных училищ под руководством графа П.В. Завадовского. Комиссия уделила большое внимание изданию учебных пособий по всем предметам, изучавшимся в народных школах. Впервые в России был создан полный комплект учебников и пособий по всем предметам и для всех классов общеобразовательной школы. В общей сложности усилиями Комиссии, в которой главная роль принадлежала Ф.И. Янковичу (11), было подготовлено к изданию свыше 70 учебных книг [57]. В 1786 г. при Комиссии народных училищ были учреждены типография, гравировальная мастерская и картопечатня. Уже в следующем году был выпущен в свет небольшой учебный атлас «Общая и частные карты, принадлежащая к краткому землеописанию Российского государства, изданные для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второя» [58], сопровождавший книгу «Краткое землеописание Российского государства, изданное для народных училищ Российской империи» [59]. Комиссии было предоставлено исключительное право издания учебников и учебных карт и атласов, перепечатывать и продавать которые без ее разрешения запрещалось.

Типография И. Сытина (12) была открыта в Санкт-Петербурге, вероятно, в апреле 1791 г. Среди первых ее изданий — «Российского купца Григория Шелехова странствие в 1783 году из Охотска по восточному океану к Американским берегам» [60], «Атлас Российской империи, состоящий из 45 карт, изданный во граде Святого Петра 1792 года» [61], подготовленное С.И. Плещеевым для учебного пособия по географии России «Плещеево обозрение Российской Империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии» [62], выдержавшее четыре переиздания. В 1793 г. Иван Яковлевич Сытин открыл «по Невскому проспекту в доме католической церкви, что против

милиютиных лавок... новозаведенный» магазин под № 5, занимавшийся книжной торговлей [63].

В 1793 г. в Москве начала функционировать Типография «Селивановского и товарища». Здесь было выпущено «Историческое и топографическое описание первопрестольнаго града Москвы с приобщением генеральных и частных ее планов» (1796) [64]. Уроженец Москвы, С.И. Селивановский учился печатному и словолитному делу в Петербурге, а по возвращении в Москву взял в аренду «вольную» типографию в Зарядье. В 1796 г. после указа Екатерины II о закрытии вольных типографий Селивановский, как и многие другие печатники, покинул Москву и обосновался в Николаеве, вступив в должность смотрителя Черноморской Адмиралтейской типографии, куда его, по рекомендации поэта В.П. Петрова, пригласил адмирал Н.С. Мордвинов. В 1800 г. Селивановский возобновил деятельность в Москве в качестве арендатора Московской Сенатской типографии. Кроме того, после указа 1801 г. о возобновлении работ частных типографий, уже в 1802 г. он открыл и собственную типографию, снабжавшую шрифтами многие российские города и просуществовавшую до 1859 г.

Одним из самых примечательных было издательство И.Ф. Гарткнох (Hartknoch) в Риге, где был напечатан атлас Лифляндии [65]. Иоганн Фридрих Гарткнох Старший (28.09.1740, Гольдап, Вост. Пруссия — 01.04.1789, Рига) в 1763 г. организовал книжную торговлю в Митаве, а переехав в Ригу в 1767 г., основал издательство, ставшее крупнейшим на территории Прибалтики в конце XVIII в. Издавал философские сочинения И. Канта, а также И.Г. Гердера, А.Ф. Бюшинга и др., был посредником между книжными рынками России и Германии [66; 67]. Собственной типографии Гарткнох не имел, печатал в Галле, Лейпциге и др. Так, Атлас Лифляндии «Atlas von Liefland oder von den beiden Gouvernemenrn u. Herzogthumern

Lief- und Ehistland und der Provinz Oesel» 1798 г. напечатан был в Лейпциге.

Еще одно заведение, где было издано несколько картографических произведений, — Типография Московского университета, образованная в 1756 г., через год после его основания. Здесь уделяли особое внимание выпуску учебных пособий, вначале переводных [68], а вскоре уже и российских.

Что касается Военного ведомства, то, как отмечает историк картографии В.С. Кусов, «на протяжении XVIII столетия не отмечено появление какого-либо отдельного военного подразделения, задачей которого было бы только картографирование. Принято считать, что картографическим обеспечением армии занималась служба генерал-квартирмейстера» [69, с. 123]. Лишь в конце XVIII в., когда в 1797 г. возникает императорское Депо карт, на основе которого позднее создается Военно-топографическое депо, появляется первая специализированная продукция, и прежде всего это подробные многолистные карты пограничных с Россией районов Пруссии [70] и Турции [71].

Кроме того, картографические произведения, выполненные по съемкам, проводившимся в том числе и отечественными специалистами, печатались в Амстердаме, в мастерской Хендрика Донкера («Прилежное описание реки Дону или Танаиса, Азовского моря или Езера Меотского, Понта Эуксинского или Черного моря присем приложено изображение Пркопа воеже Илавлу ввести Камышенкою рекою в Волгу или в астраханскую реку... изобретением господина Корнелиа Крейса...» (около 1704)), в Нюрнберге у И.Б. Хоманна (известная двойная карта, на которой показаны новые русские открытия — полуостров Камчатка и Каспийское море в более точных очертаниях (1722)).

Так, в XVIII в. новыми картографическими произведениями комплектовались учебные заведения разного профиля, государственные учреждения, суда

российского флота и уже в самом конце XVIII в. — Военное ведомство. Кроме того, впервые в истории Российского государства карты появились в открытой продаже и таким образом смогли оказаться в личных библиотеках не только членов царской фамилии и их сподвижников, но и других граждан. Однако надо признать, что это было достаточно дорого и не каждому по средствам.

Выше мы остановились кратко на том, как складывался фонд Картографического отделения БАН, образованного в 1925 г. Тогда из разных мест, в том числе из академических институтов, а в первую очередь из других отделов БАН, сюда передавались карты и атласы разного времени. Но вот как складывался картографический фонд Библиотеки, начиная с XVIII в. — очень сложный вопрос.

И если с картографическими документами конца XVIII–XX вв. все более-менее ясно — они поступали в фонд БАН, как сказано, на общих основаниях с книгами, в том числе и по обязательному экземпляру, согласно принятому в 1783 г. закону, а также в дар, по покупке, в составе личных библиотек, по обмену и др., т.е. обычным путем и размещались в Русском и Иностранном отделениях, то что касается ранних отечественных печатных картографических произведений XVIII в., тут дело обстоит сложнее. Карты использовали в работе, учебе, многократно передавали из одного учреждения в другое, делали допечатки, засекречивали, рассекречивали, утрачивали во время пожара, предоставляли во временное пользование и др. Поэтому, несмотря на довольно значительные по тем временам тиражи, до нас дошло не так много экземпляров. Главные вехи этой истории прослежены в нашей статье, посвященной истории формирования картографического собрания БАН [72], однако эта, безусловно, важная тема нуждается в дальнейшем исследовании.

Основная задача нынешнего времени — завершить создание полной БД русских печатных карт XVIII в. в БАН

и предоставить ее для пользования читателям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Переданные тогда сохранявшиеся в Библиотеке нотные издания, в количестве 60 000 ед., в том числе 10 000 библ. ед. старых фондов, до очередной реорганизации структуры Библиотеки находились в Картографическом и отчасти Рукописном отделениях. При ликвидации в 1930 г. Картографического отделения выяснилось, что ноты не были ни систематизированы, ни обработаны и, соответственно, недоступны для читателей. Поэтому по ходатайству Библиотеки в 1934 г. ноты были переданы в ИРЛИ, Ин-т антропологии и этнографии и в Московскую консерваторию [1, с. 408].

2. История структурных изменений, происходивших с Отделом картографии, является предметом отдельного рассмотрения.

3. Известно, что в допетровской России картография была делом сугубо государственным, карты находились в ведении Приказов. Напротив, в Европе с XVI в. работали частные картографические издательства, уже в течение нескольких столетий издававшие карты и атласы значительными тиражами по заказам и для продажи.

4. «Географский чертеж над Ижерскою землей...», подготовительная работа для которого была сделана в Походной гравировальной мастерской П. Пикарта и П. Бунина.

5. Историк Петербурга А.М. Шарымов отмечает, что название «Походная гравировальная мастерская» впервые ввел д.и.н. В.К. Макаров (1885–1970), гл. библиотекарь Отделения эстампов ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне — РНБ), он опубликовал результаты своих исследований по этому вопросу в статье «Из истории Петровской гравюры: (Походная гравировальная мастерская 1703–1704 гг.)» (Книга: исследования и материалы. 1961. Сб. 4. С. 260–274).

6. Напомним, что «гражданская» в данном случае означала — для граждан. Есть сведения и о типографии, организованной в 1715 г. при Морской академии в Петербурге, но о том, какие издания были выпущены в ранние годы, ничего не известно.

7. До этого, в основном, изданное просто раздавали. Бумага поступала из доходов Оружейной Канцелярии и из зарплатных средств, оставшихся после умерших и беглых мастеровых.

8. Которой, однако, Петр I остался не очень доволен.

9. В титуле карт, гравированных Зубовым, надпись «гравировал в Москве» появляется только начиная с карты «Астраханских владений» 1731 г., до этого на его картах место гравирования не указано.

10. С каждой гравированной доски возможно было сделать лишь ограниченное количество четких оттисков, после чего оттиски становились уже размытыми, «слепыми». Кроме того, стоимость медных досок была достаточно высокой, поэтому по истечении надобности гравированное изображение с доски удаляли и на вычищенной доске гравировали что-либо новое. Именно поэтому в 1771 г. в Академии наук было принято решение о том, чтобы сдать в кладовую некоторые «ландкартные доски» по «неимению в них больше надобности при Географическом департаменте», о чем свидетельствует запись в протоколе Комиссии Академии наук от 10 августа 1771 г. (§ 493). Но перед тем, как считать изображение с этих досок, приказано было сделать с них по два оттиска, а с двух имевшихся тогда «кирилловских досок» — Генеральной карты России и Арзамасской провинции — помимо двух экземпляров для Географического департамента, отпечатать еще по 50 экземпляров для Академической книжной лавки, для продажи [47, л. 223; 18, с. 35].

11. Янкович (де Мириево) Фёдор Иванович (1741–1814) — сербский и российский педагог, с 1783 г. член

Российской Академии, один из авторов «Устава народным училищам в Российской империи» (1786), согласно «Уставу», реформирующему школьное образование, руководил разработкой учебных планов сухопутного, морского и артиллерийского корпусов, считал воспитание «единым средством» общественного блага.

12. Пожайлуста, не путать с И.Д. Сытиным!

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. История Библиотеки Академии наук СССР, 1714–1964 / С.П. Луппов, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина и др.; ред. М.С. Филиппов. Москва; Ленинград, 1964. 599 с.
2. *Гнучева В.Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII в. / В.Ф. Гнучева; под ред. А.И. Андреева; отв. ред. Г.А. Князев. Москва; Ленинград, 1946. 446 с. (Труды Архива Академии наук СССР; вып. 6).
3. *Фель С.Е.* Картография России XVIII в. Москва, 1960. 226 с.
4. *Фель С.Е.* Петровские геодезисты и их участие в создании русской картографии XVIII в. // Вопросы географии. Москва, 1950. Сб. 17.
5. *Фель С.Е.* Картография России XVIII века. (Опыт исследования): диссертация на соискание ученой степени доктора технических наук... Москва, 1953.
6. Книга Большому Чертежу / ред. К.Н. Сербиной. Москва; Ленинград, 1950. 232 с.
7. *Шафрановский К.И.* «Атлас Российский», изданный Академией наук в 1745 г. // Природа. 1946. № 5. С. 81–85.
8. *Шафрановский К.И.* Географический департамент Академии наук в 1785 г. // Известия АН СССР. Сер. Геогр. 1951. № 4. С. 35–41.
9. *Шафрановский К.И.* Атлас Каспийского моря Ф.И. Соимонова в Библиотеке академии наук СССР // Известия ВГО. 1952. № 1.
10. *Шафрановский К.И.* Картограф В.О. Киприанов — сторонник системы Коперника // Известия АН СССР. Сер. Геогр. 1953. № 6.
11. *Шафрановский К.И.* Первый научный географический атлас России (к 200-летию выхода в свет) // Вестник АН СССР. 1946. № 4. С. 91–97; *Шафрановский К.И.* «Атлас Российский», изданный Академией наук в 1745 г. // Природа. 1946. № 5. С. 81–85.
12. *Шибанов Ф.А.* О некоторых вопросах из истории картографии Сибири XVII в. // Ученые записки ЛГУ. 1949. № 104. Сер. Геогр. наук. Вып. 5. С. 270–307; *Он же.* Некоторые соображения о русской картографии XVII в. // Изв. ВГО. 1952. Т. 84. С. 313–315.
13. *Шибанов Ф.А.* Чертеж украинским и черкасским городам от Москвы до Крыма // Изв. ВГО. 1952. Т. 84. С. 93–95.
14. *Шибанов Ф.А.* Принципы отбора географических элементов в русской картографии конца XVI и начала XVII веков (по данным Книги Большому Чертежу) // Изв. ВГО. 1953. Т. 85. С. 216–219 и др.
15. *Bagrow L.* Compiler of Russian Atlas, 1689–1737 // Imago Mundi. 1937. II. P. 78–82.
16. *Берг Л.С.* Всероссийский атлас Ивана Кирилова (1726–1734) // Тез. докл. к совещанию по истории естествознания. Москва, 1946. С. 93.
17. *Красникова О.А.* Академик Л.С. Берг — первый исследователь картографического наследия И.К. Кирилова // Наука и техника: Вопросы истории и теории: тезисы XXX Междунар. годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Национального комитета по истории и философии науки и техники (23–27 нояб. 2009 г.) / отв. ред. Э.И. Колчинский. Санкт-Петербург, 2009. Вып. 25. С. 113–114.
18. *Новлянская М.Г.* И.К. Кирилов и его атлас Всероссийской империи / М.Г. Новлянская; под ред. А.И. Андреева, С.В. Шухардина. Москва; Ленинград, 1958. 78 с.

19. *Клепиков С.А.* Неизвестный экземпляр карт из «Атласа Всероссийской империи И.К. Кирилова» // Известия ВГО. 1956. Т. 88. С. 87–89.
20. *Медушевская О.М.* Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во второй половине XVIII в. // Труды Московского Государственного историко-архивного ин-та. Т. 7. Москва, 1954; др.
21. *Медушевская О.М.* Картографические источники XVII–XVIII веков. Москва, 1957. 26 с.
22. [Выставка в БАН картографических изданий] // Труды БАН и ФБОН. 1959. Т. IV. Хроника. С. 389.
23. *Мельникова Т.Н.* Обзор юбилейной выставки в Отделе картографии Библиотеки Академии наук СССР // 250 лет Библиотеке Академии наук СССР: сборник докладов юбилейной научной конференции 25–26 нояб. 1964 г. Москва; Ленинград, 1965. С. 368–373.
24. *Мельникова Т.Н.* Коллекция русских печатных карт, изданных Географическим департаментом Академии наук за период с 1769 по 1791 г. // 250 лет Библиотеке Академии наук СССР: сборник докладов юбилейной научной конференции 25–26 нояб. 1964 г. Москва; Ленинград, 1965. С. 131–141.
25. *Мурзанова М.Н.* Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук: карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра I / М.Н. Мурзанова, В.Ф. Покровская, Е.И. Боброва. Москва; Ленинград, 1961. 289 с.
26. Русские географические атласы: XVIII век: сводный каталог / сост. Н.В. Лемус, сост. указ. В.Н. Тимина. Л., 1961. 243 с.
27. Архив БАН. ... Оп. 3. № 616. Перспективный план работы на 1959–1965 гг.
28. Архив БАН. ... Оп. 3. № 895. С. 85.
29. *Утин Г.Н.* Новое о собраниях русских карт первой половины XVIII века в Париже // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1981. № 2. С. 126–131.
30. *Красникова О.А.* Русские гравированные карты XVIII века: база данных // Историография и источниковедение Отечественной истории: сборник научных статей и сообщений / под ред. д.и.н. Н.И. Приймак, д.и.н. Э.В. Летенкова; редкол.: Л.В. Завьялова, С.Г. Кащенко и др.; СПбГУ. Исторический факультет. Кафедра источниковедения истории России. Санкт-Петербург, 2001. С. 290–294.
31. *Макаров В.К.* Русская светская гравюра первой четверти XVIII века: аннотированный сводный каталог. Ленинград, 1973. 367 с.
32. *Наврот М.И.* Каталог гравированных карт России XVI–XVIII вв. и репродукций с них, хранящихся в Отделе исторической географии и картографии Государственного Исторического музея // История географических знаний и историческая география. Этнография. 1970. Т. 4. С. 39–43.
33. *Isnard A.* Joseph-Nicolas Delisle, sa, biographie et sa collection de cartes géographiques a la Bibliothèque nationale, par M. Albert Isnard, bibliothécaire principal à la Bibliothèque nationale / A. Isnard. Paris, 1915. (Extrait du Bulletin de la Section de géographie du Comité, 1915).
34. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2314. Л. 1–48; Оп. 10. Д. 184; СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 338. Л. 105–108; Оп. 10. Д. 183.
35. *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв.: с 720 фототип. и 210 цинкограф. в тексте: [в 2 т.] / сост. Д.А. Ровинский; авт. предисл.: Н. Собко. (Посмертн. изд.). Санкт-Петербург, 1895. Т. 1: А–И. [6] с., 344, 448 стб.: ил.; 1 л. фронт. (портр.); Т. 2: К–Ө. [2] с., 449–1248 стб.: ил.
36. От шведского города к российской столице: о чем рассказывают карты и планы XVII–XVIII веков: Каталог выставки / С. Семенов, У. Эренсверд, О. Красникова, Б. Гефферт, Т. Мазур, Г. Бээрнхильм, Т. Шрадер. Санкт-Петербург: Эклектика, 2003. 47 с.
37. *Макаров В.К.* Из истории Петровской гравюры: Походная гравировальная

мастерская. 1703–1704 гг. // Книга. Исследования и материалы: Сб. 4. Москва, 1961.

38. *Тонкова Р.М.* Петербургские типографии первой четверти XVIII в., включая академическую. (Деятельность их до возникновения частных типографий 1711–1771 гг.) // Тр. Ин-та книги, документа, письма. Ленинград, 1936. [Кн.] 5. С. 111–135.

39. *Гаврилов А.В.* Очерк истории Санкт-Петербургской Синодальной типографии: 1711–1839. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1911.

40. *Красникова О.А.* Петр I, Синодальная типография и картографические произведения // Петровское время в лицах — 2003: краткое содержание докладов науч. конф., посвящ. 300-летию основания Санкт-Петербурга / редкол.: Г.В. Вилинбахов, В.В. Мещеряков, И.В. Саверкина; Гос. Эрмитаж. Санкт-Петербург, 2003. С. 62–68.

41. *Соловьев А.* Государев Печатный двор и Синодальная типография в Москве: историческая справка. Москва, 1903. 104 с.

42. *Княжецкая Е.А.* Новое о карте Каспийского моря К.П. Вердена // Известия ВГО. 1970. Т. 102. № 3. С. 271–277.

43. *Гаврилов А.В.* Очерк истории С.-Петербургской синодальной типографии: Вып. 1. Санкт-Петербург, 1911. Вып. 1: 1711–1839. [516] с. разд. паг., 13 л. ил., портр.: ил., табл.

44. Ведомость книгам, продававшимся в Петербурге: прил. к труду П.П. Пеккарского: Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. Описание славяно-русских книг и типографий. Санкт-Петербург, 1862. С. 681.

45. *Новлянская М.Г.* Иван Кириллович Кирилов, географ XVIII века / М.Г. Новлянская; отв. ред. А.В. Предтеченский. Москва; Ленинград, 1964.

46. Материалы для истории Императорской академии наук. Санкт-Петербург: Тип. Имп. АН, 1885–1900. Т. 3: (1736–1738). 1886. II, 898 с.

47. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 542.

48. *Свенске К.К.* Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного Императорскою Академиею наук в 1745 г. Санкт-Петербург, 1866. С. 110. (Записки Императорской Академии наук. Т. 9. Прил. № 2).

49. *Мишина Е.А.* Гравировальная мастерская Морской типографии в XVIII веке. Санкт-Петербург, 2014. С. 33–55. URL: <https://docplayer.ru/65900483-Gravirovalnaya-masterskaya-morskoy-tipografii-v-xviii-veke.html> (дата обращения: 24.07.2019).

50. Атлас Каспийского моря / сост. Ф.И. Соймонов. Т. 1. Санкт-Петербург, 1731. 8 л. грав. карт.

51. [*Соймонов Ф.И.*] Светильник Морской сочиненный повелением всепресветлейшия... Анны Иоанновны самодержицы всероссийския — то есть описание Восточного или Варяжского моря. От Санктпетербурга к западу, с южную и восточную стороны; Ингерманландии, Эстландии, Лифландии, Курландии, Пруссии, Померании. А по северную и западную стороны: Карелии, Финляндии, Лапландии, Швеции, Шхоны, чрез Зунт к Шхагерраку до Северного моря, положение берегов и островов форватера в заливах и в портах, глубины и грунты и виды знатных мест; которое с галанскаго на российской язык, переведено и что от российских мореплавателей, чрез многие лета обсервовано и описано было, к тому же при общено и по определению Государственной Адмиралтейской коллегии напечатан в Морской Академической Типографии в Царствующем Санктпетербурге Лета Христова МССXXXVIII. Кн. 1. Санкт-Петербург, 1739.

52. [*Нагаев А.*] Атлас всего Балтискаго моря с финским и ботническим заливами, с Шхагерраком, Категатом, Зундом и Белтами в генеральных морских и специальных картах состоящей в котором всего Балтийского моря разных сочиненный морские карты собраны, рассмотрены и российскими плавателями на истинные между мест компасные румбы и

дистанции приведены... По указу ея императорского величества из государственной адмиралтейской коллегии ноября от 11 дня 1746 года вновь списаны, вымерены, и в истинных положениях их... Флота капитаном первого ранга Алексеем Нагаевым. Вырезыванием к печати на досках окончены 1752 г. Печатан при Адмиралтейской коллегии в Типографии морского шляхетного кадетского корпуса Апреля дня 1756 года. Санкт-Петербург, 1756.

53. Атлас Архипелага, содержащий в себе карты: одну генеральную, шесть частных, пятьдесят одну разных заливов, гаваней, проливов и других мест выгодных для лежания на якорю; с присокуплением трех карт Сирских берегов. Сочинен по указу государственной адмиралтейской коллегии, при ея чертежной, под смотрением и руководством вице-адмирала и кавалера Ивана Голенищева-Кутузова, флота капитаном Вилимом Фондезином и лейтенантом Иваном Берсеновым. Санкт-Петербург, 1788.

54. Морские частные карты Корельских и Финляндских берегов от Санкт-Петербурга до Стокгольма изъясняющие входы в порты и фарватеры между шхер и мелей. Напечатаны по указу Гос. Адмиралтейской Коллегии при типографии Морского Шляхетного Кадетского Корпуса, гридировал Георг Унферцахт. Санкт-Петербург, 1789.

55. Атлас Калужского наместничества, состоящего из двенадцати городов и уездов, обмежеванного в благополучное царствование... императрицы Екатерины Алексеевны II... утвержденным от ея императорского величества к пользе и спокойствию верноподданных ея государственным земель размежеванием. Напечатаны как сей Атлас так описания и алфавиты по определению и руководству учрежденной над делами по государственному размежеванию правительствующего сената межевой экспедиции. Сочинено все посредством межевой канцелярии под особым распоряжением и попечением...

генерал-прокурора князя Вяземского. Санкт-Петербург, 1782.

56. *Вильбрехт* А. Российский атлас из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества империю разделяющий 1792 г. / соч. А. Вильбрехт; грав.: А. Савинков, И. Леонов; вырез. Т. Михайлов; сочин. гравир. и печат. при Горном Училище. Санкт-Петербург, 1792.

57. *Зуева* М.А. Создание и деятельность Комиссии народных училищ при Екатерине II // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2013. № 1 (77) Ч. 2. С. 83–89.

58. Общая и частные карты, принадлежащая к краткому землеописанию Российского государства, изданные для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующия императрицы Екатерины Вторыя. Т. 1. Санкт-Петербург, 1787. 9 л. грав. раскраш. карт.

59. Краткое землеописание Российского государства, изданное для народных училищ Российской империи» / сост. И.Ф. Гакман; пер. с нем. и перераб. Ф.И. Янкович-де-Мириево. Санкт-Петербург, 1787.

60. [*Шелехов* Г.И.] Российскаго купца именитаго рыльского гражданина Григорья Шелехова первое странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному океану к Американским берегам, и возвращение его в Россию: с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кыктака и Афагнака, до коих не достигал и славный аглинский мореходец капитан Кук: И с приобщением описания образа жизни, нравов, обрядов, жилищ и одежд обитающих там народов, покорившихся под Российскую державу: также климат, годовыя перемены, звери, домашния животныя, рыбы, птицы, земныя произрастения и многие другие любопытные предметы там находящиеся, что все верно и точно описано им самим: С географическим чертежем, со изображением самага мореходца и найденных им диких людей /

История библиотек и коллекций

Иждивением В[асилия] С[опикова]. Во граде св. Петра: [Тип. Сытина], 1793. [2], 172, [4] с., 1 л. карт., [1] л. фронт.

61. Атлас Российской империи, состоящий из сорока пяти карт, изданный во граде Святого Петра 1792 года. Санкт-Петербург: Тип. И. Сытина, 1792. 1 тит. л., 44 л. грав. карт.

62. [Плещеев С.И.] Обзорение Российския Империи в нынешнем ея новоустроенном состоянии, учиненное флота Капитаном, Ордена Святого Георгия Кавалером Сергеем Плещеевым. В Санктпетербурге: Печатано в Типографии у Шнора, 1787. 190, [30] с.

63. *Степченков Л.* Смоленский печатник Иван Сытин // *Родина*. 2013. № 9. С. 84–87.

64. Историческое и топографическое описание первопрестольнаго града Москвы с приобщением генеральных и частных ее планов. Москва, 1796.

65. Atlas von Liefland oder von den beiden Gouvernementrn u. Herzogthumern Lief- und Ehistland und der Provinz Oesel. Entworfen nach geometrischen Vermessungen, den neusten astronomischen Beobachtungen und nach sorgfaeltiger Untersochung und Kenntnis der Gegenden. Das Ganzebestehtauseiner Generalkarte und 14 Kreis-Karten. Von Ludwig August Graf Mellin. Gezeichnet von Johann Wilhelm Krause. Riga; Leipzig, 1798.

66. *Зайцева А.А.* Книготорговая деятельность Гарткнохов и Петербургская

Академия наук // *Изв. АН Латв. ССР*. 1990. № 4.

67. *Савельева Е.А.* Издательская фирма Гарткнохов и ее публикации о России // *Изв. АН Латв. ССР*. 1990. № 4.

68. Детский атлас или новый доказательный способ к учению географии, исправленной и умноженной Филиппом Генрихом Дильтеем, обоих прав доктором и профессором публичным юриспруденции и истории переведен под руководством того же проф. с французского на российский язык. Т. 1–6. Москва, 1768–1778.

69. *Кусов В.С.* История познания Земель Российских: книга для учителя. Москва, 2002. 232 с.

70. Подробная милитерная карта по границе России с Пруссиею. Санкт-Петербург, 1799. 14 л.

71. Подробная милитерная карта по границе России с Турциею. Сочинена и гравирована при Собственном е.и.в. депо карт. Санкт-Петербург, 1800. 12 л.

72. *Красникова О.А.* Материалы к истории формирования картографического собрания Библиотеки Российской академии наук в XVIII – начале XX вв. // Академия наук в контексте историко-научных исследований в XVIII – первой половине XX в.: исторические очерки / отв. ред. Ю.М. Батулин; ред.-сост. Г.И. Смагина. Санкт-Петербург, 2016. С. 116–178.

ВЫЯВЛЕНИЕ И ПЕРВИЧНОЕ ОПИСАНИЕ ГАЗЕТ ИЗ СОБРАНИЯ П.А. СЫРКУ В ФОНДАХ БАН

АННОТАЦИЯ

В Библиотеке Российской академии наук продолжается работа по выявлению изданий, происходящих из личных библиотек выдающихся деятелей науки и культуры. Статья посвящена небольшой части библиотеки отечественного славяноведа П.А. Сырку. В ходе работы были обнаружены газеты, относящиеся к этому собранию.

Ключевые слова: Полихроний Агапиевич Сырку (1855–1905), личные библиотеки, Библиотека Российской академии наук, славяноведение.

Структура фондов Библиотеки Российской академии наук (далее — БАН) за свою историю претерпевала ряд изменений, отвечая на вызовы времени. В настоящее время мы существуем в системе фондов и обслуживания читателей, которая сформировалась в середине XX в. Но вместе с тем, работая с изданиями предшествующего периода, изучая историю фондов, мы должны помнить об иной структуре функционирования библиотеки.

В статье пойдет речь о находках, которые были сделаны в Газетном фонде БАН в ходе работы по выявлению фрагментов личного собрания, принадлежавшего П.А. Сырку. Методология поисков опирается на архивный документ «Книга поступлений III Славянского отделения библиотеки за 1906–1908 гг.» (далее — КП) [1, с. 6]. В процессе работы с этим документом было выявлено пятнадцать наименований газет и иных периодических изданий, поступивших в Славянское отделение БАН в составе собрания П.А. Сырку. Из них пять наименований были обнаружены в коробочном хранении Газетного фонда БАН в 2017 г. Интересной находкой стал номер газеты «Вольнь» (1899, № 100) — шестое наименование, указанное в документе учета, — представленный в репертуаре Газетного

фонда БАН в составе годовой подшивки, оформленной в академический переплет. Этот экземпляр мы относим к реконструированной части собрания, так как он не имеет внешних признаков библиотеки П.А. Сырку. Такая реконструкция позволяет, в последующем, если не обнаружить недостающие наименования, то сохранять надежду на выявление самих наименований газет и журналов в иных коллекциях и собраниях.

При описании выявленных экземпляров, которые в общей сумме составляют восемь с половиной единиц хранения, первое, на что мы обратили внимание, это номера по КП (Славянского отделения). Исходя из информации, указанной в числителе дроби номера КП, мы можем сделать вывод о регистрации этих изданий в 1906 г. В этом же году была зарегистрирована значительная часть изданий из собрания П.А. Сырку, хранящихся в Славянском фонде БАН [1, с. 12]. Отдельные издания были внесены в КП дважды и имеют, помимо числителя дроби, номера по КП «1906», также встречается «1928» (с формулировкой: «из нешифрованного фонда Русского(!) отделения») и «1929» (с формулировкой: «из нешифрованного фонда»). Выявленные экземпляры не имеют владельческих надписей или иных помет, связывающих

их с П.А. Сырку. Некоторые экземпляры сохранили знаки почтовой оплаты и штампы.

Представленные издания можно разделить по языковому принципу, это: три издания на болгарском, по одному на русском и русинском языках:

1. *Свобода = La Liberté. София, 1887. Г. 1. Бр. 50. (25 апрел.)*. Выходила на болгарском и французском языках в Софии. В начальном периоде (1886–1887 гг.) издание поддерживало программу регентства во главе со Стефаном Стамболовым, затем стало органом Национальной либеральной партии (С. Стамболова). Авторы материалов выступали с подчеркнутой патриотической линией, направленной на переориентацию внешней политики Болгарии на Австро-Венгрию, против влияния России в Болгарии.

Экземпляр П.А. Сырку содержит почтовый штамп (от 5 мая 1887 г.), следы цензуры (раздел: Руските вестници). Дата регистрации в КП — 1906 г.

2. *Зорница: семичен вестник. Цариград, 1887. Г. 1. Бр. 22 (25) (23 юн., вторник); Бр. 41(44) (3 ноемв., вторник)*.

Выходила на болгарском языке в Цариграде (Стамбуле), издавалась американским евангелистическим обществом (1). Первый номер журнала «Зорница» вышел в 1864 г. Издание стало ежемесячным. С января 1876 г. журнал был переориентирован на подростков и превращен в еженедельную газету с тем же заглавием. «Зорница» являлась одним из самых важных болгарских СМИ в XIX в., контекстуальный и издательский стандарт которых является основой современных болгарских СМИ [2]. Во время русско-турецкой войны «Зорница» была единственной газетой на болгарском языке в Османской Турции, которая давала информацию о ходе военных действий [3, с. 342].

Экземпляр П.А. Сырку содержит цветной штамп на бумаге, язык османский турецкий (старо-турецкий). Был зарегистрирован в КП дважды, в 1906 и 1928 гг.

Наше внимание привлёк цветной штамп на бумаге с надписью на османском турецком языке. Первоначальное предположение о назначении этого знака было связано с существовавшей цензурой для подобного рода печатных изданий. Но обратившись за помощью к специалисту по данной тематике доктору истории Университета Сакарья Т. Сибаша (Turgut Subaşı) (2), мы получили пояснение, что данный штамп не связан с цензурой султана Абдул-Хамида II. Назначение его более прозаическое, этот штамп маркирует рекламные объявления. Надпись на османском турецком языке: «Gazete ve îlâna Mahsûs Pul. 2 Para.» можно перевести на русский как: «Специальный штамп для газет и рекламных объявлений. 2 Пара» (3).

3. *Балканска Зора: еженевен вестник. Пловдив, 1890. Г. 1. Бр. 11. Вторник. (13 март); Бр. 12. Среда (14 март); Бр. 40. Четвъртък (19 апрел.); Бр. [880]*.

Выходила на болгарском языке в Пловдиве. В первые годы, когда ответственным редактором был Харитон Геннадиев, газета поддерживала беспартийную либеральную линию. В это время в газете публиковались литературные произведения — фельетоны, мемуары и т.д.

С 1891 г. редактором стал его брат — Никола Геннадиев, с этого времени в газете публиковались материалы, критикующие правительство Стефана Стамболова. Н. Геннадиев вступает в полемику с правительственным органом — газетой «Свобода» (орган народно-либеральной партии С. Стамболова).

Экземпляр П.А. Сырку содержит бумажные наклейки, почтовые штампы города Тырново. В БАН сохранился дефектный экземпляр «Бр. [880]» за 1890 г. (л. 3–4), владельческие знаки отсутствуют. Дата регистрации в КП — 1929 г.

4. *Галицкая Русь. Львов, 1892. № 192. 26 авг. (7 сент.)*. Выходила на русском языке в Львове. Информации об истории этого печатного органа сохранилось немного: газета относилась к «москвофильскому» направлению, выходила в 1891–1892 гг., но вскоре была запрещена. С 1893 г.

стала выходить газета «Галичанин», отражавшая сходные идеи.

Экземпляр П.А. Сырку не имеет владельческих знаков, марок, знаков почтовой оплаты. Дата регистрации в КП — 1906 г.

5. *Буковина: часопись политична и наукова для народа руского. Черновцы, 1887. Р. 3. (16 Лют. (28 л. Фебр.)). Ч. 4.*

Выходила на русинском языке в Черновцах. Печаталась с перерывами в 1885–1918 гг. (сначала два раза в месяц, с 1892 г. — как еженедельник, с апреля 1895 г. — четыре раза в неделю, а с начала 1896 г. — ежедневно). Интересен язык издания, газета выходила сначала с этимологическим правописанием, а с 1888 г. — с фонетическим.

Экземпляр П.А. Сырку не имеет штампов и надписей. Дата регистрации в КП — 1929 г.

Таким образом, в небольшой части собрания П.А. Сырку мы обнаруживаем множество свидетельств времени, таких как почтовые и рекламные штампы, следы цензуры. Также стоит отметить уникальность некоторых экземпляров, обнаруженных нами в каталогах библиотеки Болгарской академии наук [4, с. 46, 90]. В завершении этого предварительного обзора изданий, выявленных в газетном фонде БАН, нельзя не отметить, что для П.А. Сырку эти издания были не предметом коллекционирования, редкостями, а являлись полноценными рабочими инструментами. Так, в своем письме В.И. Ламанскому из Тырнова от 14 сентября 1878 г. он очень критично высказывался о значимости газеты «Зорница» для болгарского народа: «...в Цариграде американское общество протестантов издает газету „Зорница“, которая выходит довольно давно, но она, впрочем, не имеет никакого значения для болг[арского] общества» [5, с. 148, 150]. А в письме от 2 апреля 1890 г. Хр. Попконстантинову настойчиво просит прислать номер газеты «Свобода», необходимый для работы над одним из своих трудов: «Сейчас прошу Вас немедленно послать мне № 256 (29. III) газеты „Свобода“, где есть

очень важное историческое открытие о болгарях, потому что мне очень нужны записки царя Шишмана сейчас вскоре, когда я хочу отметить новые известия в моем сочинении, которое уже в печати» [5, с. 296].

Указанные выше свидетельства позволяют нам сделать вывод о том, что издания «Зорница», «Свобода» и др. входили в состав рабочей библиотеки П.А. Сырку, и особенно важно, что мы можем исследовать эти экземпляры в фондах БАН в настоящее время.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Распространение протестантизма в Османской империи и Болгарии начинается в 1830-е гг., когда была основана первая американская протестантская миссия в Стамбуле.

2. Автор выражает благодарность д-ру Turgut Subaşı и С.А. Жабревой за своевременное указание на этот факт.

3. (Пара — наименьшая валюта, используемая в период Османской империи. В 1844 г. 1 пара = 4000 лиры.)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сырку Полихроний Агапиевич (1855–1905): к 160-летию со дня рождения: каталог выставки / БАН; сост.: М.В. Колмакова, Д.Ю. Чернышенко; отв. ред. Н.В. Колпакова. Санкт-Петербург, 2016. 64 с.

2. *Донев Д.К.* Вестник «Зорница» [Электронный ресурс] // Protestantstvo.com. [Сайт]. [2018]. URL: <http://protestantstvo.com/140-godini-vestnik-zornitsa> (дата обращения: 24.09.18).

3. Български периодичен печат (1844–1944): анотиран библиографски указател. Т. 1: А–М. София, 1962. 503 с.

4. Български периодични издания в библиотеке на българската академия на науките. 1844–1944: каталог / сост.: М.И. Аргирова-Герасимова и др. София, 2007. 144 с.

5. *Герд Л.А.* П.А. Сырку в Болгарии (1878–1879) / Л.А. Герд, А.Н. Николов. София, 2012. 429 с.

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (БАН).

Хроника военных лет, январь–апрель 1944 года

АННОТАЦИЯ

На основе архивных документов официального характера, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) и в архиве БАН (приказы, лицевые счета по заработной плате, переписка с различными учреждениями), составлена хроника событий, свидетельствующих о бытовании библиотеки на всем протяжении Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, Великая Отечественная война, блокада, Ленинград, хроника.

Материалы за первые четыре месяца 1944 г. свидетельствуют об активизации всех основных технологических процессов в БАН; возобновляется работа закрытых с началом Великой Отечественной войны отделов; БАН участвует в восстановлении разрушенных и расхищенных на оккупированных территориях библиотек; было принято решение и началась передача в структуру БАН бронированного фонда АН СССР; решается вопрос о восстановлении Лаборатории консервации и реставрации документов; ведется активная работа по эвакуации квалифицированных библиотечных кадров и привлечению новых библиотекарей для работы в БАН.

Январь–апрель 1944 года

1 января. В составе БАН числится 12 библиотек ленинградских академических институтов: Астрономического института (АИ), Ботанического института им. В.Л. Комарова (БИН), Зоологического института (ЗИН), Института востоковедения (ИВ), Института истории материальной культуры (ИИМК), Института литературы / Института русской литературы (Пушкинский Дом) (ИЛИ/ИРЛИ), Института языка и мышления им. Н. Я. Марра (ИЯМ), Института этнографии (ИЭ), Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ), Музея истории религии (МИР), Физиологического института им. И.П. Павлова (ФИН), Главной астрономической обсерватории (ГАО); всего работающих в БАН вместе с библиотеками ленинградских институтов — 61, в т.ч. научных сотрудников —

43 (старших научных сотрудников — 29, младших научных сотрудников — 14), административно-управленческого персонала (АУП) и младшего обслуживающего персонала (МОП) — 18 [1, л. 32–33; 2, л. 174–179].

В бюро по распределению рабочей силы представлены сведения о положении дел в БАН: числится всего — 66 чел., из них инженерно-технических работников (ИТР) — 33, служащих — 19, МОП — 14; фактически работает — 52, в долгосрочных командировках — 5 (Москва — 2, Ташкент — 1, Сталинабад — 1, Боровое — 1); больных — 6, работающих в другом районе — 3; женщины в возрасте от 17 до 50 лет — 43, свыше 50 лет — 18, детей до 4 лет — 2; мужчин в возрасте от 17 до 55 лет — 2, свыше 55 лет — 3 [2, л. 180].

Заведующий отделом обслуживания Г.М. Лукомская увольняется, на ее место назначена В.М. Римская-Корсакова [2, л. 170; 3, л. 92].

Переводятся: О.И. Корсеева — в грузчики, М.П. Васильева — на должность заведующего личным столом с возложением обязанностей «только табельщицы» [4, л. 5].

Подведены итоги выполнения социалистических обязательств, «взятых на себя сотрудниками БАН в ответ на приказ тов. Сталина от 6 ноября 1943 г.»: *по отделу обслуживания*: Э.А. Козак обязалась привести в порядок литературу, хранящуюся в комнате № 42 и предназначенную для законсервированных библиотек Ленинграда и Москвы; А.А. Пентегова написала 79 писем с «требованием погасить задолженность старым должникам-читателям»; Г.А. Маркова проверила работу трех передвижек; М.К. Леонова ликвидировала задолженность БАН по абонементу Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) (из 47 книг передано 35); Л.М. Гаркави систематизировала около 5 тыс. карточек картотеки справок; М.А. Магнус привела в порядок литературу, поступившую для читального зала в 1941–1943 гг., составила картотеку поступающих периодических изданий и список лакун журналов и газет, который передала в отдел комплектования; *по отделу хранения*: выполнены коллективные обязательства (П.Г. Спица, А.И. Царева, Е.А. Егоркина, Е.В. Боброва, А.А. Петрова) по проверке расстановки книг и выписке шифров утерянных книг из магазина № 10 с дальнейшей передачей этих сведений для работы отделу отработки; *по отделу комплектования*: написаны акты на часть книг из книжного фонда, составлен список лакун журналов, подобраны накладные на получение книг из Москвы, отмечены в карточках поступления газет за 2-е полугодие 1943 г. (М.А. Богдзевич, И.С. Алитовская, З.В. Зарубина, Т.Н. Дмитриева, А.М. Фридлендер); *по отделу обработки*: ввиду болезни большинства сотрудников

проверка выполнения обязательств не проводилась (М.С. Шерина, М.В. Радзинская, А.В. Петровская, Н.Н. Полянская); *по научно-библиографическому отделу (НБО)*: Б.В. Дитман, Д.Л. Марголина, О.П. Каменоградская, А.М. Лукомская, В.М. Римская-Корсакова, О.В. Федорова должны просмотреть по 6 годовых комплектов общих журналов за 1936–1941 гг. для отбора материала по разделам темы «Производительные силы Севера Европейской части СССР». Работу выполняют пока только О.П. Каменоградская и А.М. Лукомская, Б.В. Дитман — в командировке, О.В. Федорова только что вернулась из Дома отдыха, до болезни часть работы успели сделать Д.Л. Марголина и В.М. Римская-Корсакова; *по каталогу*: в ходе выполнения коллективного обязательства (Е.И. Винтергальтер, В.М. Римская-Корсакова, З.П. Горюнова) об отметке 725 утерянных книг сделаны отметки на каталожных карточках, написание карточек на эти книги для дальнейшего докомплектования и изготовления карт-заместителей на места утраченных книг для отдела хранения должно быть выполнено к 23 февраля; *по административно-хозяйственному отделу (АХО)*: почти завершена работа по «зафанериванию» книжных шкафов в коридорах 2 и 3 этажей в ЛОИИ; *по сети*: ИЯМ (А.В. Петровская): составлена картотека на утерянные книги (невозвращенные читателями, погибшими на фронте, во время блокады и эвакуированными); ЛОИИ (Полянская Н.Н.): составлен список утерянных книг по шифру 1, написано 175 карточек для «временной картотеки библиотеки акад. С.А. Жебелева»; ИИМК (В.Н. Денемарк, О.И. Бич): завершена расстановка книг, перенесенных из помещения библиотеки в здание института, составлен список книг, подлежащих списанию как невозвращенные читателями. Продолжалась работа всего коллектива по описанию библиотеки акад. А.А. Ухтомского. Выполнено на 50% (срок до 8 марта 1944 г.) [5, л. 10–12].

2 января. Запись в дневнике дежурного: артобстрел района с 11.35 до 11.54 и с 14.25 до 15.15 [6, л. 30 об.].

3 января. Заведующий отделом обработки старший библиотекарь М.С. Шерина находится в отпуске по болезни без сохранения содержания до 17 января, временное исполнение обязанностей зав. отделом возложено на библиотекаря 1 разряда М.В. Радзинскую [4, л. 1].

4 января. БАН просит горисполком разрешить командировку А.А. Петровой в г. Галич Ярославской области для «выяснения вопроса о библиотечных кадрах и книжной задолженности» [2, л. 173].

5 января. Запись в дневнике дежурного: артобстрел района с 20.05 до 20.20 [6, л. 31].

6 января. Запись в дневнике дежурного: артобстрел района с 13.25 до 13.42 [6, л. 31].

БАН просит Сектор сети спец. библиотек АН СССР присылать «бандеролями медицинскую литературу для обслуживания основной группы читателей — военных врачей» [7, л. 204].

7 января. Главному библиотекарю Б.В. Дитману предоставлен отпуск по 1 февраля с правом выезда в г. Бежецк по семейным обстоятельствам (тяжело больна жена) [2, л. 169; 4, л. 2].

БАН просит Дом ученых (ЛДУ) предоставить место в Доме отдыха Ю.П. Кирпичевой [2, л. 168].

8 января. БАН просит городское управление по учету и распределению прокарточек выдать В.К. Табор карточку 1-й категории, т.к. она «проводит огромную работу по обслуживанию не только 12-ти научных учреждений Ленинграда, но и наших отделений, находящихся в Ташкенте и Москве» [8, л. 113].

БАН просит Василеостровский райторг выдать на январь табачных талонов на 59 человек [8, л. 114].

10 января. На общем партийном собрании членов и кандидатов ВКП(б) Ленинградских учреждений АН СССР заслушан отчет начальника Ленинградского административно-хозяйственного

управления АН СССР (ЛАХУ), исполняющего обязанности уполномоченного Президиума АН СССР М.Е. Федосеева о работе в 1943 г.: большинство ученых эвакуировалось из Ленинграда, бытовые условия хорошие, с сентября 1942 г. повышена зарплата, с 1 августа увеличились пайки для старших научных сотрудников и главных библиотекарей, выделены дополнительные карточки на обед. Заместитель директора БАН В.М. Тамань в своем выступлении, дополняя основной доклад, сообщила о том, что библиотека работала над библиографией «Производительные силы Севера Европейской части СССР», а также «является единственным учреждением, которое готовит библиотечки для воинских частей и санитарных учреждений». В принятом решении особо отмечена роль БАН, которая «проделала большую работу, имеющую оборонное значение, справилась с задачами по хранению научных материалов». Предложено «поставить перед Президиумом АН СССР вопрос о необходимости организовать работу по учету бронированного фонда изданий АН» [9, л. 1–17].

11 января. Начальник ЛАХУ М.Е. Федосеев информирует Президиум АН СССР о состоянии дел с передачей бронфонда и предлагает ввести в штат БАН дополнительно 7 единиц, назначить заведующим бронфондом З.И. Савинову, старейшего работника издательства [10, л. 3].

Комиссия в составе уполномоченного МИАК (так в документе. — *Автор.*) С.А. Красковского, старшего научного сотрудника ИИМК В.А. Петрова, заместителя директора БАН В.М. Тамань, уполномоченного ИЛИ/ИРЛИ В.А. Мануйлова, уполномоченного ЗИН Л.А. Портенко, заведующего архивом ИЛИ/ИРЛИ М.И. Стеблин-Каменского и заведующего музеем ИЛИ/ИРЛИ В.М. Глинки осмотрела помещения хранилищ ИЛИ/ИРЛИ. По библиотеке отмечалось, «что общие условия хранения удовлетворительны. Повышенная

влажность наблюдалась в расположенных у наружной стены шкафах с изданиями М.Ю. Лермонтова, в помещении лонгиновского собрания и в помещении с поступлениями новых изданий, в последней в связи с недавним выпадением стекол, замененных фанерой» [11, л. 1].

12 января. На уборку снега направлен 21 человек [2, л. 166].

Начальник ЛАХУ М.Е. Федосеев просит освободить от всяких нагрузок главного бухгалтера В.М. Табор, работающую без помощника и готовящую годовой отчет [18, л. 1].

13 января. В БАН издан приказ об усилении ответственности при несении дежурств по охране объекта МПВО БАН [4, л. 3].

БАН просит Политуправление Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) откладывать для Библиотеки по два экземпляра всех изданий Военно-Морского Флота [7, л. 203]. Политуправлению КБФ передано «в безвозвратное пользование 1000 книг, преимущественно беллетристических». Отбор производила П.Г. Спица [7, л. 202; 13, л. 40].

БАН сообщает в Москву К.И. Шафрановскому, что Д.Л. Марголина приехать не может по состоянию здоровья [2, л. 165].

15 января. БАН направляет Е.И. Винтергальтер и Н.Н. Полянскую, «находящихся на казарменном положении», на прием к врачу «для определения их кровяного давления и дальнейшего направления в ночной санаторий, в который у нас уже имеются путевки» [2, л. 164].

17 января. На производственном совещании заведующих отделами (В.М. Тамань, П.Г. Спица, Э.А. Козак, М.А. Богдзевич, М.В. Радзинская) обсуждалась организация работы в книжном фонде: определен порядок разбора книг (русские, иностранные, XVIII века, рукописные, оттиски, справочники, периодика), передачи в соответствующие фонды и их учета; организация работы с библиотекой Федорова (Иниц. не уст. — *Авт.-сост.*) — поручена П.Г. Спице и М.А. Богдзевич:

книги, хранящиеся в переплетной, разобрать, отобрать «наиболее актуальные и ценные книги для БАН и передать в отдел комплектования», остальные — в резервный фонд [13, л. 37–38].

А.А. Петрова направлена в г. Галич Ярославской области «по вопросу комплектования штатов Библиотеки и ликвидации книжной задолженности сроком на 1 месяц» [2, л. 163, 167, 171].

18 января. Комиссия в составе уполномоченного МИАК С.А. Красковского, старшего научного сотрудника ИИМК В.А. Петрова, заместителя директора Архива АН (Архив) М.В. Крутиковой, уполномоченного ЛОИИ К.Н. Сербиной осмотрела помещения хранилищ ЛОИИ. Установлено «наличие несколько увлажненных фондов магазина № 1 <...> обгоревшие фонды монтированы в обложки из толстой синей бумаги, их дальнейшая сохранность не возбуждает сомнений» [11, л. 2].

19 января. В Москву передан с Б.Ю. Шипило ящик с книгами, в котором 187 книг для московской сети и 80 книг, закупленных для ФБОН. Всего 267 ед. [7, л. 200–201].

21 января. Комиссия в составе уполномоченного МИАК С.А. Красковского, старшего научного сотрудника ИИМК В.А. Петрова, уполномоченного ЛОИИ К.Н. Сербиной, уполномоченного ЗИН Л.А. Портенко, уполномоченного ИВ А.Н. Болдырева осмотрела помещения хранилищ ИВ. По библиотеке отмечалось, «что условия хранения хорошие <...> обращает внимание особая тщательность в ликвидации последствий повреждений от артобстрелов и внимательное отношение к сохранению ценнейших фондов» [11, л. 3].

Комиссия в составе уполномоченного МИАК С.А. Красковского, старшего научного сотрудника ИИМК В.А. Петрова, заместителя директора БАН В.М. Тамань, уполномоченного ЛОИИ К.Н. Сербиной, уполномоченного ЗИН Л.А. Портенко осмотрела в БАН помещения магазинов, книгохранилищ и каталогов. В акте

отмечено, «что общее состояние хранения может быть оценено как удовлетворительное <...> следует обратить внимание на то, что между двумя окнами, выходящими во 2-й двор здания БАН, стена сильно отсырела, хотя рядом стоящие книги (собрание акад. Куника) не пострадали». Библиотека ГАО, перевезенная в здание БАН, приведена в порядок. Предложено «пробить отверстие в замуровке окон цокольного этажа, чтобы регулировкой вентиляции снизить влажность воздуха в помещении», так как в магазине № 1 на некоторых кожаных корешках обнаружена плесень [11, л. 4, 4 об.].

Предоставлен отпуск библиотекарю 1 разряда А.А. Петровой по семейным обстоятельствам с правом выезда в г. Галич до 18 февраля [4, л. 4].

В.И. Бородина подготовила отчет «о проделанной работе в 1943 г. по вызову библиотекарей, приглашаемых на работу в Библиотеку»: составлены списки работников, проживающих вне Ленинграда, в Ленинграде и находящихся в рядах РККА. Направлено письмо начальнику ЛАХУ М.Е. Федосееву с просьбой дать вызов тем, кто согласен работать в БАН. Списки приложены к отчету [14, л. 40–42].

24 января. На общем партийном собрании членов и кандидатов ВКП(б) Ленинградских учреждений АН СССР заслушан отчет о работе БАН в 1943 г.: библиотека занималась сохранением фондов, разборкой и составлением описей библиотек ученых, вела учет книжных потерь, обслуживала город и фронт, подготовила по заданиям 162 тематические справки, организовала 10 выставок, были подобраны книги для районов, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков, проведены работы по ремонту здания (починка крыши, заделка окон и др.). Недостают штата — из 90 работает 60. Уполномоченный ИЛИ/ИРЛИ В.А. Мануйлов отметил, что БАН проделана большая работа, но нужно «немедленно заняться вопросом штатов и привлечением специалистов, промедление может

угрожать вербовкой их в другие библиотеки. Упущено время для приобретения старой книги». Рекомендовал свести до минимума выдачу книг на дом и «максимально обеспечить поступление газет с Ленфронта». Начальник ЛАХУ М.Е. Федосеев высказал мнение о том, что БАН «взвалила на себя функции районных библиотек, от которых следует отказаться». В ответном слове заместитель директора БАН В.М. Тамань подтвердила, что какое-то время в БАН была «установка на привлечение большого количества читателей, была погоня за авторитетом. Этим объясняется большая потеря книг <...> Страдала дисциплина. Подтягивание в работе и установка на сохранение книжных фондов вызвали недовольство сотрудников. Списки работников, необходимых для пополнения Библиотеки, и штаты представлены директору» [9, л. 18–22].

В принятой резолюции по докладу отмечалось: «Библиотека со своими задачами по хранению фондов и обслуживанию читателей вполне справилась, несмотря на тяжелые условия работы». Среди недочетов в работе названы: «утрата значительного количества книг» из-за расширения круга читателей из госпиталей, военнослужащих и др.; не всегда внимательное оформление выдачи и возврата литературы, что приводило «к путанице, когда одна и та же книга числилась за несколькими читателями»; «за годы войны ни разу не проводилась перерегистрация читателей»; «отдел комплектования не смог устранить лагун в изданиях 1941–1942–1943 годов»; «медленно пополняется действующий фонд из-за недостатка квалифицированных работников в отделе обработки»; «недовыполнен план по библиографическому отделу». Среди рекомендаций по улучшению работы БАН названы: усиление работы по упорядочению основного фонда, «ликвидация книжной задолженности», ограничение выдачи художественной литературы, перерегистрация читателей, воссоздание справочного отдела, интенсивная

разборка книжного фонда, реэвакуация высококвалифицированных библиотечных работников, восстановление переплетной мастерской [15, л. 2–3].

Уполномоченный Президиума АН СССР по Узбекистану член-корр. АН СССР В.Ф. Шишмарев просит Президиум АН СССР дать указание о реэвакуации институтов [4, л. 18].

БАН телеграммой просит И.И. Яковкина оказать содействие в отправлении в санаторий больной Д.Л. Марголиной [2, л. 162].

27 января. Запись в дневнике дежурного (красным карандашом. — *Авт.-сост.*): «Снята блокада Ленинграда», «24 залпа из 324 орудий» [6, л. 34].

28 января. Состоялось общее собрание работников БАН (38 чел.), на котором был заслушан доклад В.М. Тамань о работе БАН за 1943 г., ранее рассмотренный на заседании партбюро академических учреждений. Дана оценка работы каждого отдела [16, л. 11–14].

Т.Н. Дмитриевой доверено получение печатного материала, передаваемого БАН в качестве обязательного экземпляра из типографии им. Урицкого [2, л. 159].

29 января. Комиссия в составе уполномоченного МИАК С.А. Красковского, старшего научного сотрудника ИИМК В.А. Петрова, заместителя директора БАН В.М. Тамань, уполномоченного ЗИН Л.А. Портенко, старшего научного сотрудника ЗИН профессора И.В. Кожанчикова, старшего научного сотрудника ЗИН П.М. Терентьева, сотрудника ЗИН Л. Лебединской, завхоза ЗИН П.Д. Клименко и сотрудника БАН Э.А. Козак осмотрела помещения ЗИН. По библиотеке в акте отмечалось, что «в результате прямого поражения разбита одна из стеклянных стенок витрины <...> Несмотря на то что в результате последних поврежденных ряд окон стоит расстекленными, состояние фондов и книг вполне удовлетворительное» [11, л. 6, 7].

БАН просит столовую № 26 прикрепить на февраль Е.И. Винтергальтер, Э.А. Козак, Б.В. Дитмана [8, л. 112].

31 января. БАН направляет письма в домоуправления с просьбой дать «сведения о том, сохранена ли жилплощадь» сотрудников библиотеки, уехавших в эвакуацию. Дом, где проживал А.В. Шамрай — в аренде, жильцы выселяются; Т.В. Инешина и Ф.В. Ильина проживали по своим адресам временно; в квартире И.Г. Мусатова проживают родственники; квартиры Т.С. Глазенап, И.Ф. Карповой, Е.А. Виноградской, А.В. Вахарловской, М.М. Штерн заняты «по ордеру», по поводу квартир С.Л. Баракан, Б.В. Злочевской, М.П. Новгородовой, К.В. Рышковой ответ не получен [14, л. 45–61].

В.М. Решетникова просит направить ее в Дом отдыха [2, л. 157].

Январь [без дат]. Составлен список газет, полученных БАН в 1943 г.: по подписке — 14, из типографий в качестве обязательного экземпляра — 38, однодневные газеты и случайные номера — 22 наименования [7, л. 199, 199 об.].

Выписано на 1944 г. 129 наименований журналов и 20 наименований газет [7, л. 191–198].

В ЛОИИ передан архив покойного историка А.П. Чулошникова, попавший в библиотеку с книгами [11, л. 8].

К столовой Государственного оптического института на февраль прикреплено 10 чел. [2, л. 161].

1 февраля. В бюро по распределению рабочей силы представлены сведения о состоянии рабочей силы на 1 февраля: всего — 61 чел., из них ИТР — 30, служащих — 17, МОП — 14; фактически работает — 50, в долгосрочных командировках — 1 (А.А. Петрова в Галиче); больных — 7, работающих в другом районе — 3 (Е.Г. Людевиц, Т.В. Инешина, Ф.В. Ильина); женщин в возрасте от 17 до 50 лет — 42, свыше 50 лет — 17, детей до 4 лет — 2; мужчин в возрасте от 17 до 55 лет — 1, свыше 55 лет — 1 [2, л. 156].

В связи с перерегистрацией штатного расписания с сентября 1943 г. переводятся в штат московской сети спец. библиотек директор БАН И.И. Яковкин, ученый

секретарь К.И. Шафрановский, старший библиотекарь И.Г. Мусатов, библиотекарь 2 разряда Р.Ш. Левина, помощник библиотекаря Е.С. Биллинг [4, л. 5].

В.М. Тамань сообщает директору БАН И.И. Яковкину и начальнику ЛАХУ М.Е. Федосееву о трудностях с вызовом работников, т.к. «лица, не имеющие ученых степеней, фактически лишены жилой площади и поэтому им не предоставляется право въезда. Библиотека проделала работу по собиранию сведений о работниках, которых можно эвакуировать». Приложен список на 52 чел. с указанием адресов их местонахождения [17, л. 4].

Проверено противопожарное состояние БАН. Замечаний нет [6, л. 35].

2 февраля. Комиссия в составе уполномоченного МИАК С.А. Красковского, старшего научного сотрудника ИИМК В.А. Петрова, заместителя директора Архива М.В. Крутиковой, уполномоченного ЗИН Л.А. Портенко, уполномоченного ЛОИИ К.Н. Сербиной, сотрудников БАН Э.А. Козак и В.Н. Денемарк, заведующего музеем ИЛИ/ИРЛИ В.М. Глинки, уполномоченного ИИМК О.И. Бич осмотрели помещения хранилища библиотеки, архива и фототеки ИИМК. В акте отмечено, что помещение для хранения основной библиотеки непригодно, книги подлежат переносу в другое, более подходящее помещение «при первой к тому возможности» [11, л. 9, 9 об.].

По поручению БАН Е.О. Гейнц получила для Библиотеки «собрание книг умершего Ясинского, бывшего сотрудника АН» [2, л. 155].

3 февраля. Помощник директора по административно-хозяйственной части (АХЧ) Е.О. Гейнц призвана в РККА [4, л. 6].

В.М. Тамань пишет И.И. Яковкину: Буду надеяться, что теперь после общего мнения заслужу полное Ваше доверие. И лица, коим не по душе трудовая дисциплина и обязанности, за которые я взыскиваю, лица, заботящиеся только о своем бытии и не чувствующие ответственности за

состояние библиотеки, — не могут нарушить Ваш покой несправедливыми доносами. Мне стоило много здоровья и сил, покуда я расшевелила людей после оцепенения 1941–1942 гг., добилась того, чтобы активно проявляли себя в работе, целесообразно расставила некоторые силы, покуда сломала тенденции вредного самоуспокоения и, что хуже, самовосхваления. У нас много внутренней работы, однако сказать, что в библиотеке неблагополучно, это значит сознательно подрывать наши силы, которые всецело направлены к тому, чтобы залечить раны библиотеки, упорядочить ее; сохранить полностью. Уважающая Вас В. Тамань» [18, л. 26, 26 об.].

4 февраля. На производственном совещании работников отдела обслуживания (В.М. Тамань, Э.А. Козак, Е.И. Винтергальтер, Л.М. Гаркави, Г.А. Маркова, М.А. Магнус, А.А. Пентегова, М.К. Леонова) обсуждались вопросы: — работа по организации справочного отдела (поручено общее руководство Л.М. Гаркави, отдельные отделы — М.А. Магнус); — о приведении в порядок читального зала (поручено Г.А. Марковой «проверить ключи, поправить полки, пополнить энциклопедии и справочники, проверить расстановку книг»); — о фонде Отечественной войны (поручено М.А. Магнус упорядочение фонда, пополнение лакун и организация каталога); — о передвижном фонде (решено «передвижной фонд считать пройденным этапом. Продолжать комплектование этого фонда как резервного для нужд академических библиотек и для пополнения лакун»); — о текущем обслуживании читателей (поручено Э.А. Козак разработать инструкцию о порядке выдачи книг) [13, л. 36].

5 февраля. Комиссия в составе уполномоченного МИАК С.А. Красковского, старшего научного сотрудника ИИМК В.А. Петрова, заместителя директора Архива М.В. Крутиковой, уполномоченного ЗИН Л.А. Портенко, заместителя директора МИР А.Н. Полякова, заведующего

фондом МИР Ю.П. Францева, сотрудника БАН Э.А. Козак осмотрели фонды и библиотеку МИР. В акте отмечено, что состояние фондов библиотеки удовлетворительное. «Необходимо заделать фанерованное окно, через которое в помещение заносит снег» [11, л. 10, 10 об.].

На производственном совещании сотрудников НБО (Б.В. Дитман, О.П. Каменоградская, О.В. Федорова, Ю.П. Кирпичева, В.М. Решетникова и от месткома Л.М. Гаркави) рассматривалось выполнение производственного плана отдела в связи с длительной болезнью Д.Л. Марголиной и В.М. Римской-Корсаковой, о работе с книгами и журналами библиотеки А.А. Ухтомского и «сборе подарков для раненых в госпиталях и книг для освобожденных областей» [11, л. 11].

8 февраля. БАН направляет в поликлинику № 31 Петроградского района Н.Н. Полянскую «на прием к врачу по внутренним болезням» [2, л. 153].

10 февраля. БАН просит ЛДУ предоставить место в Доме отдыха Н.Н. Полянской [2, л. 152].

12 февраля. БАН просит поликлинику № 2 освидетельствовать состояние здоровья К.П. Вороновой [2, л. 149].

БАН просит принять на работу Л.П. Корнеева [2, л. 150].

14 февраля. БАН просит ГПБ разрешить пользоваться книгами библиотеки директору БАН И.И. Яковкину, находящемуся в Москве, где он «этих книг найти не может» [2, л. 148].

БАН просит Василеостровский райторг выдать на февраль табачных талонов на 59 человек [8, л. 111].

15 февраля. В штатном расписании значится 70 единиц (с учетом вакансий) [2, л. 145–147].

17 февраля. БАН информирует Тычкова (видимо, служащего на боевом корабле. — *Авт.-сост.*) о получении части возвращаемых им книг. «За Вами еще числятся книги, но если Вам не удастся их обнаружить, то мы не настаиваем на их возврате. К сожалению, в дальнейшем мы не сможем быть Вам полезными,

так как всякая выдача художественной литературы из нашей Библиотеки прекращена» [7, л. 188].

18 февраля. БАН просит Василеостровский райторг выдать на март табачных талонов на 58 человек [8, л. 109].

БАН просит управление телефонной станции «перерегистрировать и сохранить телефон в квартире» И.И. Яковкина, который в ближайшее время возвращается из Москвы [8, л. 110].

22 февраля. Грузчикам К.П. Вороновой (бригадир), А.И. Ключевской, К.П. Сергеевой, Е.Д. Таткиной «в десятидневный срок надлежит распилить, расколоть и убрать в соответствующее место имеющиеся 10 метров сырых дров»; на период болезни С.Л. Торховой на грузчика М.Е. Константинову и истопника Е.И. Гулину возлагается уборка рабочих помещений БАН [4, л. 7].

Запись в дневнике дежурного: с 00 до 0.25 — воздушная тревога [6, л. 37 об.].

23 февраля. БАН обращается в Василеостровский райисполком с просьбой дополнительно включить в список на получение медали «За оборону Ленинграда» сотрудников Библиотеки, «случайно не включенных при предыдущем представлении» (М.К. Леонова и А.М. Фрилендер) [2, л. 126, 129].

Грузчику М.Е. Константиновой объявлен строгий выговор «за невыполнение распоряжения администрации и опоздание на 20 мин. на работу» [4, л. 8].

И.И. Яковкин из Москвы просит В.М. Тамань принять меры к охране книг и рукописей, принадлежащих сотрудникам Библиотеки, откомандированных в Москву (И.И. Яковкин, К.И. Шафрановский, Г.Ф. Подозерская, Э.П. Файдель) [19, л. 95].

24 февраля. На производственном совещании отделов комплектования и обработки (И.С. Алитовская, Н.Н. Полянская, М.С. Шерина, В.И. Бородина, Н.В. Лебедева, З.В. Зарубина, М.В. Радзинская, П.Г. Спица, М.А. Богдзевич, В.М. Тамань) обсуждались вопросы взаимодействия отделов по обработке и учету

книг: «старые русские книги», поступающие в БАН годом издания до 1939 г., вносятся в инвентарь 1939 г., остальные — в инвентарь 1944 г.; отдел комплектования должен вести «список особо редких книг» и передавать их без обработки в отдел особых фондов; отдел обработки должен проводить работу по «выяснению наличия книги в фондах БАН <...> ведет учет книг, получивших старый шифр, взамен утерянных <...> учет новых названий по инвентарям и контрольным карточкам периодики, независимо от порядка поступления и года издания». Говоря о каталогах решили «просить Винтергальтер так расставить людей в каталогах, чтобы вливание текущих каталожных карточек производилось не позже, чем через неделю после получения из отдела обработки, причем следить за тем, чтобы при вливании карточек на добавочные карточки переносился шифр с основной, а также на добавочной карточке делалась отметка о потерях», давать «не реже одного раза в неделю нужную консультацию по редактированию карточек в отделе обработки» [11, л. 12–13].

25 февраля. Штабом ПВО района предписано «снятие и разборку различных оборонительно-защитных сооружений производить только с письменного разрешения начальника штаба» [6, л. 38].

Запись в дневнике дежурного: с 20.40 до 21.00 — воздушная тревога [6, л. 38 об.].

26 февраля. А.И. Беликовой поручено проверить сохранность квартир директора БАН И.И. Яковкина и Г.Ф. Подозерской-Уткиной, «при необходимости совместно с управдомом наложить печать». На квартиру И.И. Яковкина наложена печать Библиотеки [2, л. 123; 19, л. 96–98; 20, л. 63].

А.А. Петровой поручено проверить сохранность квартиры Э.П. Файдель, «при необходимости совместно с управдомом наложить печать» [19, л. 11].

БАН просит Смольнинское райбюро по учету и распределению рабочей силы направить на работу в Библиотеку Е.А. Гусакову [2, л. 124].

28 февраля. Комиссия в составе директора ИВ акад. В.В. Струве, заместителя директора БАН В.М. Тамань, уполномоченного ИВ А.Н. Болдырева и старшего научного сотрудника ИИМК В.А. Петрова вскрыла один из ящиков рукописного фонда ИВ, который хранился на полу магазина № 1 цокольного этажа здания БАН. «Ящик был выбран по тому признаку, что предварительно он помещался в цокольном магазине № 26, где летом 1943 г. произошла вспышка плесневого поражения книг, а материалом рукописей является пергамент, наиболее легко подвергающийся поражению плеснями при повышенной влажности воздуха». Установлено, что «состояние рукописных материалов очень хорошее <...> особо нужно отметить прекрасную упаковку материалов, которая обеспечила безукоризненную его сохранность» [11, л. 14].

29 февраля. БАН просит столовую № 26 прикрепить на март М.А. Богдзевич, Е.И. Винтергальтер, Л.М. Гаркави, Б.В. Дитмана, Э.А. Козак, П.Г. Спицу [2, л. 122].

1 марта. В бюро по распределению рабочей силы представлены сведения о состоянии рабочей силы на 1 марта: всего — 60 чел., из них ИТР — 29, служащих — 17, МОП — 14; фактически работает — 50; больных — 7, работающих в другом районе — 3 (Е.Г. Людевиц, Т.В. Инешина, Ф.В. Ильина); женщин в возрасте от 17 до 50 лет — 40, свыше 50 лет — 18, детей до 4 лет — 2; мужчин в возрасте от 17 до 55 лет — 1, свыше 55 лет — 1 [2, л. 119].

Комиссия в составе директора ИВ акад. В.В. Струве, заместителя директора БАН В.М. Тамань, уполномоченного ИВ А.Н. Болдырева и старшего научного сотрудника ИИМК В.А. Петрова выборочно вскрыла хранящиеся в цокольном этаже ящики с рукописями БАН и книгами справочного отдела Библиотеки, а также прошла по помещениям магазинов книгохранилища БАН. Было установлено, что условия хранения рукописей, книг

справочного отдела и в магазинах удовлетворительные, но необходимо обеспечить вентиляцию магазинов цокольного этажа. Рекомендовано «в случае вскрытия каких-либо ящиков либо немедленно после вскрытия их необходимо вновь тщательно упаковать и заколотить, либо остающиеся книги переложить на последующее хранение в заведомо сухие помещения» [7, л. 184–185 об.].

Принята Е.А. Гусакова грузчиком библиотеки ИЛИ/ИРЛИ [4, л. 9].

На старшего библиотекаря Ф.Б. Кусову возложена ответственность «за проверку и оформление документов при приеме и увольнении работников» [4, л. 10].

2 марта. Старший научный сотрудник ИИМК В.А. Петров по просьбе начальника ЛАХУ М.Е. Федосеева составил записку о судьбе научного наследия Н.П. Тихонова [10, л. 28–29].

3 марта. В ночь на 4 марта проверено несение постовой (бойцами НКВД) и дежурной (унитарная команда БАН — 52 чел., в дежурной смене — 8 чел.) службы БАН. Обход здания производится только при сдаче смены ответственным дежурным, постов утверждено 5, постовые свои обязанности знают [6, л. 40, 40 об.].

БАН обращается с докладной запиской к секретарю АН СССР акад. Н.Г. Бруевичу о штатах Библиотеки в связи с предстоящей реэвакуацией институтов: «необходимо просить директоров институтов, которые намерены вернуться в Ленинград, теперь же позаботиться о нужных им библиотечных кадрах; у себя на месте подобрать хотя бы минимальное количество специалистов и ввести их в Ленинград вместе с институтом <...> Оплата труда работников по Библиотеке Академии наук более низка, чем в Гос. Публ. Б-ке <...> Условия работы в Библиотеке абсолютно нетерпимы при наличии дымящих печей-временок, при всех разбитых окнах, которые лишь прикрыты фанерой, подвешенной к железным рамам. Сейчас же необходимо разрешить вопрос о паровом отоплении и

остеклении хотя бы части помещения (1–2 этажа). Иначе Библиотека никакой работы в холодное время производить не сможет» [21, л. 55].

В дополнение к вышеуказанной докладной записке БАН в письме к секретарю АН СССР акад. Н.Г. Бруевичу «просит увеличить штаты Библиотеки на 1944 год и помочь в обеспечении людьми»: для бронфонда — 7 чел., для филиальных библиотек — 24 чел.; для Центральной библиотеки — 10 чел.; «безотлагательно требуется зам. директора по хозяйственной части с обеспечением его соответствующей категорией питания. Указанное увеличение штатов совершенно необходимо для сохранения фондов в целостности и выполнения большой физической работы по протирке книг, которую не могут выполнять имеющиеся сейчас в штате работники, представляющие собой на 50% больных и престарелых людей» [2, л. 117].

4 марта. Составлен список сотрудников БАН «на предмет вызова для работы в Ленинград» (60 чел.) [14, л. 16–21].

6 марта. Проведена «оперативно-контрольная проверка унитарной команды. Предложено обратить внимание на сломанную «электроарматуру <...> в противном случае проводка будет отключена» [6, л. 41 об.].

БАН просит инспектора Госпожнадзора «принять соответствующие меры» к К.Н. Сербиной, отказывающейся от дежурств [2, л. 115].

БАН просит горбюро по учету и распределению продовольственных карточек сохранить выдачу карточки 1-й категории для помощника директора: «В данный момент, когда Василеостровское бюро отказалось обеспечить эту должность соответствующими продкарточками, Библиотека лишилась работника, что ставит под угрозу сохранность всех фондов» [2, л. 116].

8 марта. Приказом по БАН отмечена «хорошая работа и заботливое отношение к делу» старших библиотекарей Е.И. Винтергальтер, Г.А. Марковой,

З.В. Зарубиной, В.Н. Денемарк, главного бухгалтера В.К. Табор, библиотекаря 1 разряда В.И. Бородиной; премированы денежным вознаграждением из специально выделенных средств (1250 руб.): старшие библиотекари О.П. Каменоградская (400 руб.), Н.Н. Полянская (350 руб.), А.И. Царева (300 руб.), технический сотрудник Е.И. Гулина (200 руб.) [4, л. 11; 21, л. 56].

БАН просит ЛДУ предоставить место в Доме отдыха В.М. Решетниковой, М.С. Шериной, М.К. Леоновой [2, л. 114].

9 марта. Составлен список сотрудников Библиотеки «на предмет вызова для работы в Ленинград в первую очередь (25 чел.)» [14, л. 23–26].

БАН просит Дом отдыха ЛДУ принять на 20 дней М.В. Радзинскую, которой еще в декабре была выделена путевка и которой она не смогла воспользоваться из-за болезни [8, л. 108].

10 марта. Для приема и учета бронированного фонда создана бригада в составе: А.А. Петрова (бригадир), К.П. Воронова, М.П. Горюнова, А.С. Мудрова, М.Е. Константинова [4, л. 12].

Начальнику ЛАХУ М.Е. Федосееву направлено письмо с характеристикой «пяти работников Библиотеки, которые в особенности содействовали своей работой делу охраны книжных фондов АН: Спица П.Г., Богдзевич М.А., Винтергальтер Е.И., Козак Э.А., Петрова А.А.» [11, л. 18–19].

В Центральный государственный исторический архив БАН передала «архив архитектора Савельева (рукописный и графический материал) полностью» [11, л. 15].

13 марта. О.И. Бич, К.И. Шафрановский и Э.А. Козак докладывают начальнику ЛАХУ М.Е. Федосееву, что в результате «прорыва водопровода на 2-м этаже над круглым залом библиотеки ИИМК вода проникла в свод, отчего отсырела одна из стен». Требуется столяр для установки стеллажей, на которые можно было бы переместить временно книги [8, л. 107].

14 марта. На производственном совещании сотрудников НБО (Б.В. Дитман, К.И. Шафрановский, В.М. Римская-Корсакова, Д.Л. Марголина, О.П. Каменоградская, Ю.П. Кирпичева, О.В. Федорова, В.М. Решетникова, А.М. Лукомская, от месткома П.Г. Спица, Е.И. Винтергальтер) обсуждались вопросы составления библиографии П.Л. Чебышева (поручено Д.Л. Марголиной и Ю.П. Кирпичевой, редактирование — В.М. Римской-Корсаковой) и ход работы по теме [16, л. 9–10].

Составлен список работников «филиальных библиотек в штате БАН»: БИН — старшие библиотекари Е.Г. Людевиц, И.С. Книжник, грузчик З.И. Ильина; ИЛИ/ИРЛИ — старший библиотекарь А.М. Спиридонова, библиотекарь 1 разряда А.С. Мудрова, грузчик Е.А. Гусакова; ФИН — зав. библиотекой Л.Ф. Беклешова; ИВ — библиотекарь 1 разряда В.И. Евгенова; АИ — библиотекарь 2 разряда В.П. Андреева-Георг (эти сотрудники постоянно работают в своих библиотеках); ЛОИИ — зав. библиотекой Н.Н. Полянская (3 дня в неделю в библиотеке института, остальное время — в БАН); ИИМК — старший библиотекарь В.Н. Денемарк (2 дня в неделю в библиотеке института, остальное время — в БАН); ИЯМ — зав. библиотекой А.В. Петровская (2 дня в неделю в библиотеке института, остальное время — в БАН); ГАО — зав. библиотекой, старший библиотекарь Е.И. Винтергальтер (2 дня в неделю в библиотеке института, остальное время — в БАН); МИР — зав. библиотекой, старший библиотекарь Л.М. Гаркави (работает полностью в БАН, «по библиотеке МИР ведет только наблюдение за состоянием книжных фондов»); ЗИН — главный библиотекарь Э.А. Козак (работает полностью в БАН, «по библиотеке ЗИН ведет только наблюдение за состоянием книжных фондов»); ИЭ — «не имеет ни одного библиотечного работника. Работу по библиотеке ведет научный сотрудник института Торн М.Д. (М.Д. Торэн. — *Авт.-сост.*)

под руководством Козак». Всего 12 библиотек [2, л. 112, 112 об.].

БАН просит ЛДУ продлить пребывание Н.Н. Полянской в Доме отдыха [2, л. 113].

В БАН с просьбой сообщить о судьбе сестер акад. Н.К. Никольского обратился его племянник К.И. Лебедев [20, л. 23, 23 об.].

15 марта. БАН просит городское бюро по распределению рабочей силы сохранить в списках на реэвакуацию из Ташкента работников ЛОИИ главного библиотекаря Н.П. Сурину, «в возвращении которой библиотека крайне заинтересована» [20, л. 79].

17 марта. Инспектором Василеостровского РУПО НКВД осмотрено здание БАН на предмет пожарной безопасности. Предписано зарядить три разряженных огнетушителя, убрать горючий «хлам» из-под лестницы при входе в здание [6, л. 43].

БАН просит Всесоюзное географическое общество выдать книги и журналы, необходимые для выполнения «ответственного задания» [7, л. 181].

18 марта. Уполномоченный ИИМК О.И. Бич обращается в БАН с докладной запиской о штатах библиотеки института: «хотя библиотека считается законсервированной, количество работы в ней не только не уменьшилось, но увеличилось <...> Благодаря неоднократным прорывам водопроводных труб книги уже несколько раз приходилось в спешном порядке переносить из библиотеки в другое помещение, раскладывать для просушки, затем приводить в порядок, подбирать по шифрам и заново расставлять <...> В настоящее время библиотека не имеет постоянного сотрудника. Прежний ее сотрудник работает в ИИМК только два дня в неделю, остальное время занят в фундаментальных фондах Библиотеки АН» [21, л. 51–52].

К.И. Шафрановский информирует начальника ЛАХУ М.Е. Федосеева о том, что «книги, сложенные в ящики и в кладовые в подвальных помещениях

ЗИН, могут пострадать от сырости с наступлением теплого времени». Необходимо срочно поднять их и расставить в комнатах библиотеки института. М.Е. Федосеев просит уполномоченного ЗИН Л.А. Портенко принять меры, на что Л.А. Портенко отвечает, что книги находятся в полном порядке [7, л. 176].

БАН обращается к начальнику ЛАХУ М.Е. Федосееву с просьбой ходатайствовать в горисполком «о получении Библиотеке разрешения охранять научные материалы, принадлежащие М.Н. Куфаеву», доктору исторических наук, бывшему ученому секретарю Комиссии по древнерусской литературе. В 1942 г. он был эвакуирован в Пятигорск, каких-либо сведений о дальнейшей его судьбе не поступало. Квартира опечатана «управхозом» [7, л. 180].

К.И. Шафрановский и уполномоченный Архива обращаются к начальнику ЛАХУ М.Е. Федосееву с просьбой решить вопрос о передаче в БАН и Архив рукописных материалов и книг умершего директора Байкальской лимнологической станции, профессора Г.Ю. Верещагина. Квартира опечатана «управхозом» [7, л. 177].

Начальник ЛАХУ М.Е. Федосеев обращается в горисполком и горфинотдел с просьбой разрешить передать архивы и библиотеки М.Н. Куфаева и Г.Ю. Верещагина в академические Архив и Библиотеку [10, л. 40].

БАН просит ИЛИ/ИРЛИ допустить Д.Л. Марголину к работе с картотекой С.А. Венгерова в связи с подготовкой библиографии об академике П.Л. Чебышеве [7, л. 178].

БАН просит ГПБ выдать книгу, необходимую для выполнения «срочного специального задания» [7, л. 179].

20 марта. Принято постановление Президиума АН СССР «О передаче Академкнигой бронированного фонда Президиума АН СССР Библиотеке АН СССР». «Склад, где хранится бронфонд на Литейном пр., дом 53а, передается целиком Библиотеке АН СССР». Со второй

половины 1944 г. должен быть увеличен штат Библиотеки на 7 чел. Все работы по передаче бронфонда должны быть завершены к 1 августа [21, л. 47–48].

В.М. Тамань обратилась к директору БАН И.И. Яковкину: «Настоятельно прошу Вас направить для постоянной работы в Ленинград Константина Илларионовича и пару библиотекарей для работы с бронированным фондом. Из наших трудно кого-либо выделить: то старые, то больные, то нужны на своем месте. Назначение на работу с бронированным фондом вызывает слезы, вопли и т.п. <...> Я упирала на невозможные условия работы при отсутствии должного отопления, при разбитых окнах, сквозняках, какие гуляют в коридорах, акад. Байков на совещании четко сказал: задача основная — хранить фонд. Все внимание хранению! Летом предстоит огромная работа по борьбе с сыростью и плесенью. Мне необходимо взять в штат Мурзанову» [21, л. 50].

БАН обращается в штаб МПВО Василеостровского района «с просьбой о выдаче письменного разрешения на разборку нескольких замурованных окон в нижних этажах здания Библиотеки. Необходимость этого мероприятия вызвана тем, что означенные окна находятся в помещениях книгохранилищ, которые требуют постоянного проветривания и просушки во избежание порчи книг от сырости и плесени» [8, л. 106; 21, л. 49].

Начальник ЛАХУ М.Е. Федосеев просит Василеостровский земельный отдел выделить «семена из расчета коллективного огорода в 6 га площади для 400 чел. сотрудников всех учреждений». От БАН 38 чел. [22, л. 8, 13, 14].

Получено письмо от М.М. Гуревича с пожеланием вернуть на работу в Библиотеку Т.А. Доброхотову и А.Н. Элькин [2, л. 111].

21 марта. Вице-президентом АН СССР акад. А.А. Байковым утверждено штатное расписание библиотеки на 82 ед. и смета расходов: научный персонал —

3 ед.; библиотечный персонал — 53 ед.; административно-хозяйственный персонал — 6 ед.; МОП — 20 ед. [23, л. 39–40].

БАН просит Издательство АН сохранить неоконченный набор рукописи «Химия в изданиях Академии наук», сделанный во второй половине 1941 г., с тем чтобы можно было завершить работу в 1945 г. [13, л. 35].

22 марта. На производственном совещании отдела обработки (К.И. Шафрановский, В.Ф. Соколова, Е.И. Винтергальтер, П.Г. Спица, М.С. Шерина, В.И. Бородина, М.А. Богдзевич, В.Н. Денемарк) обсуждались предварительные итоги выполнения плана 1 квартала 1944 г. План в целом выполняется, приняты сообразительности к 1 мая: проверка по старым инвентарям 1175 экз., подготовка кадров (обучение В.Ф. Соколовой и В.И. Бородиной обработке современной русской литературы) [21, л. 45–46].

БАН просит начальника ЛАХУ М.Е. Федосеева возложить на В.А. Петрова ответственность за сохранность имущества Лаборатории консервации и реставрации документов (ЛКРД) и «произвести необходимые работы» по приведению в порядок помещений лаборатории [8, л. 105].

А.И. Беликовой поручено вывезти библиотеку инженера Тугаринова из его квартиры в Библиотеку. Было передано в БАН всего лишь 1000–1500 библ. единиц, так как квартира была разрушена и «подвергалась систематическому расхищению и уничтожению» [2, л. 107; 7, л. 174].

23 марта. Распоряжением Президиума АН СССР «О ленинградских учреждениях Академии наук СССР», принятом по докладу акад. А.А. Байкова, предписано «считать необходимым приступить немедленно к приведению в порядок Библиотеки АН в Ленинграде <...> принять меры к сохранению бронированного фонда Академии наук, находящегося в Ленинграде <...> немедленно провести необходимую работу по перемещению» бронфонда, директору БАН

И.И. Яковкину приступить к руководству Библиотекой с 15 апреля. Сочтено возможным возвращение в Ленинград Физико-технического института, Радиового института, ФИН, БИН [21, л. 43–43].

Акад. Байков направил в адрес начальника ЛАХУ М.Е. Федосеева письмо, в котором обращает внимание на то, что «для восстановления деятельности библиотеки представляется необходимым возвратить к месту постоянной работы в ленинградской библиотеке тех ее сотрудников, которые были вызваны по распоряжению Президиума в 1942 г. в Москву для комплектования, обработки и организации библиографической работы». Это И.И. Яковкин, Е.А. Лаппо-Страженецкая, К.И. Шафрановский, Г.Ф. Подозерская-Уткина, Э.П. Файдель, Т.А. Доброхотова [18, л. 45].

В Списке штатной расстановки БАН значатся отделы: обслуживания и справочный, НБО, обработки и каталогов, комплектования, хранения, бронфонд, рукописный, систематизации и Ленсеть: библиотеки при ИЛИ/ИРЛИ, ИИМК, ЗИН, ЛОИИ, БИН, ИЯМ, ИЭ, МИР, ФИН, ИВ, АИ [23, л. 42–43].

В филиалах значится: главных библиотекарей — 5, старших библиотекарей — 12, библиотекарей 1 разряда — 8, библиотекарей 2 разряда — 1, грузчиков — 2 [24, л. 17].

Распределение должностей по отделам библиотеки: обслуживания и справочный — заведующий, 9 старших библиотекарей, 1 библиотекарь 1 разряда; НБО — заведующий, 7 старших библиотекарей, 2 библиотекаря 1 разряда; отдел обработки и каталогов — заведующий, 6 старших библиотекарей, 6 библиотекарей 1 разряда; отдел комплектования — заведующий, 4 старших библиотекаря, 1 библиотекарь 1 разряда; отдел фондов — заведующий, 5 старших библиотекарей, 2 библиотекаря 1 разряда; бронфонд — заведующий, 2 старших библиотекаря, 2 библиотекаря 1 разряда; рукописный отдел — заведующий;

отдел систематизации — заведующий; Ленсеть — заведующий [24, л. 18].

В проекте штатного расписания на 1 апреля 1944 г. значится 90 ед. [24, л. 24].

Начальник ЛАХУ М.Е. Федосеев обращается в Президиум АН СССР с просьбой установить штаты пожарно-сторожевой охраны для ленинградских академических учреждений, в т.ч. для БАН — 7 ед. [24, л. 21].

БАН просит огородную комиссию АН СССР выделить земельные участки под коллективный и индивидуальные огороды для 45 сотрудников по 100 кв. м. на человека [8, л. 104].

В Среднюю Азию в «длительную командировку <...> для обследования библиотек академических филиалов и баз» направлена Г.М. Лукомская [2, л. 104].

БАН ходатайствует в Президиум АН СССР о назначении А.М. Спиридоновой «академической пенсии» [2, л. 105].

25 марта. Составлен именной список сотрудников Библиотеки с указанием должностей и отделов [2, л. 101–104].

26 марта. В Москву выезжает К.И. Шафрановский. Цель поездки не указана [2, л. 109].

27 марта. К.И. Шафрановский информирует начальника ЛАХУ М.Е. Федосеева о том, «что библиотека Н.И. Вавилова находится в принадлежавшей ему частной квартире <...> Полагаю, что эту библиотеку следует передать Академии Наук, с тем, чтобы она не перешла в ведение неакадемической организации или не оказалась бы попорченной и расхищенной из-за отсутствия надлежащей охраны» [7, л. 173].

К.И. Шафрановский обращается к начальнику ЛАХУ М.Е. Федосееву с просьбой о необходимости предоставления новых помещений для библиотек ИИМК и ИЯМ. «Библиотека ИИМК находится в сыром помещении и ее книгам угрожает порча», библиотека ИЯМ «не располагает помещением, в котором можно было бы привести книги в надлежащий порядок» [8, л. 103].

28 марта. БАН просит столовую № 26 прикрепить на апрель Е.И. Витергальтер, Б.В. Дитмана, Э.А. Козак, П.Г. Спицу, М.А. Богдзевич [8, л. 102].

29 марта. В.М. Тамань направлена в санаторий, «общее наблюдение за Библиотекой будет выполнять зав. отделом комплектования П.Г. Спица» [21, л. 41].

БАН просит 15-е отделение милиции разрешить М.А. Магнус «по мере необходимости ночевать у ее сестры Валевачевой А.А.», так как ее комната «в результате бомбежки мало пригодна для жилья (разбиты окна)» [2, л. 100].

30 марта. БАН просит ЛДУ прикрепить к столовой 3-х чел. (Д.Л. Марголина, В.И. Евгенова, М.В. Радзинская) [8, л. 101].

31 марта. Горфинотдел извещает БАН о решении передать рукописи проф. Г.Ю. Верещагина и проф. М.Н. Куфаева в Архив безвозмездно, а книги — в БАН «за плату, по соответствующей оценке» [7, л. 171–172].

1 апреля. Уполномоченным Президиума АН СССР в Ленинграде назначен вице-президент АН СССР акад. Л.А. Орбели. М.Е. Федосеев возвращается к обязанностям начальника ЛАХУ [21, л. 44].

Составлена ведомость убытков — ущерба, нанесенного в результате налетов авиации и артобстрелов противника за период с сентября 1941 г. по 1 апреля 1944 г. — для капитального ремонта здания БАН требуется 772 тыс. руб. [26, л. 8].

В проект штатного расписания БАН внесено 90 ед., в проекте штатного расписания по библиотекам институтов дана сравнительная характеристика количества единиц до войны и «необходимого сейчас» (41 ед.) [23, л. 44–47].

В бюро по распределению рабочей силы представлены сведения о состоянии рабочей силы на 1 апреля: всего — 61 чел., из них ИТР — 29, служащих — 17, МОП — 15; фактически работает — 54; больных — 1, работавших в другом районе — 3 (Е.Г. Людевиг, Т.В. Инешина, З.И. Ильина); женщин в возрасте от 17

до 50 лет — 41, свыше 50 лет — 18, детей до 4 лет — 2; мужчин в возрасте от 17 до 55 лет — 1, свыше 55 лет — 1 [2, л. 93].

В списке научных работников, направленном в Обком профсоюза работников высшей школы и научных учреждений по его запросу, значится: всего сотрудников — 61, из них научных сотрудников — 43, из состава научных сотрудников кандидатов наук — 4, старших научных сотрудников — 27 (к ним приравнены старшие библиотекари) [23, л. 34–37].

Старший библиотекарь Е.И. Винтергальтер переведена на должность главного библиотекаря [4, л. 15].

БАН просит ЛДУ предоставить «50 билетов на кинофильм “Багдадский вор” для культпохода сотрудников Библиотеки» [2, л. 99].

Производственное объединение «Лаккокрассырье» просит дать сведения о месторождениях сырья для производства краски. В ответном письме БАН информирует о том, что «она предполагает возобновить ведение своей справочной работы с ноября 1944 г.» [7, л. 169–170].

3 апреля. Запись в дневнике дежурного: с 21.25 до 22.08 — воздушная тревога [6, л. 46 об.].

5 апреля. На должность пом. директора по АХЧ принят А.С. Теленков [4, л. 16].

БАН просит горбюро по учету и распределению рабочей силы направить на работу в Библиотеку Е.И. Михайлову, А.И. Кочорову, Н.Н. Ширманова, З.А. Гулину [2, л. 92].

Подготовлен список сотрудников БАН (12 чел.), которым предложено сдать нормы противовоздушной и противохимической обороны [4, л. 14].

6 апреля. К.П. Вороновой предоставлен отпуск на 5 дней для проезда на ст. Ять по семейным обстоятельствам [2, л. 90].

БАН просит Политотдел отпустить Э.К. Круштейн на работу в Библиотеку [2, л. 91].

БАН ходатайствует о выдаче карточек снабжения по литературе «Б» В.И. Евгеновой

в связи с присуждением ей степени кандидата филологических наук [8, л. 99].

7 апреля. Зарегистрированы смета расходов на 1944 г. — 82 ед. штатного персонала с фондом зарплаты 450 тыс. руб. и зарплата внештатного персонала по содержанию учреждения — 20 тыс. руб.; канцелярские и почтово-телеграфные расходы — 7 тыс. руб., командировки административно-хозяйственного персонала и разъезды по городу — 3 тыс. руб. [12, л. 3].

БАН просит райторг «отпустить табачных талонов» на апрель на 58 чел. [2, л. 88].

БАН просит ЛДУ предоставить место в Доме отдыха А.В. Петровской, В.Н. Денемарк, Т.Л. Римской-Корсаковой [2, л. 89].

БАН обращается в госпиталь № 1116 с просьбой очистить двор и расследовать случай проникновения двух раненых бойцов в помещение книгохранилища, где один из них открыл портфель Е.А. Егоркиной и похитил оттуда кусок хлеба и пачку газет. При попытке задержать его он бежал, ударив в лицо работницу хранения Е.В. Боброву [8, л. 98].

8 апреля. Уполномоченный Президиума АН СССР в Узбекистане член-корр. АН СССР В.Ф. Шишмарев в ответ на запрос БАН о возвращении в Ленинград сотрудников Библиотеки Н.П. Суриной и В.Б. Ечеистойвой просит «сохранить указанных сотрудников БАН при ленинградских институтах АН СССР в Ташкенте до того времени, когда эти институты будут полностью эвакуированы в Ленинград» [2, л. 96].

БАН просит городскую нотариальную контору «выдать свидетельства о выморочности имущества» профессоров Г.Ю. Верещагина и М.Н. Куфаева [7, л. 167].

БАН просит горбюро по учету и распределению рабочей силы направить на работу в Библиотеку М.Н. Мурзанову, работающую в детской больнице им. Н.К. Крупской [2, л. 86–87].

10 апреля. Распоряжением Президиума АН СССР В.М. Тамань назначена зам. директора Библиотеки [2, л. 85].

12 апреля. В БАН обращается вдова акад. Н.С. Курнакова с предложением передать библиотеку академика, цена которой «может быть определена в 60 тыс. руб.» [7, л. 162].

Отправлен в центральную бухгалтерию АН СССР бухгалтерский отчет за 1 квартал: на конец квартала штатных работников — 61 чел. (при плане 71), в том числе научного персонала — 1 чел., библиотечного — 42 и прочего — 16; приобретено литературы на 8834 руб. 90 коп.; за подотчетными лицами числится долг 450 руб., «так как в данное время лица, получившие авансы, не являются сотрудниками БАН и к тому же местонахождение последних неизвестно». В штате бухгалтерии 2 чел. — главный бухгалтер и его заместитель, «последний еще не может считаться по состоянию своего здоровья полноценным, в силу чего вся тяжесть работы лежит на плечах гл. бухгалтера». Проводится работа по инвентаризации оборудования и материалов ЛКРД по описям на 1 ноября 1941 г. Библиотека просит включить в штат должность кассира-счетовода [12, л. 13–17].

14 апреля. Э.А. Козак и П.Г. Спице поручено осмотреть состояние передаваемых в БАН библиотек проф. Г.Ю. Верещагина и проф. М.Н. Куфаева [7, л. 161].

Приказом директора разрешено получать подотчетные суммы зав. отделом комплектования М.А. Богдзевич и ответственному за отправку корреспонденции старшему библиотекарю Ф.Б. Кусовой [4, л. 17].

Для проверки правильности взимания налогов создан «контрольный пост в лице Марголиной Д.Л. и Полянской Н.Н.» [4, л. 17].

БАН просит Кирпичный завод отпустить Н.А. Рычкову для работы в Библиотеке [2, л. 83].

15 апреля. БАН просит Василеостровский трест столовых и ресторанов «отпустить ненормированных

продуктов для устройства первомайского товарищеского ужина» для 80 сотрудников Библиотеки [8, л. 97].

Зачислены в штат: ученый секретарь К.И. Шафрановский, старшие библиотекари Т.А. Доброхотова и Э.П. Файдель [4, л. 19].

Переводится в Институт востоковедения В.И. Евгенова [4, л. 17].

17 апреля. Приступили к своим обязанностям возвратившиеся из Москвы директор И.И. Яковкин и главный библиотекарь Е.А. Лаппа-Старженецкая [4, л. 18].

Состоялось вручение медали «За оборону Ленинграда» сотрудникам БАН — 28 чел. [2, л. 79].

18 апреля. БАН просит горбюро по учету и распределению рабочей силы направить в Библиотеку А.И. Кочорову [2, л. 78].

19 апреля. БАН в письме в ИИМК поддерживает вопрос о восстановлении ЛКРД в виде самостоятельной организации [7, л. 158].

21 апреля. БАН просит ускорить утверждение штатного расписания, отсутствие которого «создает невозможность выплаты зарплаты» [2, л. 77].

Уполномоченный по ИЭ Р.И. Каплан-Ингель, старший научный сотрудник А.Г. Ольдерогге, старший научный сотрудник ИИМК В.А. Петров и сотрудник БАН Э.А. Козак «составили настоящий акт в том, что наступившие сухие, солнечные дни являются наиболее благоприятными для перенесения с 1-ого этажа в помещение библиотеки ящиков с книгами для их вскрытия и расстановки на места» [27, л. 140].

24 апреля. БАН предписано оказать помощь в восстановлении библиотеки Киевского университета. Библиотека может выделить до 5 тыс. книг из дублетного фонда и свыше 30 экземпляров изданий из бронированного фонда [7, л. 164–165].

25 апреля. В связи с окончанием отопительного сезона А.И. Беликовой предписано «опечатать все печи-временки,

просмотреть и опечатать все помещения, в которых не производится работа» [4, л. 20].

М.В. Радзинской доверено получение семян огородных растений для сотрудников Библиотеки из Василеостровского земельного отдела [8, л. 94].

Зачислена в штат на должность старшего библиотекаря М.Н. Мурзанова [4, л. 21].

26 апреля. Зачислена в штат БАН на должность старшего библиотекаря А.И. Кочорова [2, л. 22].

Повышены оклады старшим библиотекарям Г.А. Марковой и Л.М. Гаркави [4, л. 19].

Пом. директора А.С. Теленкову доверено получить груз для Библиотеки, прибывший из Москвы [2, л. 76].

27 апреля. На производственном совещании НБО (Б.В. Дитман, К.И. Шафрановский, Э.П. Файдель, В.М. Римская-Корсакова, Д.Л. Марголина, О.П. Каменоградская, Ю.П. Кирпичева, О.В. Федорова, В.М. Решетникова, А.М. Лукомская) обсуждались «организационные мероприятия по НБО в связи с составлением плана работы» на летний период [16, л. 4–7].

29 апреля. Объявлена благодарность: зам. директора В.М. Тамань «за энергичную работу по руководству Библиотекой и охране фондов во время героической обороны Ленинграда»; главным библиотекарям М.А. Богдзевич, Б.В. Дитману, Э.А. Козак, П.Г. Спице, старшим библиотекарям И.С. Алитовской, З.П. Горюновой, Е.Г. Людевиц, Д.Л. Марголиной, Т.Л. Римской-Корсаковой, библиотекарям 1 разряда А.И. Беликовой, А.А. Петровой «за самоотверженную работу по сохранению фондов и обслуживанию читателей в условиях военного времени»; сотрудникам технического персонала Е.В. Бобровой, М.П. Горюновой, А.И. Ключевской, П.А. Погожевой, К.Я. Сергеевой, Е.Д. Таткиной «за самоотверженную работу» [4, л. 25].

БАН просит столовую № 26 прикрепить на май Б.В. Дитман, Э.А. Козак, Е.И. Винтергальтер [2, л. 74].

На период Первомайских праздников предписано с 17 час. печатать все пишущие машинки. Запрещен вход в библиотеку посторонним лицам по 3 мая, назначены усиленные дежурства [4, л. 20].

Апрель. Уполномоченный Президиума АН СССР в Ленинграде вице-президент АН СССР акад. Л.А. Орбели внес предложение на заседании Президиума АН СССР восстановить с 1 мая деятельность ЛКРД, прекращенную в 1941 г., в здании БАН со штатом 5 ед. и финансированием через библиотеку [28, л. 39].

И.И. Яковкиным подготовлен проект письма в Президиум АН СССР за подписью акад. С.И. Вавилова о поручении БАН проанализировать состав бронированного фонда и «создать достаточно полные коллекции, которыми Президиум мог бы располагать для комплектования крупнейших книгохранилищ Союза, а также для расширения и развития книгообмена с иностранными учреждениями» [7, л. 113].

Январь–апрель. С просьбой о приеме на работу обратились:

– выехавшие в эвакуацию бывшие сотрудники БАН: З.С. и А.Ф. Антоновы (Алтайский край) [25, л. 10–11 об.], В.А. Буткова (г. Казань) [25, л. 24], А.А. Григорьева (Западно-Казахстанская обл.) [25, л. 37–40], С.М. Данини (Ивановская обл.) [25, л. 44–53], О.К. Ернштедт (г. Ташкент) [25, л. 59–62], Ц.А. Зевина (Киргизская ССР) [25, л. 68–80], Б.В. Злочевская (г. Свердловск) [25, л. 85–89], В.А. Кожина (г. Ульяновск) [20, л. 12, 12 об.], Л.Н. Насекина (Башкирская АССР) [20, л. 56, 56 об.], М.П. Новгородова (г. Якутск) [20, л. 52–55], В.Б. Рымша (г. Елабуга) [20, л. 68, 68 об.], К.В. Рышкова (Алтайский край) [20, л. 69–75], Л.К. и Е.Н. Суровенковы (г. Казань) [20, л. 118–120], О.А. Челнокова (Молотовская/Пермская обл.) [19, л. 22–27], И.Н. Шейнкер (Алтайский край) [19, л. 48–55], А.Н. Элькин (г. Алма-Ата) [19, л. 64–66, 68–73];

– находящиеся в эвакуации библиотекари и специалисты разных областей,

высказавшие желание поступить на работу в БАН: Е.Н. Драган (Марийская АССР) [25, л. 57], О.А. Кадлубовская (Коми АССР) [20, л. 8–9 об.], С. Лурье (Москва) [20, л. 24, 24 об.], О.С. Оглоблина (Киргизская ССР) [20, л. 58–60], А.Н. Скалова (г. Челябинск) [20, л. 106–111], Е.И. Степанова (г. Вологда) [25, л. 91–94].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Годовые, полугодовые и квартальные планы и отчеты БАН, ее отделов и спец. библиотек // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1943). Д. 3. 83 л.
2. Списки и переписка по личному составу БАН и список сотрудников сети спец. библиотек АН СССР // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 12. 179 л.
3. Приказы по личному составу // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1943). Д. 6. 92 л.
4. Приказы по личному составу // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 10. 137 л.
5. Ударные обязательства отделов БАН в ответ на приказ т. Сталина от 6 ноября 1943 г., протокол проверки обязательств и протоколы митингов и общих собраний БАН // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1943). Д. 4. 18 л.
6. Журнал ежедневных записей дежурств по объектам МПВО // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1943). Д. 11. 114 л.
7. Стенограмма совещания по вопросу о структуре библиографического указателя изданий филиалов и баз АН... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 3. 204 л.
8. Переписка по хозяйственным вопросам и о состоянии хранения книжных фондов // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 20. 117 л.
9. Протоколы собраний парторганизации Ленинградских учреждений АН СССР // ЦГАИПД СПб. Ф. 2019. Оп. 2. Д. 170в. 74 л.
10. Переписка с академическими и неакадемическими учреждениями и

История библиотек и коллекций

отдельными лицами по издательским вопросам, о состоянии хранения библиотечных и архивных фондов... // СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1944). Д. 7. 115 л.

11. Акты осмотра хранилищ библиотек, архивов и фототек институтов АН СССР // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 8. 27 л.

12. Финансовый отчет БАН за первый квартал 1944 г. с объяснительной запиской к нему // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 18. 17 л.

13. Протокол совещания Библиотечной комиссии по обсуждению проекта положения комиссии... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 2. 40 л.

14. Списки на эвакуацию сотрудников БАН и справки жилищных управлений о жилплощади сотрудников // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1943). Д. 9. 61 л.

15. Протоколы совещаний главных библиотекарей, заведующих отделами и производственных совещаний БАН... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1943). Д. 2. 61 л.

16. Протоколы производственных совещаний Научно-библиографического отдела и Отдела обработки и протокол общего собрания БАН по отчету за 1943 г. // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 6. 17 л.

17. Акты и переписка по обследованию состояния хранения книг в Пушкинском Доме и мероприятиях по сохранению от сырости книг, перевезенных из Москвы // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 9. 36 л.

18. Справки, характеристики и переписка по личному составу учреждений АН СССР // СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1944). Д. 10. 194 л.

19. Анкеты, заявления и переписка по эвакуации сотрудников. Ф–Я // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 17. 99 л.

20. Анкеты, заявления и переписка по эвакуации сотрудников. К–С // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 16. 121 л.

21. Постановления и распоряжения Академии наук, Устав БАН и положение о Библиотечной комиссии, записки и переписка о структуре, о штатах и кадрах БАН // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 1. 64 л.

22. Постановления и переписка с районными руководящими организациями о направлении на трудработы и об организации огородов для сотрудников АН СССР // СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1944). Д. 18. 17 л.

23. Штатные расписания и штатные списки // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 11. 47 л.

24. Переписка с академическими и неакадемическими учреждениями по штатным и другим финансовым вопросам // СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1944). Д. 9. 53 л.

25. Анкеты, заявления и переписка по эвакуации сотрудников. А–И // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 15. 96 л.

26. Ведомости ущерба, нанесенного БАН и сети БАН войной с сентября 1941 по 1 апреля 1944 г. и протокол заседания дирекции БАН по установлению ущерба // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 19. 9 л.

27. Сведения о состоянии спец. библиотек Ленсети БАН СССР // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 29. 192 л.

28. Переписка с академическими и неакадемическими учреждениями о эвакуации, организации работы... // СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1944). Д. 8. 112 л.

ВЫСТАВКА ВЛОЖЕНИЙ ИЗ КНИГ ОТДЕЛА РЕДКОЙ КНИГИ БАН

АННОТАЦИЯ

В статье рассказывается о выставке книжных вложений, представленной в читальном зале Отдела редкой книги БАН в конце 2018 г. Производится подробный анализ некоторых неординарных находок. В приложении к статье приводится список экспонатов и книг, в которых они были найдены.

Ключевые слова: книжные вложения, книжные выставки, Библиотека Российской академии наук, Якоб Штелин, Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, Александр Васильевич Никитенко.

В конце 2018 г. (с 23 ноября по 17 декабря) в читальном зале Отдела редкой книги БАН была представлена выставка «Цветок увядший, безуханный, забытый в книге вижу я...». Идея выставки вложений, найденных в книгах из фонда Отдела редкой книги, принадлежала сотруднику отдела, главному библиотекарю М.Ю. Гордеевой. Ей же было избрано название.

Книжные вложения (не считая тех, что изначально входят в состав изданий — например, несброшюрованных иллюстраций), редко удостоиваются внимания библиотекарей и библиографов. Однако в последние годы интерес к вложениям несколько возрос, по крайней мере, применительно к редким и старым книгам, в которых эти предметы представляют собой небезынтересные следы предыдущих владельцев и читателей. Так, в частности, в научной библиотеке СПбГУ ведется целенаправленное выявление, сохранение и описание вложений из книг библиотеки Бестужевских курсов. Найденные и описанные вложения хранятся отдельно от книг, а информация об этих находках вместе с их цифровыми копиями представлена на сайте, посвященном данному книжному фонду (1). Насколько нам известно, отбор и изучение вложений из книг (в частности, визитных карточек)

ведется и в основном фонде БАН. Нужно заметить, что к этому же фонду принадлежит и одна книга с вложением, в итоге отобранная для нашей выставки.

Для Научно-исследовательского отдела редкой книги (НИОРК), а также БАН в целом, организованная выставка является только первым опытом систематической работы в этом направлении. Но уже сейчас можно сказать, что сотрудники отдела уверенно избрали отношение к вложениям как не просто курьезу (пусть подчас красивому) или свидетельству истории конкретной книги, но и источнику по истории книги и издательского и типографского дела в целом, по палеографии, а в потенциале — и по политической, социальной, культурной истории. Подбор экспонатов был посвящен раскрытию разнообразия вложений как источников во всех этих аспектах. По нашему мнению, как идея выставки, так и конкретные ее экспонаты могут быть небезынтересны коллегам и широкому кругу историков.

подавляющее большинство находок было представлено вместе с книгами, в которых они были найдены. Авторы находок, отобранных для выставки, — сотрудники НИОРК БАН: главный библиотекарь М.Ю. Гордеева, библиотекарь Е.В. Ковриженко, главный библиотекарь

Е.В. Лудилова, научный сотрудник В.А. Стасевич, главный библиотекарь Т.Ф. Филиппова. Список вложений и соответствующих книг приводится в приложении к данной статье, тогда как ниже мы опишем выставку более свободно, приводя для экспонатов номера по списку.

Прямо перекликался с названием выставки засушенный цветок, найденный в испанском издании начала XVIII в. (1). Кроме него, в иностранных изданиях были найдены еще три вложения. Одно из них, также оставленное в испанской книге, — рукописный счет на латинском языке, датированный периодом 31 декабря 1703 — 31 мая 1704 г. и пока что оставляющий простор для толкования (2). Данный том принадлежал Санкт-Петербургской римско-католической духовной академии. В двух других случаях книги происходят из первоначального фонда БАН (конкретнее — из библиотеки лейб-медика Петра I Роберта Арескина). Первая из этих находок — полоска бумаги с рукописным приглашением на немецком языке, адресованным от генерал-фельдмаршала графа Бестужева-Рюмина к «господину Штелину» (3) (рис. 1, 2). Последний приглашается «завтра», то есть 16 июня 1764 г., на обед и променад «до Каменного носа». Оба лица, фигурирующих в записке, определяются без труда: с одной стороны, это бывший канцлер А.П. Бестужев-Рюмин — один из виднейших российских политиков первой половины-середины XVIII в.; с другой, Якоб Штелин — академик и секретарь Академии наук, директор «Академии трех знатнейших художеств», поэт, гравер, историк искусства и человек еще многих способностей и дарований. Обе персоны знали друг друга и ранее: в 1753–1757 гг. Штелин руководил созданием гравюр с видами резиденции Бестужева-Рюмина на Каменном острове [1, с. 112–119]. Как известно, ближе к концу правления Елизаветы Петровны (1758 г.) Бестужев-Рюмин подвергся ссылке с частичной конфискацией имущества за интриги в пользу будущей императрицы Екатерины II,

а с ее восшествием был реабилитирован. Найденная в книге записка представляет собой любопытное свидетельство общения уже бывшего вельможи с ученым (к слову, бывшим воспитателем Петра III, которому переворот стоил жизни) после описанных событий, когда Бестужев-Рюмин приглашал Штелина в соседнее со старым дворцом поместье, расположенное на другом берегу Большой Невки — на территории Каменного носа (совр. Старая деревня). Само собой разумеется, что ввиду описанного происхождения экземпляра книги, записка вполне могла быть оставлена в ней самим академиком Штелином. Возможно, точное прочтение источника поможет ответить на вопрос, на который существующая литература отвечает противоречиво: был ли дворец фактически возвращен Бестужеву-Рюмину после реабилитации или нет? [2, с. 19; 3, с. 23–25].

То же самое применимо к карточке, найденной во второй из книг из первоначального фонда (4) (рис. 3). На этот раз названный на ней человек, скорее всего, тождественен уже академику XIX в. — Александру Васильевичу Никитенко (1804–1877), профессору Санкт-Петербургского университета, цензору и автору известного изданного дневника. Что же касается вида и назначения предмета, то, скорее всего, мы имеем дело с визитной карточкой — точнее говоря, с ее неудачной фотокопией. Первая характеристика выводится из формата, содержания и очень характерного для визиток шрифта; вторая — из размера (который, насколько мы можем судить, меньше обычного для визиток того времени), тактильных свойств лицевой стороны, а также наличия пятен, которые выглядят не возникшими со временем, а изначально присутствовавшими в отпечатанном изображении. И эти пятна (тени?), и плохо читаемый текст делают карточку весьма непрезентабельной, а потому очень вероятно, что в книгу бракованную визитку поместил не ее получатель, а изначальный владелец,

который использовал ее в качестве закладки.

Автор статьи попробовал выявить связь между академиком Никитенко и данной книгой — собранием сочинений Фрэнсиса Бэкона (к слову, ранее неизвестным вариантом издания) (2). Увы, попытки оказались безрезультатными. В дневнике Никитенко Бэкон упоминается вскользь буквально в одной строчке [4, т. 3, с. 86]. Не помог и поверхностный поиск в фонде Никитенко в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома). В одной из записных книжек Никитенко, касающихся философии, Бэкон представлен также одной строкой — причем в виде «крылатой» цитаты, которая могла быть почерпнута владельцем книжки откуда угодно (3). Последняя, к тому же, датируется временем, когда Никитенко еще не был академиком и вряд ли имел доступ к академической библиотеке (1834 г.). Не более успешным оказался и поиск других экземпляров визитки или похожих на нее в фондах, где хранятся или могут храниться личные книги академика. На обращение в библиотеку Томского университета, для которой в 1880 г. была приобретена библиотека Никитенко, пришел ответ, что вложений в книгах из нее нет. Что касается фонда библиотеки Бестужевских курсов (куда в 1903–1904 гг. вошла библиотека дочери Никитенко Софьи Александровны, а значит, хотя бы теоретически могли попасть и книги ее отца), то среди вложений, опубликованных на вышеупомянутом сайте, ничего подобного нет.

Копия визитной карточки представляет собой и иной, помимо владельческого, аспект выставки — а именно разнообразие вложений по способу тиражирования. К нему же относятся и предметы, найденные в русской книге гражданской печати петровского времени (5). Данная книга принадлежала Василию Григорьевичу Языкову (до 1699–?) — офицеру Преображенского полка (подпоручик с 1714 г.), а с 6 марта 1720 г. ассессору Следственной канцелярии Г.И. Кошелеву. 27 сентября

1720 г. Языков был временно отстранен от должности, а в декабре того же года отдан под следствие по обвинению во взяточничестве и служебных упущениях. 15 июня 1725 г. военный суд приговорил Языкова к смертной казни, которая была отменена в связи с указом об амнистии [5, с. 86]. В книге Языкова было найдено несколько игральных карт (только с очками, без фигур). Здесь же нашлась рукописная деловая бумага на немецком языке, датированная 1711 г. и, скорее всего, имеющая отношение к поступлениям в казну от таможенных сборов.

Следующий экспонат (6) также относится к русской истории XVIII в., причем в связи с Англией и биографией владельца книги И.О. Селифонтова. Это — финансовый документ на английском языке, т.н. «Second of exchange», представляющий собой разновидность переводного векселя (Bill of exchange). Бланк векселя изготовлен путем оттиска с гравюры на меди, а среди вписанных от руки имен, помимо двоих англичан, фигурирует и сам Селифонтов. Документ датирован 8 июля 1774 г. Заметим, что будущий генерал-поручик и рязанский и тобольский наместник Селифонтов прежде сухопутной карьеры служил на флоте, причем в 1763–1765 гг. был откомандирован на английскую службу, да и после этого находился в заграничных плаваниях и мог нуждаться в международных денежных переводах вроде отраженного в документе [6, т. 18, с. 292]. При этом финансы относятся и к теме книги, в которой вексель был найден.

Два экспоната — бумаги XIX в., технологически представляющие собой обычную типографскую печать, а по содержанию ушедшие в прошлое вместе с царской Россией. В одном случае (7) — это цензурное разрешение с сурочной печатью типографа. В книгах из фондов БАН такие вложения встречаются редко, тогда как в некоторых других библиотеках (например, НБ им. М. Горького СПбГУ) могут находиться во многих книгах, что, вероятно, связано

с особенностями комплектования фондов. В другом случае (8) — это бланк свидетельства об исповеди, найденного в книге из библиотеки Большого Придворного Собора. Подобные книги поступили в БАН в 1930-е гг. — спустя два десятилетия после Февральской революции, отменившей требование к чиновникам исповедоваться и причащаться не реже раза в год.

Еще две книги духовного содержания сохранили в себе рукописи XIX в., в обоих случаях написанные людьми не слишком высокого происхождения. Одна содержит письмо от 19 января 1898 г. (9), извещающее адресата женского пола о смерти другой женщины. Хотя текст написан почерком, характерным для достаточно образованных людей, и контекст написания, и обороты, ставшие архаичными или даже комичными к XX в. («приказала долго жить»), заставляют предполагать в авторе лицо низшего положения, чем те, о которых идет речь, — вроде приказчика. Второе письмо (10), примерно датируемое второй половиной XIX в., представляет собой уже явный образец переписки лиц низших сословий. Этому соответствуют не только почерк и содержание письма, но и формуляр, согласно которому изрядную часть текста (в нашем случае — большую) составляют поздравления от родственников, все из которых, независимо от возраста, названы по имени-отчеству.

Последний из экспонатов, относящихся к XIX в., — документ, а именно «напоминание» домовладельцу об уплате

налога (11). Адресат владел домом в Каргополе, и именно на Каргополье эта книга была добыта уже 1960-е гг. в ходе археографической экспедиции.

Выставку завершают вложения, отсылающие к реалиям XX в. В книге из библиотеки академика Н.К. Никольского (директора БАН в 1920–1925 гг.) был найден конверт, адресованный ему всего два месяца спустя после Февральской революции (12). Из книг другого академика — известного физиолога, бывшего князя А.А. Ухтомского — происходит машинописное уведомление о похоронах академика И.П. Павлова и гражданской панихиде по нему (13). Интересно, что, как и в предыдущем случае, вложения найдены в книге духовного содержания — только, в отличие от него, старообрядческой, что отражает переход Ухтомского в старообрядчество (единоверие) в 1900-е гг. [7, с. 577–578]. Наконец, позднейший по происхождению экспонат (14) — платежное извещение по самообложению от 1956 г. Данное свидетельство быта крестьян Русского Севера в советскую эпоху найдено в книге, привезенной из экспедиции в 1967 г.

На выставке были представлены отнюдь не все потенциальные экспонаты, не говоря уже о возможности других подобных находок в будущем. Это означает, что серия выставок о вложениях вполне может быть продолжена. Сотрудники Отдела редкой книги будут рады откликам на нее, включая сообщения коллег об их опыте изучения книжных вложений.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК ЭКСПОНАТОВ ВЫСТАВКИ

1. Засушенный цветок. Найден в книге: *Admirabiles Efectos de la Providencia Sucedidos en La Vida, é Imperio de Leopoldo Primero, Invictissimo Emperador de Romanos [...] En Amberes, 1716.*

2. Счет на латинском языке за 31 декабря 1703 — 31 мая 1704 г. Найден в книге: *Sermones en Todas de Las Fietas de Nuestra Señora. En Valladolid, 1642.* (Книга из библиотеки Санкт-

Петербургской римско-католической духовной академии).

3. Листок с приглашением. Надпись на лицевой стороне: «Его высокородію Г[оспо]д[и]ну Штелину» (русская скоропись XVIII в.). Надпись на оборотной стороне: «Ihro Erlauchten [нрзб.] Herr General Feld Marschal, Graf von Bestuschef Rumin Laßen d[en?] Etats Rath Stahelin ersuchen, die Guthe zu haben, um[b?] Morgen gegen 12 uhr zum Mittags Speußen zu kom[m]en, nachdehm [нрзб.] Frei[?] und [нрзб.] Etats Rath Nachmittag umb 3 uhr [нрзб.] Promenade nach Kamminou Nohs machen d[ie?] 16 Junii 1764». (Немецкий готический курсив с написанием отдельных слов гуманистическим курсивом). Найден в книге: *Les Histoires d'Herodote, Mises en François, Par P. Du-Ryer [etc.]. Paris, 1658.* (Книга из первоначального фонда БАН, поступившая в него с библиотекой лейб-медика Петра I Роберта Арескина).

4. Фотокопия визитной карточки на имя Александра Васильевича Никитенко. Найдена в книге: *Francisci Vasconi... Opera Omnia [etc.]. Lipsiae, 1694.* (Книга из библиотеки Роберта Арескина).

5. Деловая бумага на немецком языке (список помесячных поступлений в казну) от 1711 г. и рисованные игральные карты. Найден в книге: *Браун Эрнест. Новейшее основание и практика артиллерии. Москва, сентябрь 1709.* (Книга поступила в составе собрания Петровской галереи в 1930-е гг.).

6. Переводной вексель (Second of exchange) от 8 июля 1774 г. Гравированный на меди бланк с вписанным от руки текстом на английском языке. Найден в книге: *Новиков Иван. Ключ к выкладкам курсов, или ныне изобретенный, самый кратчайший способ верно выкладывать аглинской и голландской курс помощью особливых таблиц [...] сочиненный [...] на Российской [...] конторе по иностранной коммерции*

бухгалтером. Москва, 1794. В документе упоминается имя владельца книги И.О. Селифонтова.

7. Цензурное разрешение с сургучной печатью типографа. Найдено в книге: *Черты из жизни Введенского Орловского монастыря Игуменьи Серафимы С... Москва: Тип. Александра Семена, 1861.*

8. Бланк свидетельства об исповеди Большого Придворного Собора. Вторая пол. XIX в. Найден в книге: *Служба на Пяток Светлыя Седмицы. Москва, 1778.* (Книга из Большого Придворного Собора, поступившая в нач. 1930-х гг.).

9. Письмо от 19 января 1898 г. Найдено в книге: *Диоттра или Зерцало. Кутеин, 1651.*

10. Письмо солдату. Вторая пол. XIX в. Найдено в книге: *Поучения Ефрема Сирина и аввы Дорофея. Супрасль, 1786.* (Старообрядческое издание).

11. «Напоминание» домовладельцу об уплате налога. Конец XIX в. Каргополь. Найдено в книге: *Димитрий Ростовский. Жития святых (июнь – август). Москва, 1805.* (Книга привезена из археографической экспедиции в 1967 г.).

12. Конверт, адресованный профессору Н.К. Никольскому из Петроградского Частного университета при Психоневрологическом институте. 24.04.1917 г. Найден в книге: *Требник. Киев, 1775.* (Книга принадлежала академику Н.К. Никольскому).

13. Уведомление о гражданской панихиде «по академику И.П. Павлову». Найдено в книге: *История об отцах и страдальцах соловецких. Москва: Старообрядческая тип., 1914.* (Книга принадлежала физиологу академику А.А. Ухтомскому).

14. Платежное извещение по самообложению. 1956 г. Найдено в книге: *Псалтирь с воследованием. Москва, 1625.* (Книга привезена из археографической экспедиции в 1967 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. <http://www.library.spbu.ru/bbk/exhibitions/bookmarks.php> (дата обращения: 30.03.2019).

2. Francisci Baconi, Baronis de Verulamio [...] Opera Omnia [...] Opera Simonis Johannis Arnoldi, Ecclesiae Sonnenburgensis Inspectoris. Lipsiae [Leipzig], 1694. Вариант издания, неизвестный сводному электронному каталогу немецкой книги XVII в. VD17. Другие варианты, представленные в каталоге, либо имеют на тит. л. другую издательскую марку (14:675320U), либо имеют пробел на ее месте (1:045513Y), либо указание на Копенгаген в вых. дан. (12:730054V) (по VD17, все три варианта на самом деле изданы в Копенгагене). Листаж, ошибки нумерации столбцов и фингерпринт совпадают с указанными для этих вариантов.

3. РО ИРЛИ. Ф. 205. Д. 18111 («Извлечения и заметки»). Л. 11. («Чтобь овладеть природой, надобно прежде ей

повиноваться. “Naturam sequi, quae nisi parendo vincitur.” Беконъ»).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Алексеева М.А.* Михайло Махаев. Мастер видового рисунка XVIII века. Санкт-Петербург, 2003.

2. *Витязева В.А.* Невские острова. Елагин, Крестовский, Каменный. Ленинград, 1985.

3. *Витязева В.А.* Каменный остров. Ленинград, 1991.

4. *Никитенко А.В.* Дневник: в 3 т. Ленинград, 1955–1956.

5. *Серов Д.О.* Администрация Петра I. 2-е изд. Москва, 2008.

6. Русский биографический словарь: в 25 т. / под ред.: А.А. Половцова и др. Санкт-Петербург–Петроград, 1896–1918 гг.

7. *Николаев Н.И.* Академик князь А.А. Ухтомский как деятель и мыслитель старообрядчества // Труды Отдела древнерусской литературы. Санкт-Петербург, 2016. Т. 64. С. 576–586.

«СЛОВО НА ПОКРОВ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ» И ГРАВИРОВАННЫЙ ПОРТРЕТ СТАРООБРЯДЦА ИЛЬИ КОВЫЛИНА

АННОТАЦИЯ

Статья, написанная на вновь выявленном материале старообрядческих рукописей Библиотеки РАН, посвящена истории создания первого гравированного портрета известного старообрядческого деятеля и писателя Ильи Алексеевича Ковылина, а также включает сведения о заказчике портрета и авторе «Слова на Покров Пресвятыя Богородицы» Савве Ивановиче Стукачёве.

Ключевые слова: старообрядчество, московские купцы Илья Алексеевич Ковылин и Савва Иванович Стукачёв, гравёр Александр Гаврилович Афанасьев, гравированные портреты, рукописи Библиотеки Академии наук.

В Рукописном отделе Библиотеки РАН под шифром 16.8.2 хранится рукопись с сочинением, трактующим вопрос о «воображении» и авторитете «четырехконечного» и «восьмиконечного» креста, в форме ответов федосеевского наставника Ильи Алексеевича Ковылина на вопросы одного из последователей беглопоповского старообрядческого согласия [1]. В блок рукописи перед началом текста (л. IV) вклеен гравированный портрет И.А. Ковылина работы гравёра А. Афанасьева с подписью: «А.Г. Афанасьевъ» [2]. Под портретом выгравировано: «Илья Алексеевичъ Кавылинъ. Попечитель и учредитель старообрядческаго Преображенскаго Богадѣльнаго дома въ Москвѣ. Высочайше утвержденного, 1809-го Мая 15. Родился въ 1731-мъ году. Преставился въ 1809-мъ, августа 21. Иждивѣниемъ М.К. Саввы Стукачева» (рис. 1).

Изображенный на гравюре Илья Алексеевич Ковылин (20.07.1731–21.08.1809) — видный деятель старообрядчества, более всего известен как основатель Преображенского кладбища в Москве в 1771 г., ставшего крупным центром беспоповского Федосеевского согласия. Известен Ковылин и как

организатор общественной жизни федосеевцев, и как талантливый и авторитетный писатель и полемист. Живописные портреты И.А. Ковылина создавались, возможно, еще при его жизни, два из них (1-й трети XIX в.) сохранились (1) [3]. «У раскольников, — пишет исследователь искусства русской гравюры Д. Ровинский, — сохранились изображения их родоначальников: князя Андрея Денисова Мышецкого и Андрея Викулова; учредителя Преображенской богадельни в Москве — Ильи Ковылина и старообрядческих начетников: Филиппа Косцева и Андрея Ларионова Скачкова; но эти портреты не лубочной гравировки и в народ не выходили; при сильном гонении на раскольников они могли проникать только в богатые раскольниковы дома и ставились там в молельнях, наравне с иконами» [4].

Упомянутый в подписи к гравюре указ имп. Александра I от 15 мая 1809 г. утвердил статус Преображенского Богдельного дома в Москве [5]. Гравёр на меди Александр Гаврилович Афанасьев работал в Москве в 1816–1862 гг. Однако в перечне его художественного наследия интересующая нас гравюра не значится, хотя перечислены

гравированные им в 1837–1853 гг. портретные изображения нескольких духовных лиц [6]. Трудно определить точную дату создания интересующей нас гравюры, так как водяной знак на её (тряпичной) бумаге не просматривается. По мнению исследователей, перед нами «посмертный гравированный портрет 10–30-х гг. XIX в. <...> в технике пунктира» [6]. По внешнему виду изображения мы склонны датировать создание портрета серединой 10-х гг. XIX в., т.е. начальным периодом работы гравера Александра Афанасьева, что находит подтверждение в найденных нами материалах, о чем будем говорить ниже. Илья Ковылин запечатлен сидящим возле стола с книгами (Евангелие и Кормчая), свитком в руке и медалью на шейной ленте. Золоченая медаль с изображением профиля имп. Александра I и надписью: «За усердие» (?) была вручена учредителю Преображенского Богдельного дома, возможно, одновременно с утверждением статуса этого заведения в 1809 г., незадолго до смерти его основателя [3]. В руке Ковылин держит свернутый свиток с текстом: «Лучше имя доброе, нежели богатство многое...» (Притч 22. 1–2). Изображение медали дает возможность предположить, что портрет, с которого была изготовлена гравюра, писался в том же году (2). Заказчиком гравюры назван (в подписи) «М.К. (московский купец. — Н.Б.) Савва Стукачѣв». Отцом Саввы был московский купец 2-й гильдии Иван Михайлов Стукачѣв (род. в 1768 г.), стоявший у истоков Преображенской общины, а с 6 мая 1816 г. выбранный одним из её попечителей. Он и его дети упомянуты в ревизских сказках 1809, 1811, 1815 и 1833 гг. [7]. Старший сын Савва родился в 1791 г. и тоже стал купцом.

В состав рукописи БАН из собрания Каликина № 22, содержащей сочинения Ильи Ковылина, включена тетрадь (Часть V, л. 39–48 об.) с анонимным «Словом на Покров Пресвятыя Богородицы», переписанным характерной авторской скорописью с пометами и

зачеркиваниями (рис. 2). На верхнем поле листа 39 помечено: «№ 2. 1809 года». Филлигрань на бумаге этой части рукописи подтверждает названную датировку [8]. Слово начинается цитатой из поучения Иоанна Златоуста: «Якоже бо рай другой есть...», выписками из Пролога (1 октября) о видении св. Андрею Пресвятой Богородицы, Соборника, Толкового евангелия и других книг. Далее следует вполне оригинальный авторский текст о подготовке человека на земле к райскому блаженству с помощью поклонения символам божества: образу Богородицы Одигитрии, Голгофскому кресту и святым иконам с объяснением: «Преславная нѣкая дѣла на иконахъ изображаются скорѣйшаго ради воспоминания» (л. 46 об.). Далее автор переходит к объяснению известных ему светских изображений: «Тѣм же и военачальникомъ онымъ, одержавшим побѣду над враги, побѣдныя знаки: образы изваянныя царие поставляютъ, инѣм же столпы чудныя за мужество тѣхъ воздвизаютъ!». В сноске уточнено: «Суворову образъ ево, а Румянцеву столпъ чудный, послугу царицѣному, Павломъ царемъ поставлены; такъ и Орлову за сожжение турецкаго флота на прудѣ в Царскомъ селѣ высокой столпъ с кораблями царица Екатерина...» (запись обрешана) (л. 47). Далее автор Слова пишет: «Такожде и от любви многия в домахъ своихъ образы челоувѣческия написаниемъ: родители чады своихъ [и чада родителей своихъ] (скобки оригинала. — Н.Б.) желания ихъ ради и любви к тѣмъ, яко да не в забвение тѣхъ приидутъ; и цѣлуютъ я, любви ихъ ради» (на поле: «Соборник»). Ниже: «И аще всяко сия, плотския ради любви, сродникъ своихъ образы написаниемъ [и цари побѣдителемъ чудныя знаки поставляютъ, да зрящихъ нанѣ к подражанию воздвигнуть!]. То много паче мы должны есмы исповеднику святыхъ иконы со страданми ихъ писати, излившихъ кровь свою за любовь Христову! Дозде Дамаскин и Златоуст святый» (л. 47–47 об.).

В конце Слова (с небольшим промежутком) следует текст, ради которого

автор, должно быть, и составил свое сочинение: «То не должны ли и мы, православные, возблагодарить Господа Бога о сем, что и в нашем родѣ и не такъ давно, кажется, что всѣмъ памятно еще, проявилъ (на поле: показалъ) Господь твердыхъ и непобедимыхъ вѣры нашей исповѣдниковъ, от нихъ же единого вам напомяну (на поле: предложу): с котораго и мы, в знакъ к нему любви и благодарности за одержанную имъ мужески над враги (на поле: бѣсы) победу, образъ лица его с великимъ потщаниемъ и трудом в память будущимъ родом христианскимъ списали. Но списакъ тотъ по причинѣ (на поле: нѣкоей) (неотдачи живописцу денегъ — скобки оригинала) болѣе пяти лѣтъ удержанъ былъ в рукахъ иновѣрныхъ (на поле: грека). И всеконечно былъ бы онъ истребленъ ими (на поле: имъ), по нѣкоей досадѣ.

Тѣм же я, за любовь Христова страдальца (на поле: и вѣры нашей исповѣдника — зачеркнуто) всѣ употребилъ возможности и старания (на поле: о изручении того). И болие шести мѣсяцовъ уже прошло, какъ выкупилъ ево от нихъ без всякаго повреждения! И онъ находится теперь у меня! А нынѣ за необходимость почель я объявить (на поле: о семъ — зачеркнуто) вамъ слѣдующее: что я располагаю ѣхать отсель, — а страдалецъ сей (на поле: гражданинъ) есть здѣшний общества (последнее слово зачеркнуто) и сего храма здатель былъ. То и разсуждается мнѣ [а не знаю какъ (покажется) вамъ — скобки оригинала], что для воспоминания его мужескаго о святѣй верѣ (его — зачеркнуто) подвизания и великодушнаго его (на поле: за Христа) страдания, списакъ лица его (непремѣнно кажется что — зачеркнуто) долженъ остаться здѣсь в христианскомъ вашемъ собрании! Ежели и вам будетъ сие угодно. А вы из усердия толко к нему и любви, всякъ по возможности, посабите мнѣ в томъ ево искуплении: за что вѣрно вы получите на Судѣ от полка страдальческаго награду! А и здѣсь еще теперь возьмете от насъ (на поле: себѣ

в память) точныя (подобныя — зачеркнуто) лица его виды, печатные на листахъ, лежащія будутъ у здѣшняго свѣчника и казначѣя. А ежели вамъ будетъ сие в тягость (не разсудится — зачеркнуто), то я всѣ с собой увѣзу!» (л. 47 об.—48 об.) (рис. 2).

Старообрядец Федор Антонович Каликин, которому до 1948 г. принадлежала рукопись с цитированным здесь сочинением, так прокомментировал эту несколько сумбурную запись: «Очень жаль, что неизвестен автор этого Слова, которое кончается призывом о выкупе портрета строителя храма (моленной), очевидно гравированного или литографированного, и тоже не указано, с кого именно был напечатан портрет. Не был ли это портрет Ильи Алексеевича Ковылина? Очень похоже по времени, и что он был строителем храма. Ф.К.». Предположение Ф.А. Каликина оказалось вполне справедливым. На основании приведенной записи автора «Слова на Покров Пресвятыя Богородицы» нам представляется, что речь в ней идет о ранее существовавшем *живописном портрете* И.А. Ковылина, переданном граверу А.Афанасьеву для изготовления гравированного портрета, заказанного уже более пяти лет тому назад, который «по причине неотдачи живописцу денег <...> удержан былъ в руках иновѣрныхъ (грека)».

Далее автор Слова сообщает, что «более шести месяцев уже прошло, как выкупил ево (живописный портрет. — Н.Б.) от них без всякаго повреждения! И он находится теперь у меня!». Признавая, что изображенный на портрете «отец сей есть здешний общества <...> и сего храма здатель был», автор настаивает, что «для воспоминания его <...> список лица его должен остаться здесь в христианском вашем собрании!». Речь здесь идет, несомненно, о Преображенском кладбище и созданной Ильей Ковылиным федосеевской общине, которой автор предполагал передать выкупленный им живописный портрет отца-основателя. Обращаясь уже непосредственно к прихожанам храма,

членам общины, он призывает прихожан «пособить» в «искуплении» понесенных им затрат на выкуп живописного портрета и сообщает о возможности сделать это с помощью приобретения ими гравированных оттисков: «возьмете от нас (себе в память) точныя лица его виды, печатные на листах, лежащая будут у здешняго свечника и казначея».

Поскольку нам известен заказчик гравированного портрета Ильи Алексеевича Ковылина, его и следует признать автором «Слова на Покров Пресвятыя Богородицы». Это уже известный нам московский купец Савва Стукачѣв. Этот вывод может быть подтвержден и «угрозой», которой заканчивает свое Слово автор: «А ежели вам будет сие в тягость (т.е. купить отпечатанные гравюры. — *Н.Б.*), то я все с собой увезу!», из чего следует, что «московский купец» постоянно не жил в Москве и увезти из города намеревался достаточно солидный груз, а именно весь *тираж* отпечатанных по его заказу гравюр. Возможно, Савва Стукачѣв собирался ехать из Москвы в Коломну, где у его отца был собственный дом.

Вышеназванная рукопись БАН 16.8.2 с вклеенным в нее гравированным портретом И.А. Ковылина (л. IV) содержит «Ответы» Ильи Ковылина на заданные ему вопросы. Всего в рукописи 3 вопроса-ответа, «Предисловие» и «Надсловие ответов». Эти вопросы (как указано на л. 73 об. рукописи) были направлены против учений адептов беспоповских согласий: федосеевцев, поморян, филиповцев, балчужных, «девкина согласия», новоженев, саможенев, самокрещенцев, «тюриных сонмицы». Из приведенного перечня следует, что анонимный «вопроситель» принадлежал к одному из беглопоповских согласий, скорее дьяконовщине, так как признает священство церкви и считает четырехконечный крест равным восьмиконечному. В последней четверти XVIII в. на Преображенском кладбище часто происходили собрания для обсуждения и урегулирования различных бытовых и богословских вопросов,

с приглашением представителей общин как федосеевских, так и иных беспоповских, так и беглопоповских согласий. Обсуждался там и устав общины, ибо, как известно, Ковылин сначала хотел взять за основу для своей общины Выговский устав, но затем «ввел устав, полученный с Ветки».

Яркая внешность, темперамент и ораторские способности выступавшего на этих собраниях Ильи Ковылина привлекали внимание слушателей и производили на них сильное впечатление. На л. 103 об. рукописи 16.8.2 указана дата написания сочинения 7287 (1779) г. В «Ответах» описана встреча автора заданных вопросов с «ответчиком» Ильей Ковылиным (?): «...четвероко́нѣчному кресту Христову ругателство от помянутаго ихъ предводителя и псевдодидаскала, рыжий видъ з горбатымъ носомъ имущаго, мы сами видѣхомъ в прошедшихъ временѣхъ, еще прежде моровья язвы (март 1772 г. — *Н.Б.*), в селѣ Преображенскомъ, иже при царствующемъ градѣ Москвѣ, в домѣ нѣкоторомъ страны их разума, бѣседоухомъ с нимъ при собрании о славѣ и чести от двою древу слагаемаго четвероко́нѣчнаго креста Христова...» (л. 61). С известной степенью вероятности можно предположить, что составителем вопросов, предложенных Илье Ковылину, был старообрядец-попoveц, настоятель Комаровского скита на Керженце Иона Курносый (Курносов) (? — после 1780), сочинения которого посвящены обсуждавшейся на «беседах» теме: почитанию «четвероко́нечного» креста наравне с «восьмиконечным» [9]. Сочинения этого автора, участника переписки иноков Комаровского скита с их единовѣрцами на Ветке, мы находим в сборнике БАН Друж. № 76.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что замысел размножить на гравированном портрете образ «учредителя старообрядческаго Преображенскаго Богадельнаго дома» Ильи Ковылина появился у старообрядцев вскоре после кончины последнего в августе 1809 г.,

когда заказанный ранее у неизвестного светского художника (грека?) живописный портрет («список лица»), который «более пяти лет удержан был в руках иноверных» (православных), был передан гравёру Афанасьеву, а затем еще полгода находился у выкупившего портрет благотворителя. В итоге мы получаем 1815 или 1816 г. За прошедшее время, как известно, в России произошли такие эпохальные события, как нашествие наполеоновских полчищ и грандиозный пожар Москвы, сильно разоривший московское купечество. Неудивительно, что выкуп портрета у живописца (?) и заказ тиража гравированных изображений «отца-основателя» были для заказчика вовсе не дешевым делом и он в своем обращении к единоверцам явно рассчитывал на их материальную поддержку. Вместе с тем отметим, что старший Стукачёв (Иван Михайлов), в ходе смены руководства Преображенской общиной, 6 мая 1816 г. был избран в состав ее попечителей и это требовало определенной рекламы, а также и то, что знаменитый впоследствии гравёр Александр Афанасьев начал работать в Москве именно в 1816 г.

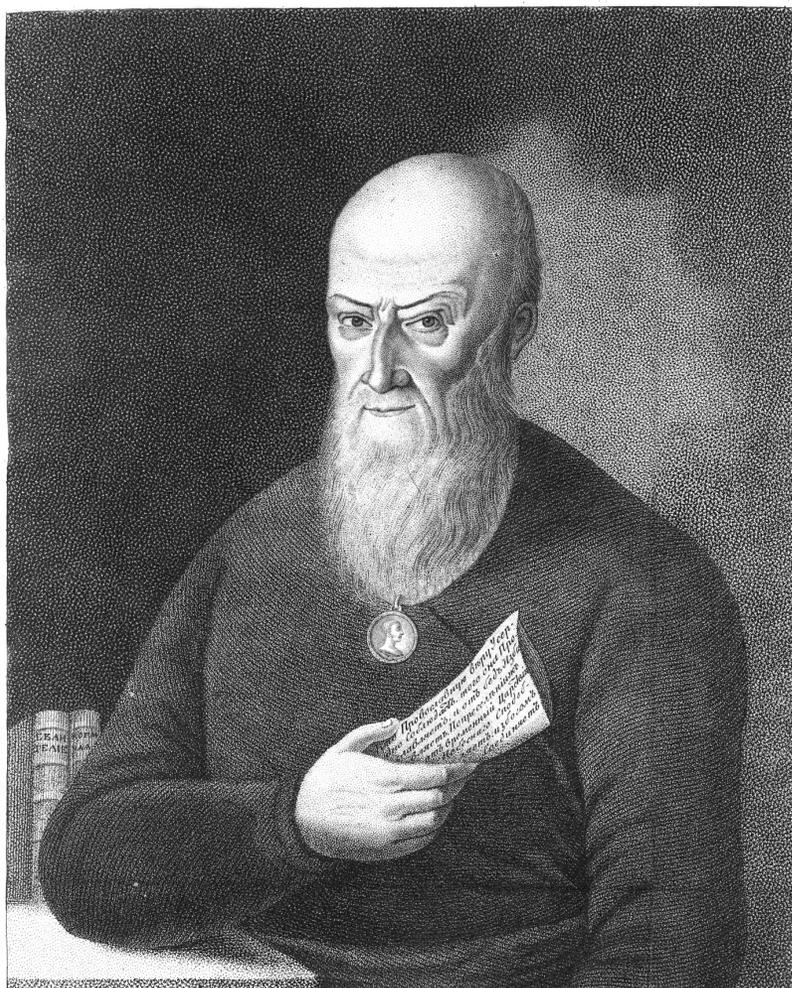
Таким образом, создание «Слова на Покров Пресвятыя Богородицы», включенного в рукопись собр. Каликина № 22, следует датировать вышеназванным временем, и его автором, предположительно, можно считать московского купца-старообрядца Савву Стукачёва, которому было тогда около 25 лет от роду. Тетрадь

с составленным им Словом, уезжая, молодой человек оставил «лежать» у преображенского свечника и казначея, наряду с живописным портретом Ильи Ковылина и тиражом заказанных им гравюр отца-основателя: «лица его виды, печатные на листах».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Оба портрета воспроизведены в Православной энциклопедии (Я.Э.З. Ковылин И.А. Иконография // ПЭ. Т. XXXVI. Москва, 2014. С. 192, 193). Портрет, воспроизведенный на с. 192 (10–40-е гг. XIX в., частное собрание), послуживший, должно быть, оригиналом для гравёра, долгое время (около 150 лет) хранился на Преображенском кладбище. Сохранилась фотография председателя Преображенской общины М.И. Чуванова (1890–1988) с этим портретом. Буклет: Центр традиционной русской культуры. Преображенское. [Б.м., б.г. С. 6] (рис. 3).

2. Обстоятельства, связанные с награждением московского купца И.А. Ковылина медалью, нам неизвестны. Как пишет Л.Е. Шепелев: «Наградные медали <...> в виде дисков (круглых или овальных) <...> носимых на лентах на шее <...> появились в России во время Северной войны, затем получили распространение в последней трети XVIII в. <...> Как правило, медали имели надписи, пояснявшие, за что они выданы». См.: *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена. Ленинград, 1991. С. 212–213.

Илья Алексѣевичъ

КЛВЫЛИНЪ.

*Попечитель, и учредитель, Старообрядческаго
Преображенскаго Богодѣльнаго дома въ Москвѣ.
Высочайше утвержденного, 1809го Мая 15.*

Родился въ 1731го Году

Преставился въ 1809го Августа 21.

Медованіемъ М. К. Савви Стукарева.

Рис. 1. Гравированный портрет И.А. Ковылина (БАН. 16.8.2)

Своихъ образы напхсютъ . [ицари,
 побѣхътаемъ, стогныя знаки погла-
 вляютъ: гдзрящкхъ камъ к'погра-
 жанію воззвѣкхтѣ!] по много-
 го пате ми должи всми, и по-
 вѣзхкхъ стыхъ ікони, со старода-
 сн ихъ пхсатх, и з'м'явххъ крове
 своею залобовъ хрт'овъ? — — —
 Дод: гдмас: и з'м'яоу стхми!

То не должи м' и ми правосла-
 вные, возблгозаритъ гдѣ бѣа ѡсе,
 стао и в'нашемъ рѣзѣ, и кетакъ за-
 вно, кажетсѣ, стао всѣмъ памѣтно
 покада еще, гдоявххъ гдѣ, п'в'рххъ и не-
 побѣхъемыхъ вѣры нашѣя и стова-
 рхкхъ вѣ? — ѡмххѣже гдхнаго ва-
 преглоу напомнѣт: — Скопорого и ми,
 ѡзкакъ к'нему блгозаркостх, за-
 ѡдржанндо и мѣ мужески нагѣ-
 бгьси врагѣ побѣзѣ, образѣ мхца гед,
 С'вѣлкххъ потащаніемъ и таргѣо,
 зри ~~Бѣпаметъ~~ б'удущемъ // рокобѣ,
 хрт'іанскхмъ

Рис. 2. Фрагмент «Слова на Покров Богородицы» (БАН. Собр. Ф.А. Каликина № 22. Л. 47 об.).
 Почерк московского купца Саввы Стукачёва (?)

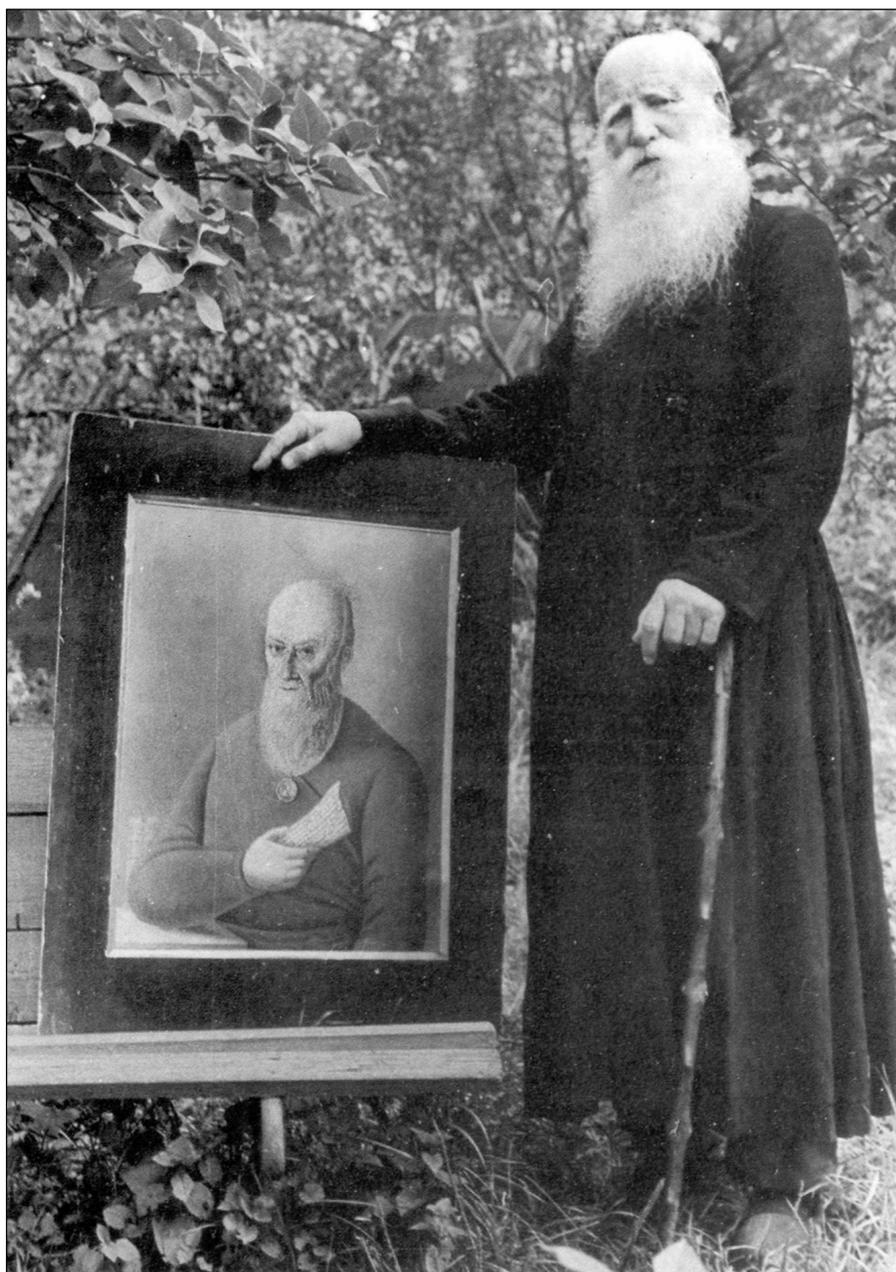

Рис. 3. Наставник Московской Преображенской общины М.И. Чуванов (1890–1988) с портретом И.А. Ковылина

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. БАН. 16.8.2 (Собр. Российской академии № 19). XVIII в. (белая дата бумаги: 1794 г.), 207+III л. См.: Описание Рукописного отделения БАН / сост. *В.И. Срезневский и Ф.И. Покровский*. Т. 2. Санкт-Петербург, 1915. С. 137.

2. *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. Санкт-Петербург, 1895. С. 29, № 68. Гравюра (18,8 × 15,5 см.) выполнена в технике «крепкой водки», сухой иглой.

3. *Я.Э.З.Ковылин И.А.* Иконография // ПЭ. Т. XXXVI. Москва, 2014. С. 193–194.

4. Русские народные картинки. Собрал и описал *Д. Ровинский*. Кн. V. Заключение и алфавитный указатель имен и предметов. Санкт-Петербург, 1881. С. 81. Примеч. 67.

5. ЦГИА. Ф. 673. Оп. 2. Д. 2. Л. 5, 10.

6. *Ермакова М.Е.* Афанасьев А.Г. // ПЭ. Т. IV. Москва, 2002. С. 73.

7. Форум союза возрождения родословных традиций. URL: <https://forum.svrt.ru/topic/7136-%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BA%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%B2%D1%8B-%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BA%D0%B0%D1%87%D0%BE%D0%B2%D1%8B/> (дата обращения: 29.03.2019).

8. Филигрань: Pro Patria (PP) с девизом «С & Nonig». См.: *Клепиков С.А., Кукушкина М.В.* Филигрань «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного происхождения // Сб. ст. и материалов происхождения // Сб. ст. и материалов БАН по книговедению. Ленинград, 1965. № 195 (1742–1810); *Voorn H.* De papiermolens in de provincie Nord-Holland. Haarlem, 1960. № 147 (1810).

9. *Азеева Е.А.* Иона Курносый // ПЭ. Т. XXV. Москва, 2010.

ОБРАЗ В.И. ЛЕНИНА В РЕВОЛЮЦИОННОЙ САТИРЕ 1917 ГОДА: по материалам фондов Библиотеки Российской академии наук (БАН)

АННОТАЦИЯ

Фонды БАН, помимо научной литературы, содержат множество публицистических изданий, дающих богатый материал для изучения исторических процессов в России. В статье на материале периодических изданий (сатирические журналы, сатирические газеты, газеты партий, другие газеты и журналы с разделами сатиры и юмора) из фондов БАН и ИРЛИ РАН рассмотрен образ В.И. Ленина, фракции большевиков, их идеологии и деятельности, сформировавшийся в сатире периодической печати Петрограда за 1917 год.

Ключевые слова: революция, сатира, юмор, Ленин, большевики, РСДРП(б), анекдот, памфлет, фельетон, Великая русская революция, сатирические журналы, сатирические газеты, Петроград, сатирическая журналистика, Библиотека Академии наук.

На протяжении десятилетий в советском изобразительном искусстве, кинематографе, литературном творчестве формировался идеализированный образ В.И. Ленина как героя, лидера передового политического движения, «вождя» революции. В условиях советской культурной парадигмы такой образ был идеологически оправдан и долгое время не подлежал критике и пересмотру. Однако существовал и другой пласт иконографии и текстов. В советскую эпоху он не имел возможности выступать как альтернативный образ, не тиражировался, замалчивался, его распространители преследовались. Одним из источников такого критического осмысления личности В.И. Ленина стала сатирическая периодика периода Великой русской революции. Являясь одним из наиболее эффективных средств передачи информации в то время, периодика была средством моделирования общественного сознания. Творчеством неравнодушных к судьбе России художников и писателей Петрограда, которые видели Октябрьскую революцию с позиции «по другую сторону баррикад», создавалось альтернативное лицо деятелей фракции РСДРП(б). Сейчас многие

периодические издания, содержащие уникальные сатирические образы, стали редкостью, и лишь небольшая часть этой иконографии и текстов на данный момент доступна широкому кругу читателей. Не так давно вышедшие монографии и альбомы на тему революционной сатиры ограничивают круг рассматриваемых источников лишь сатирическими журналами [1, 2] (что не умаляет ценности этих работ). Тем не менее формирование и развитие сатирических образных рядов по-прежнему является важным источником изучения политической, социальной, художественной жизни страны великой эпохи перемен. В связи с этим целью данной статьи является презентация этих образов, процессов их формирования и развития, места в политическом контексте революционного Петрограда.

Источником сатиры на большевиков являлись, в большей степени, сатирические журналы и газеты. Издателями они официально не позиционировались как органы каких-либо партий и «de facto» отражали либеральную точку зрения. Такие издания представлены в фонде БАН журналами «Бич», «Барабан», «Новый Сатирик», «Пугач» и др. Среди газет

и журналов были и рассчитанные на широкий круг читателей, в том числе бульварные издания, например, имеющиеся в фонде БАН «Синий журнал» (с разделом сатиры), «Петроградский весельчак», «Веселая панорама» и др. Газеты партий («Правда», «Единство», «Земля и воля», «Новая жизнь» и пр.) использовали сатиру как средство продвижения своих политических идей, но поскольку основной их функцией являлась все же передача информации, сатира в них встречается ситуативно. Часто сатира в этих изданиях затруднительно поддается обнаружению, поскольку присутствует внутри информационных статей, объявлений и т.д.

Особенности содержания сатиры в периодических изданиях на протяжении 1917 г. уже рассматривались в ряде работ ранее [1–4, 6], поэтому остановимся лишь на интересующей нас теме. Количество обличительных публикаций в адрес большевиков увеличивалось по мере роста политической активности деятелей этой фракции. Систематически и массово критика появляется в сатире с весны 1917 г. Она была связана с приездом В.И. Ленина в Петроград в апреле, выступлением с «тезисами» и дальнейшей реализацией политической программы. Вместе с множеством других карикатур и памфлетов, имевших разные адресаты, сатира иллюстрирует возрастающую от февраля к октябрю политическую и социальную напряженность. Тревожность и пессимизм, связанные не только с деятельностью большевиков, все больше читались в сатире с течением этого периода. Эти настроения к осени стали центральной темой в рассматриваемых изданиях самой разной политической ангажированности.

Анализируя совокупность иконографии и текстов, можно вывести несколько основных, объединенных одной концепцией образов, через которые трактовалась личность В.И. Ленина и его единомышленников на страницах оппозиционной им прессы.

1. Германский шпион. Официально факт финансирования Октябрьской революции Германией так и не был доказан, однако образ «протеже» Вильгельма II за В.И. Лениным прочно закрепился в сатире того времени. Редакторы журналов, симпатизировавшие Временному правительству, и издания партий активно эксплуатировали этот образ в политических целях, в особенности, после трагически окончившихся демонстраций при участии большевиков в начале июля в Петрограде. Вина за гибель демонстрантов от рук до сих пор неизвестного стрелка на углу Садовой улицы и Невского проспекта была возложена на деятелей РСДРП(б), что стало причиной их преследования, уничтожения типографии газеты «Правда», бегства В.И. Ленина с группой единомышленников за границу, откуда они вернулись лишь незадолго до Октябрьского переворота. На карикатурах лидер большевиков часто изображается берущим оплату своей деятельности у некоего человека в каске с характерным «шпилем», либо от самого императора Германии. Вильгельм II изображался сатириками в дружеских объятиях с В.И. Лениным, жмущим ему руку и благодарящим за «работу» в России (рис. 1). Иногда В.И. Ленина за антиправительственную агитацию благодарят и представители свергнутой власти, например, на карикатуре в журнале «Пугач» за его спиной стоит Марков II, бывший до Февральской революции депутатом Государственной Думы Российской империи III и IV созывов (рис. 2). Образ В.И. Ленина-«шпиона» в сатире часто сопровождается изображениями поезда и шутками о «пломбированном вагоне», в котором тот с группой большевиков прибыл в Россию в апреле 1917 г.: «Коварный демон-искуситель / Вильгельм ласково шептал / Не все пропало, повелитель, / Что Протопопов обещал / Пошли им Ленина с друзьями / Да понадежней дай вагон / Запросят мира скоро сами / Как поналяжем с двух сторон / ...И за фортуною в погоне / Вильгельм проезд

им разрешил / В запломбированном вагоне / В Россию Ленин прикатил» [5].

2. Дебошир, дестабилизирующий и без того сложную обстановку в стране, агитирующий на погромы лозунгами «Долой!», «Бей!». Этот образ включал в себя уже не столько самого В.И. Ленина, сколько «типичного», по мнению карикатуристов, большевика. Во многом поводом для возникновения этого образа стали упоминавшиеся уже июльские беспорядки в Петрограде. В ряде случаев большевиков приравнивают к анархистам, упоминая вместе («большевики и анархисты»), а иногда даже сводят их в один образ преступника, мародера, вора и погромщика. Анархисты в сатире 1917 г. обрели репутацию разбойников, безнаказанно совершавших противозаконные действия, прикрываясь программой своей партии (Запугать и обобрать. (Программа партии «анархистов» наших дней) [7]). Такое «слияние» было выгодно как средство политической дискредитации. К ряду этих образов относится и «грядущий хам», как окрестили большевика либеральные сатирические журналы — пьяница, малообразованный, агрессивно настроенный дикарь, беспринципно и уверенно ведущий свой путь через анархию и хаос к своей цели — власти. Его сущность нередко показывали через его рост — неопрятный на вид карлик, «не дотягивающийся» до России, но ничуть не смущающийся этого, невозмутимый и твердый в своих намерениях (рис. 3). Летом и осенью на страницах журналов и газет появляется также обобщенный образ «анархии» в виде человекоподобного чудовища гигантских размеров, громящего улицы Петрограда. Он объединял в себе не только большевика и анархиста, но и любого участника беспорядков или провокатора.

3. «Внутренний» враг, аферист и узурпатор, воспользовавшийся случаем, чтобы реализовать свои цели. В ряде изображений В.И. Ленин или же некий «анархист-большевик-разбойник» в одном образе наносит удар в спину «русской свободе», свертывает страну в состояние анархии, сводя на нет все позитивные либеральные начинания Февральской революции (рис. 4).

4. Библейский образ предателя также эксплуатировался газетами и журналами. В них В.И. Ленин предстает в виде Иуды, принимающего мешок с «30-ю серебряниками» от кайзера.

5. «Смерть» России. Этот образ появляется уже накануне Октябрьской революции как мрачное предчувствие предстоящих событий. Он также является обобщенным для деятелей РСДРП(б), а иногда и любого нарушителя порядка. Он продолжает тиражироваться и после октябрьских событий вплоть до ликвидации оппозиционных изданий в период гражданской войны (рис. 5).

Негативный образ большевика, форсированный в периодической печати партий и сатирических журналах на протяжении года, постепенно демонизировался, переходя от приземленного облика афериста или неблагополучного члена общества до мистического «предельного» образа смерти как конца «русской свободы». В этих образах был выражен острый конфликт интересов фракции РСДРП(б) с другими (в том числе РСДРП) партиями и органами власти. Содержание либеральных в большинстве своем сатирических журналов, а также газет различных партий, демонстрировало резкое и искреннее неприятие новой, назревающей действительности.

Рис. 1. «Наконец Одни!» [Вильгельм II и В.И. Ленин]. Рисунок В. Сварога.
Журнал журналов. 1917. № 24–25

Рис. 2. Пугач. 1917. № 7. Ленин: Долой дисциплину. Мир без аннексий и контрибуций. Марков: Благодарю вас, товарищ, вы воскрешаете наши угасающие надежды

Рис. 3. Стрекоза. 1917. № 38.
Россия: Мне с тобой неудобно!
Не подходишь для меня!
Мал слишком!
Он: А ведь я большевик!

Рис. 4. Пугач. 1917. № 14

Рис. 5. Пугач. 1917. № 14

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Баратов П.Н., Филиппова Т.А.* Великая война и Великая революция в русской журнальной сатире, 1814–1918: [альбом-монография] / [Ин-т рос. истории РАН, Ин-т востоковедения РАН]. Москва: Кучково поле, 2017. 303 с.

2. Бич, 1917: события года в сатире современников: [антология: к 100-летию революционных событий / авт. идеи, сост., дизайнер В. Гусейнов]. Москва: Бослен, 2017. 229, [2] с. (Листая старые журналы...).

3. *Бубенцова [Прохоренко] А.В.* Сатирические журналы Петрограда за 1917 г. как источники информации о революционных событиях (по материалам фондов

Библиотеки Российской академии наук) // Общество. Среда. Развитие. 2017. №. 3. С. 8–14.

4. *Игнатенко-Дэсанлис О.В.* Революция в Обложке — 1917 год от Пасхи до Распятия. [Электронный ресурс] // Музей политической истории России [Сайт]. URL: <http://www.polithistory.ru/upload/iblock/642/642c66a649f63a8f28dab27cae2763ca.pdf> (дата обращения: 19.05.2019).

5. Коварный совет / подп. В.К. // Единство. 1917. 27 апр. (№ 49).

6. *Латшин В.П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. Москва: Советский художник, 1983. 495 с.

7. [Подпись под изображением] // Стрекоза. 1917. № 24. С. 1.

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА В ГОД ПОЛНОГО СНЯТИЯ БЛОКАДЫ:
выставка ОИАН БАН
(краткий обзор)**

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена выставке, представленной в читальном зале Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, научный подвиг, академические учреждения, воспоминания.

27 января 2019 г. состоялось празднование 75-й годовщины окончательного снятия блокады Ленинграда. К этому событию Библиотека Академии наук организовала ряд мероприятий. Среди них была и выставка Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук (ОИАН) «Академическая наука в год полного снятия блокады: к 75-летию освобождения Ленинграда».

Нашей целью было напомнить о роли ученых и учреждений АН СССР в тяжелые дни блокады Ленинграда. При подготовке экспозиции был использован библиографический указатель, составленный сотрудниками БАН, ставший одним из экспонатов выставки [1]. Экспозиция включала более 60 книжных экспонатов. Вниманию посетителей были представлены как издания военного времени (1941–1945 гг.), так и современные работы, посвященные блокаде Ленинграда и роли советской науки в период Великой Отечественной войны. В том числе — сборники документов военного времени, письма и воспоминания ученых, переживших войну и блокаду, изданные уже в послевоенные годы. Особое внимание уделялось изданиям именно 1944 г. (года полного снятия блокады), выпущенным в разных городах.

Выставка состояла из трех разделов: 1) «Ленинградские академические

учреждения в блокадные годы», 2) «Научный подвиг ученых блокадного Ленинграда» и 3) «Академия наук СССР в Великой Отечественной войне». Ведущая тема экспозиции — деятельность институтов АН СССР в осажденном Ленинграде (первый раздел). Материалы, представленные во втором разделе, позволяли пристально взглянуть в судьбы конкретных людей — в данном случае сотрудников и руководителей учреждений Академии наук. Наконец, третья часть представляла панораму советской науки в тяжелое для всей страны время.

Направление деятельности научных учреждений во время Великой Отечественной войны было в значительной мере раскрыто на выставке 2015 г. «Академия наук в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)», представленной на сайте БАН (см. URL: http://ras.ru/science/15_Exhibitions/an_1941_1945.php (дата обращения: 04.02.2019)). Основные усилия ученых были направлены на самые насущные бытовые проблемы — обеспечение населения продуктами питания (например, повышение эффективности выращивания картофеля), а также медицину (поиск эффективных средств лечения ран, насыщение рациона витаминами), промышленность, транспорт и строительство, оборонную деятельность.

Наша выставка также касалась этих вопросов [6, 19, 22, 23].

Мы посчитали необходимым упомянуть труды ученых, продолжавших работу над своими основными научными темами в тяжелых военных условиях — в границах осажденного города и эвакуированных после начала блокады. Защищались диссертации. Например, прошла защита работы А.Н. Болдырева «Литература и фольклор Бадахшана» [11, с. 23].

Раздел «Ленинградские академические учреждения в блокадные годы» был представлен изданиями организаций разных научных направлений — в основном, технических (например, Физико-технического института АН СССР), но также и гуманитарного (например, Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР). О роли Института востоковедения АН СССР можно узнать из статей С.И. Марахоновой [10, 11].

Открывали раздел современные исследования — «Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны» [2], «Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны» (как отсылка к разделу, посвященному войне в целом) и «Ученые Ленинграда в годы блокады», а также знаменитый труд А.В. Кольцова «Ленинградские учреждения АН СССР в 1934–1945 гг.» [3]. Были представлены статьи: В.П. Леонова и Н.В. Колпаковой, посвященные деятельности Библиотеки Академии наук в военное время [4], Б.А. Вальской «Географическое общество в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945» [5] и И.А. Федосеева «Вклад географов и геологов в Великую Победу» [6].

Здесь же можно было увидеть рефераты работ за 1944 г. двух отделений АН СССР — химических и биологических наук, а также издание Ботанического института АН СССР «Разведение шампиньонов: краткие указания по культуре шампиньонов» [7].

Кроме того, в качестве перехода к разделу персоналий был выставлен сборник документов «Научно-организационная

деятельность академика А.Ф. Иоффе» [8].

Раздел «Научный подвиг ученых блокадного Ленинграда» включал в основном современные издания, посвященные конкретным ученым и сотрудникам учреждений АН СССР. В письмах сотрудника Института этнографии АН СССР Евгении Эдуардовны Бломквист к коллеге и подруге Надежде Павловне Гринковой описывалась не только тяжелые годы советского этнографа и «ленинградской научной интеллигенции» [9, с. 5], но и судьба Института. Дневники историка, директора Архива АН СССР Георгия Алексеевича Князева были впервые опубликованы издательством «Наука» в 2009 г. [12]. Как и письма Е.Э. Бломквист, дневники Г.А. Князева рассказывают не только о жизни одного ученого в военное время, но и о работе учреждений АН СССР (в т.ч. Комиссии по истории АН СССР), о спасении работниками архива рукописей умерших в блокадные годы ученых. Также работникам архива и ученым блокадного Ленинграда посвящена статья И.В. Тункиной [13]. На выставке были представлены одна из работ историка М.А. Тихановой и современное трехтомное издание воспоминаний Лихачева (во время войны — младшего коллеги Тихановой). Завершал раздел сборник трудов Чтений памяти К.И. Шафрановского [14] и труды сотрудников БАН — Натальи Михайловны Розовой и Николая Юрьевича Бубнова.

Раздел «АН СССР в Великой Отечественной войне» открывал очерк Ф.И. Нотовича «От Первой ко Второй мировой войне» [15] и его же статья «Военный разгром и капитуляция Германии в 1918 году», напечатанная в «Историческом журнале» в 1944 г. (№ 1, с. 64–72). Центром этой подтемы являлись: издание «Ленинград в годы Великой Отечественной войны» [16], книга Б.В. Левшина «Советская наука в годы Великой Отечественной войны» [17] и воспоминания П.Л. Капицы [18]. Раздел содержал несколько изданий 1943 и 1944 гг., посвященных питанию

[19], транспорту [20], и продолжался работой Б.Б. Плынова «Роль географии почв и учения о ландшафтах в тактике и оперативном искусстве» [21]. Далее следовали издания, посвященные медицине [22, 23], статья о промышленности [24] и книги и статьи о Германии — Корнеля Люциановича Зелинского [25], В. Карры [26] и др.). Заканчивался раздел книгой Арона Наумовича Трайнина «Уголовная ответственность гитлеровцев» [27].

Многие из представленных на выставке изданий могут быть отнесены сразу к нескольким разделам. Каждый раздел содержал отсылки к двум другим. В связи с этим осматривать экспозицию можно было в любом порядке разделов. Не претендуя на полное раскрытие темы, наша выставкала лишь показала примеры изданий из фонда ОИАН БАН.

Некоторые издания, представленные на выставке

1. Библиография изданий Академии наук СССР: 1941–1945: ежегодник. Вып. 4: 1944 год / Библиотека РАН; ред. совет: Н.М. Баженова, Н.В. Колпакова, В.П. Леонов [и др.]; отв. сост. Т.В. Кульматова. Санкт-Петербург, 2009. 406, [2] с.

2. Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны / РАН, ИРИ, СПб фил.; [ред. кол.: Е.М. Балашов и др.]. Санкт-Петербург: Наука, 1995. 138 с.

3. *Кольцов А.В.* Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. / А.В. Кольцов; ИИЕТ им. С.И. Вавилова, СПб. фил.; [отв. ред. Э.И. Колчинский]. Санкт-Петербург: Наука, 1997. 191 с.

4. *Леонов В.П.* Библиотека Российской академии наук в годы Великой Отечественной войны / В.П. Леонов, Н.В. Колпакова // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию / СПбНЦ РАН. Санкт-Петербург: Наука, 2011. С. 71–78.

5. *Вальская Б.А.* Географическое общество в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / Б.А. Вальская //

Известия Русского географического общества. 1995. Т. 127. № 2. С. 3–13.

6. *Федосеев И.А.* Вклад географов и геологов в великую Победу / И.А. Федосеев // Вопросы истории естествознания и техники. 1985. № 2. С. 36–41.

7. *Лебедева Л.А.* Разведение шампиньонов: краткие указания по культуре шампиньонов / Л.А. Лебедева; Ботанический институт им. акад. В.Л. Комарова АН СССР. Ленинград, 1943. 34, [2] с.

8. Научно-организационная деятельность академика А.Ф. Иоффе: сб. документов / Архив АН СССР, Ордена Ленина Физико-технический институт имени А.Ф. Иоффе; [сост.: Н.М. Митрякова и др.; отв. ред.: Л.С. Стильбанс, В.Я. Френкель; ред. кол.: А.В. Иоффе, Б.В. Левшин]. Ленинград: Наука, 1980. 365 с.

9. «...Твои письма — документ незабываемого времени...»: из эпистолярного наследия Е.Э. Бломквист, 1942–1945 / СПФ АРАН; [подг. текста, предисл., ком. Е.Н. Груздевой]. Санкт-Петербург, 2013. 390, [28] с.

10. *Марахонова С.И.* Деятельность Института востоковедения АН СССР в эвакуации (Ташкент, 1942–1945 гг.) / Светлана Ивановна Марахонова // Письменные памятники Востока. 2010. № 2 (13). С. 247–263.

11. *Марахонова С.И.* Институт востоковедения АН СССР в Ленинграде в годы войны и блокады: (по архивным материалам) / Светлана Ивановна Марахонова // Письменные памятники Востока. 2008. № 1 (8). С. 21–36.

12. *Князев Г.А.* Дни великих испытаний: дневники, 1941–1945 / Георгий Алексеевич Князев; СПФ АРАН; [отв. ред. Н.П. Копанева]. Санкт-Петербург: Наука, 2009. 1220 с. (Ad fontes: материалы и исследования по истории науки: supplementum 2).

13. *Тункина И.В.* Академические архивисты и Ленинградские ученые в годы блокады / И.В. Тункина // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию / СПбНЦ

РАН. Санкт-Петербург: Наука, 2011. С. 79–91.

14. Чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973): сб. тр. Международной науч. конференции (Санкт-Петербург, 25–26 нояб. 2008 г.) / БАН; [сост.: Н.М. Баженова и др.]. Санкт-Петербург, 2011. 288 с.

15. *Нотович Ф.И.* От Первой ко Второй мировой войне: краткий очерк международных отношений в 1919–1942 гг. / Ф.И. Нотович; Институт истории АН СССР; [ред. Е. Кингисепп]. Ташкент, 1943. 211 с.

16. Ленинград в годы Великой Отечественной войны: очерки; документы; фотографии / авт.-сост.: В.М. Ковальчук, А.Н. Чистиков; Санкт-Петербургский ин-т истории РАН [и др.]; редкол.: В.М. Ковальчук [и др.]. Санкт-Петербург, 2005. 240 с.

17. *Левшин Б.В.* Советская наука в годы Великой Отечественной войны / Борис Венедиктович Левшин; Архив АН СССР; [отв. ред. М.П. Ким]. Москва: Наука, 1983. 382 с.

18. Петр Леонидович Капица: воспоминания, письма, документы / [сост.: Е.Л. Капица, П.Е. Рубинин]. Москва: Наука, 1994. 544 с. (Ученые России: очерки; воспоминания; материалы).

19. *Орлова О.И.* Как получить высокий урожай картофеля и овощей / О.И. Орлова; АН СССР, Дальневосточная база им. акад. В.Л. Комарова; [отв. ред. Н.И. Жилияков]. Владивосток, 1944. 48 с.

Единый технологический процесс на транспорте: совместная работа станций железных дорог и примыкающих к ним подъездных путей промышленности / В.Н. Образцов [и др.]; Транспортная секция Академии наук и ДОРНИТО Свердловской ж. д. Москва; Ленинград, 1944. 78 с.

20. *Полынов Б.Б.* Роль географии почв и учения о ландшафтах в тактике и оперативном искусстве / Б.Б. Полынов; Почвенный институт им. В.В. Докучаева АН СССР; [отв. ред. Л.И. Прасолов]. Москва, 1944. 32 с.

21. *Прилишко Л.И.* Шиповники – природные носители витаминов: как собирать, сушить и использовать плоды шиповника / Л.И. Прилишко; Ин-т ботаники АН СССР, Азерб. фил. Баку, 1944. 34 с.

22. *Исаев В.В.* Раны и их лечение // Наука и жизнь. 1944. № 10. С. 36–38.

23. *Винцер Ю.* Война и золото // Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. № 1–2. С. 68–73.

24. *Зелинский К.Л.* Борьба с немецкой агрессией в русской литературе / Корнелий Люцианович Зелинский; ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР. Москва; Ленинград, 1941. 43, [3] с.

25. *Карра В.* Промышленность фашистской Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. № 3–4. С. 21–33.

26. *Трайнин А.Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев / А.Н. Трайнин; Институт права АН СССР; под ред. А.Я. Вышинского. Москва, 1944. 105, [2] с.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

Научные исследования

Искюль С.Н. Наполеон — читатель Макиавелли?

Искюль Сергей Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
e-mail: iskiouls@yahoo.com

Iskyul S. Napoléon — the reader of Machiavelli?

Iskyul Sergey — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher

St. Petersburg Institute of History Russian
Academy of Sciences
7 Petrozavodskaya Street, St Petersburg,
Russia, 197110
e-mail: iskiouls@yahoo.com

ABSTRACT

The article analyzes the content of the book «Machiavelli, commented by Napoléon». The author of this anonymous essay is revealed.

Keywords: Machiavelli, Napoléon, bibliophilia, reading culture, the librarian and bibliographer Barbier, Restoration of the Bourbons, Abbe Aimé Guillon.

Гальцин Д.Д. Сборник *Miscellanea Astrologica* из фондов Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук: кодикологические и текстологические аспекты рецепции средневековой магии в эпоху Возрождения

Гальцин Дмитрий Дмитриевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел редкой книги

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: dmitrygaltsin@gmail.com

Galtsin D. The collection *Miscellanea Astrologica* of the Manuscript Research Department, Russian Academy of Science Library: codicological and textual aspects of the reception of medieval magic in the Renaissance

Galtsin Dmitry — Candidate of Historical Sciences, Scientific Researcher of Research Department of Rare Book

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya,
Vasilievsky Island, St. Petersburg,
Russia, 199034
e-mail: dmitrygaltsin@gmail.com

ABSTRACT

The collection of 12 tracts *Miscellanea Astrologica* (1589) hold by the Manuscript Research Department of the Russian Academy of Science Library reflect the development of the manuscript tradition of the so called «image magic» from the 13th to the 15th centuries and some circumstances of its acceptance during the Renaissance. The present article looks at this manuscript in the context of medieval and Renaissance tradition of magic manuscripts.

Keywords: history of philosophy, manuscript tradition, astrology, magic, Renaissance.

Вознюк А.И. Развитие библиотечного дела в Эстонии (1918–1940)

Вознюк Анастасия Игоревна — магистрант, кафедра литературы и детского чтения

Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургского государственного института культуры»

191186, Санкт-Петербург,
Миллионная ул., д. 7
e-mail: nastasja.95@mail.ru

Voznyuk A. Development of librarianship in Estonia (1918–1940)

Voznyuk Anastasiya — Master of the department of literature and children's reading

Federal State Budget Institution of Higher Education «Saint Petersburg State University of Culture»

7 Millionnaya Street, St. Petersburg,

Russia, 191186

e-mail: nastasja.95@mail.ru

ABSTRACT

The author considers the history of development of librarianship in Estonia from the end of the Estonian War of Independence until the outbreak of World War II. For 22 years had been reached some progress in librarianship, in Estonia was created the State Library of the Parliament, held congresses of the Estonian librarians, opened the courses for librarians, established relations with neighboring countries. Russian diaspora created the private libraries for supporting the Russian culture and literature in Estonia.

Keywords: Estonia, State Library of the Estonian Parliament, Estonian librarians' society, Russian public library in Yuryev, Library-Reading room in Narva.

Жуков А.Е. К вопросу о научном методе Н.К. Никольского

Жуков Артем Евгеньевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел рукописей

Библиотека Российской академии наук

199034, Санкт-Петербург,

В.О., Биржевая л., д. 1

e-mail: artemnovgor@inbox.ru

Zhukov A.E. About the scientific method of N.K. Nikolsky

Zhukov Artem — Candidate of Historical Science, Researcher of the Research Department of Manuscripts

Russian Academy of Sciences Library

1, Birzhevaya liniya,

Vasilievsky Island, St. Petersburg,

Russia, 199034

e-mail: artemnovgor@inbox.ru

ABSTRACT

The scientific activity of N.K. Nikolsky, who was one of the most prominent slavist researcher of the first part of the 20 c., considers in the scientific literature. But the biographers of the scientist examine the content of his work. The method of N.K. Nikolsky has never studied in the historiography. The author considers the last problem in this article.

He examines the factors of the genesis of the Nilolsky method.

Keywords: N.K. Nilolsky, pre-assembly presence, church archeology, Christianity, Imperial Academy of science.

Савченко М.Д. От печатной книги к сети Интернет: трансформация понятия «норма» в информационную эпоху

Савченко Мария Денисовна — редактор, Редакционно-издательский отдел

Библиотека Российской академии наук

199034, Санкт-Петербург,

В.О., Биржевая л., д. 1

e-mail: savchenko.maria888@mail.com

Savchenko M. From printed book to the Internet: transformation of «normality» in Information Age

Savchenko Maria — Editor, Editorial and Publishing Department

Russian Academy of Sciences Library

1, Birzhevaya liniya,

Vasilievsky Island, St. Petersburg,

Russia, 199034

e-mail: savchenko.maria888@mail.com

ABSTRACT

Transformations in mechanism of data processing, storage and circulation inevitably provokes changes in sociocultural space and human mind. This article to analyze how world-wide spreading of Internet affected contemporary view on «normality».

Keywords: informatization, printed book, Internet, normality, hierarchy, disciplinary society.

Кнорозова Е.Ю. К вопросу об обеспечении гуманитарных исследований Вьетнама

Кнорозова Екатерина Юрьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Отдел литературы стран Азии и Африки

Библиотека Российской академии наук

199034, Санкт-Петербург,

В.О., Биржевая л., д. 1

e-mail: knorozova@yandex.ru

Knorozova K. On the question of providing humanitarian studies of Vietnam

Knorozova Katherine — Candidate of Philological Sciences, Researcher, Research Department of Oriental Languages Publications

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya,
Vasilievsky Island, St. Petersburg,
Russia, 199034
e-mail: knorozova@yandex.ru

ABSTRACT

The Academy of Sciences Library, as the largest library providing the basis for Vietnamese humanitarian studies, plays a leading role in St. Petersburg. In the Department of Literatures of Asian and African Countries of the Academy of Sciences Library, Vietnamese culture is being researched, and translations of three monuments of Vietnamese traditional prose are published.

Keywords: library, culture, Vietnam, traditional literature, translation, source, index, bibliography.

Пономарева Н.В. «Библиография изданий Академии наук» как источник информационного обеспечения истории науки

Пономарева Нина Васильевна — кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел библиографии и библиотековедения

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: nvponomareva@inbox.ru

Пономарева Н. «Bibliography of the Academy of Sciences' editions» as a source of information support for the history of science

Пономарева Нина — Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Senior Researcher of the Scientific Research Department of the Bibliography and History of Libraries

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya,
Vasilievsky Island, St. Petersburg,
Russia, 199034
e-mail: nvponomareva@inbox.ru

ABSTRACT

To study the history of science, the information contained in scientific publications on scientific research carried out in different historical periods, scientists, who made a significant contribution to its development, problems and prospects

for scientific activity, is of great importance. Such information is contained in the editions of the Russian Academy of Sciences, which is the basis for the formation and development of Russian science.

Keywords: historical science, bibliography of the Academy of Sciences' system of bibliographic indexes.

Люди и книги

Бахарева Г.В., Валуйская Е.Б. Максим Горький и библиотека Пушкинского Дома (к 150-летию со дня рождения писателя)

Бахарева Галина Викторовна — кандидат педагогических наук, заведующий, Отдел Библиотеки Академии наук

Валуйская Елена Борисовна — главный библиотекарь, Отдел Библиотеки Академии наук

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, В.О.,
наб. Макарова, д. 4
e-mail: irli-bib2@yandex.ru

Bahkareva G., Valuiskaya E. Maxim Gorky and the Library of Pushkin House (Institute of the Russian literature): to the 150th birth anniversary

Bahkareva Galina — Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Library Department of the Academy of Sciences

Valuiskaya Elena — Chief Librarian of the Library Department of the Academy of Sciences

Institute of Russian Literature
(Pushkin House) Russian Academy of Sciences
4, Makarova Embankment,
Vasilievsky Island, St. Petersburg,
Russia, 199034
e-mail: irli-bib2@yandex.ru

ABSTRACT

The article is specifically dedicated to M. Gorky and his relations with Pushkin House including his participation in the institution's museum, manuscripts and book collection development. The authors highlighted a particular attention that Gorky paid to the research activity of the institution. The article consists of a brief books and other printed matters review presented by Gorky and

the ongoing bibliographic work in the field of Gorky's legacy studies.

Keywords: Russian literature of the 20th c., literary studies, bibliography, research library.

Перекрест С.В. Систематизаторы Библиотеки Академии наук 1920-х годов: Виталий Степанович Серебренников — философ, богослов, психолог

Перекрест София Владимировна — кандидат биологических наук, заведующий, сектор естественных и технических наук, Отдел научной систематизации литературы

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: perekrest.sv@gmail.com

Perekrest S. Systematizers of the Academy of Sciences Library in the 1920s: Vitaly Stepanovich Serebrennikov — philosopher, theologian, psychologist

Perekrest Sofia — Candidate of Biological Sciences, Head of the Sector of Natural and Technical Sciences of the Department of Systematic Catalog

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya,
Vasilievsky Island, St. Petersburg,
Russia, 199034
e-mail: perekrest.sv@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to Vitaly Stepanovich Serebrennikov (1862–1942), professor of experimental psychology, philosopher, Christian theologian and systematizer of the Academy of Sciences Library. The article presents the main facts of his biography, as well as the characteristic of his work in the Department of Systematization of the Academy of Sciences Library in the 1920s. The Appendix contains data to the list of publications by V.S. Serebrennikov.

Keywords: Serebrennikov V.S., Department of Systematization, history, Academy of Sciences Library.

Виноградова Т.И. Переписка И.И. Яковкина и В.М. Алексева

Виноградова Татьяна Игоревна — кандидат исторических наук, заведующий, Отдел литературы стран Азии и Африки

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

Vinogradova T. Correspondence of I.I. Yakovkin and V.M. Alekseev

Vinogradova Tatiana — Candidate of Historical Sciences, Head of the Research Department of Oriental Languages Publications

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya,
Vasilievsky Island, St. Petersburg,
Russia, 199034

e-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

ABSTRACT

First publication of correspondence between two Russian scientists — sinologist academician V.M. Alekseev (1881–1951) and bibliographer, Director of the USSR Academy of Sciences Library I.I. Yakovkin (1881–1949). These letters are now in V.M. Alekseev's fond hold by the Saint Petersburg Branch of Russian Academy of Sciences Archive. Promulgation of these brief business letters will help to understand the nature of the relationship between two eminent scientists, as well as the academic atmosphere of the 1930s–1940s.

Keywords: Vasilij Mihajlovich Alekseev (1881–1951), Innokentij Ivanovich Yakovkin (1881–1949), Sinology, Director of the USSR Academy of Sciences Library; correspondence; Russian Academy of Sciences Archive, Saint Petersburg Branch.

Хотеев П.И. Две надписи на трактате по артиллерии из библиотеки Я.В. Брюса

Хотеев Павел Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел редкой книги

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: niork@rasl.nw.ru

Khoteev P. Two inscriptions on a treatise on artillery from J. Bruce's personal library

Khoteev Pavel — Candidate of History, Senior Researcher of the Rare Book Department

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya,

Vasilievsky Island, St. Petersburg,
Russia, 199034
e-mail: niork@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The article deals with a treatise on artillery from J. Bruce's personal book collection. There are two inscriptions on the title page of this book. The study of these autographs allowed to find out that this book was presented to Bruce by the Major General in the Russian service G.E. Albedyll in summer of 1711 during the Prut campaign.

Keywords: book from the personal library of J. Bruce, a treatise on artillery, Major General G.E. Albedyll, the Prut campaign of 1711, owner's inscription as an historical source, book as a present.

История библиотек и коллекций

Зенкевич С.И. О роли мемориальных книжных собраний в истории фонда сектора БАН при СПбФ ИИЕТ РАН

Зенкевич Светлана Игоревна — кандидат филологических наук, научный сотрудник, сектор БАН при С.-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: fiibtib@mail.ru

Zenkevich S. The role of Memorial Book Collections in the History of the RASL Department in the Saint-Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology

Zenkevich Svetlana — Candidate of Philological Sciences, Researcher of the RASL Department in the St. Petersburg Institute for the History of Science and Technology
Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya,
Vasilievsky Island, St. Petersburg,
Russia, 199034
e-mail: fiibtib@mail.ru

ABSTRACT

The article deals with causes and circumstances of inclusion in the fund of academic library devoted to history of science and

technology two private book collections belonged to V. Danilevsky (historian of technology) and A. Kiselev (historian of mathematics). The first collection (1962) largely appeared to form this young library fund. The second collection accepted by a well-known and already formed library during the life of its owner (1995) reflects an important discipline in the history of science.

Keywords: memorial book collection, fund, RASL Department in the St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology, V. Danilevsky, A. Kiselev, history of science and technology, retrospective acquisition.

Колмакова М.В. Подсобная часть славянского фонда БАН: собрание Ю.Д. Марголиса

Колмакова Мария Владимировна — кандидат философских наук, научный сотрудник, заведующий, сектор славянского фонда, Отдел фондов и обслуживания

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: kolmakovamv@yandex.ru

Kolmakova M. Slavic Literature additional Fund of the RASL: Y.D. Margolis book collection

Kolmakova Maria — Candidate of Philosophical Sciences, Scientific Researcher, Head of the Slavic Literature Fund, Department of Funds and Services

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya,
Vasilievsky Island, St. Petersburg,
Russia, 199034
e-mail: kolmakovamv@yandex.ru

ABSTRACT

A part of Margolis's personal library was the basis for the formation of Slavic Literature additional Fund of RASL. The article tells about the provenances that create a unique look of individual exemplars and a single ensemble of a book collection.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, Slavic Literature Fund, Margolis Yuri Davidovich (1930–1996), book collection.

Красникова О.А. Русские печатные карты XVIII века в фонде

сектора картографии Отдела фондов и обслуживания БАН

Красникова Ольга Алексеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник, заведующий, сектор картографии, Отдел фондов и обслуживания
Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: okras05@mail.ru

Krasnikova O. Russian printed maps of the 18th c. in the collection of Cartography Sector of Department of Funds and Services Russian Academy of Sciences Library

Krasnikova Olga — Candidate of Historical Sciences, Scientific Researcher, Head of the Sector of Cartographical Fund of the Department of Funds and Services
Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya,
Vasilievsky Island, St. Petersburg,
Russia, 199034
e-mail: okras05@mail.ru

ABSTRACT

Russian printed maps of the 18th c. are the first experience of independent scientific cartography in the Russian state. The largest collection of these documents is kept in the Russian Academy of Sciences Library. Its introduction into the scientific circulation allowed making the new interesting discoveries.

Keywords: Russian engraved maps, 18th century, Geographical Department of the Academy of Sciences, Admiralty College, printers that printed maps, database.

Чернышенко Д.Ю. Выявление и первичное описание газет из собрания П.А. Сырку в фондах БАН

Чернышенко Дарья Юрьевна — ведущий библиотекарь, славянский фонд, Отдел фондов и обслуживания
Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: gaal.freude@gmail.com

Chernyshenko D. Identification and primary description of newspapers from the collection of P.A. Syrku in RASL

Chernyshenko Daria — Librarian of the Slavic Literature Fund of the Department of Funds and Services

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya,
Vasilievsky Island, St. Petersburg,
Russia, 199034
e-mail: gaal.freude@gmail.com

ABSTRACT

Books originating from the private libraries of eminent people of science and culture continue to be discovered in the Russian Academy of Sciences Library. This article deals with a small part of the book collection belonged to P. Syrku, Russian Slavic studies scholar. RASL librarians have identified some newspapers from his collection.

Keywords: Polychroniy Agapievich Syrku (1855–1905), private libraries, Russian Academy of Sciences Library, Slavic studies.

Бекжанова Н.В., Балакина А.А. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, январь–апрель 1944 года

Бекжанова Наиля Вилевна — кандидат педагогических наук, заведующий, Отдел научной систематизации литературы

Балакина Анна Арефьевна — ведущий библиотекарь, сектор музейно-выставочной и архивной работы
Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: onsl@rasl.nw.ru
bekzan17@rambler.ru

Bekzhanova N., Balakina A. The Russian Academy of Sciences Library (RASL): chronicle of the war years, January–April 1944

Bekzhanova Nailya — Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Systematic Catalog

Balakina Anna — Leading Librarian of the Department of Museum-Exhibition and Archival Work
Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya,
Vasilievsky Island, St. Petersburg,
Russia, 199034
e-mail: onsl@rasl.nw.ru
bekzan17@rambler.ru

ABSTRACT

The article presents a chronicle of life of Russian Academy of Sciences Library during the Great Patriotic War of 1941–1945 on the basis of archival documents.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, RASL, Great Patriotic War of 1941–1945, Blockade, Leningrad, chronicle.

Стасевич В.А. Выставка вложений из книг Отдела редкой книги БАН

Стасевич Владислав Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел редкой книги

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: vlad_stasevich@yahoo.com

Stasevich V. An exhibition of finds from the books of RASL Rare Book Department

Stasevich Vladislav — Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Research Department of Rare Book

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya,
Vasilievsky Island, St. Petersburg,
Russia, 199034
e-mail: vlad_stasevich@yahoo.com

ABSTRACT

The article provides a description of an exhibition of finds from the books which was held at the reading room of the RASL Rare Book Department in the end of 2018. The most outstanding discoveries are examined in detail. The appendix to the article contains the list of the exhibits and the books they were found in.

Keywords: finds from books, book exhibitions, Russian Academy of Sciences Library (RASL), Jacob Stählin, Aleksei Petrovich Bestuzhev-Riumin, Aleksandr Vasil'evich Nikitenko.

Бубнов Н.Ю. «Слово на Покров Пресвятыя Богородицы» и гравированный портрет старообрядца Ильи Ковылина

Бубнов Николай Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел рукописей

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: imb@rasl.nw.ru

Bubnov N. «Slovo na Pokrov presvyatiya Bogorodicy» and engraved portrait of Old Believer Ilya Alekseevich Kovylin

Bubnov Nicholas — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Research Department of Manuscripts
Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya,
Vasilievsky Island, St. Petersburg,
Russia, 199034
e-mail: imb@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The article, based on the newly discovered Old Believers' manuscripts of the RAS Library, is devoted to a history of creation the first engraved portrait of Ilya Alekseevich Kovylin, a prominent Old Believers' figure and a writer, as well as Savva Ivanovich Stukachyov, the portrait customer and author of «Slovo na Pokrov presvyatiya Bogorodicy» («Words on the Intercession of the Theotokos»).

Keywords: Old Believers, Moscow merchants — I.A. Kovylin, S.I. Stukachyov, engraver — A.G. Afanasiev, engraved portraits, RAS manuscripts.

Обзоры, информация

Прохоренко А.В. Образ В.И. Ленина в революционной сатире 1917 года: по материалам фондов Библиотеки Российской академии наук (БАН)

Прохоренко Анита Витальевна — кандидат культурологии, младший научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: anita138807@gmail.com

Prokhorenko A.V. Image of V.I. Lenin in the revolutionary satire of 1917: Based on the materials from the funds of the Russian Academy of Sciences Library (RASL)

Prohorenko Anita — Candidate of Cultural Studies, Junior Researcher of the Research Department of Academy of Sciences Editions

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya,
Vasilievsky Island, St. Petersburg,

Russia, 199034
e-mail: anita138807@gmail.com

ABSTRACT

In addition to the scientific literature, the RASL funds contain a lot of journalistic publications that provide rich material for studying historical processes in Russia. In the article describes the image of V.I. Lenin, the Bolshevik fraction, their ideology and activity, formed in the satire of the periodical press of Petrograd for 1917 (on the material of periodicals – satirical magazines, satirical newspapers, party newspapers, other newspapers and magazines with sections of satire and humour – from the funds of the RASL and IRLI).

Keywords: Revolution, satire, humour, Lenin, Bolsheviks, RSDLP (b), anecdote, pamphlet, feuilleton, Great Russian Revolution, satirical journals, satirical newspapers, Petrograd, satirical journalism, Academy of Sciences Library.

Хаздан С.Е., Фрейдина К.Б. Академическая наука в год полного снятия блокады: выставка ОИАН БАН (краткий обзор)

Хаздан Софья Евгеньевна – библиотекарь, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук

Фрейдина Катерина Борисовна – библиотекарь, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: freken_book@mail.ru
katerina_fr@mail.ru

Khazdan S., Freidina K. Academic science in the year of blockade lifting: the exhibition of the Department of Publications of the Academy of Sciences RASL (the short review)

Khazdan Sofia – Librarian of the Research Department of Academy of Sciences Editions

Freidina Katerina – Librarian of the Research Department of Academy of Sciences Editions

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya,
Vasilievsky Island, St. Petersburg,
Russia, 199034
e-mail: freken_book@mail.ru
katerina_fr@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the exhibition in the reading room of the Research Department of publications of the Academy of Sciences.

Keywords: Leningrad blockade, scientific achievement, academic institutions, memories.

